

Святая гора

Афон

Е. Михайлов
Святая гора Афон

*Текст предоставлен издательством <http://www.litres.ru>
Святая гора Афон: Сибирская Благовонница; М.; 2009
ISBN 978-5-91362-148-1*

Аннотация

Афон – место паломничества многих и многих православных христиан.

Как выглядит Святая гора глазами русского паломника, каково административное устройство находящихся там монастырей, как проходит монашеская жизнь под Покровом Божией Матери?

Ответы на эти вопросы читатель сможет найти в данной книге, в которую также включены поучения афонских старцев и замечательный рассказ Бориса Зайцева «Афон».

Содержание

АФОН	6
География	7
Уставная хартия	8
Административное устройство	11
История	13
Современный Афон	23
Богослужение	32
Церковное пение	43
Афон и Россия	44
Константин Николаевич Леонтьев	51
Письмо 1-е	52
Письмо 2-е	55
Письмо 3-е	63
Письмо 4-е	71
По Афону в 1907 году (глазами русского паломника)	76
Проповеди	92
О покаянии	92
О соблюдении ума	95
О духовном ведении	97
О созидании нового человека	100
Наставления монахам и мирянам о молитве	103
Из бесед с афонским монахом Иосифом Ватопедским	116
Борис Константинович Зайцев (1881–1972)	120
Вместо послесловия	123
Иллюстрации	130

Святая гора Афон

**Святогорец Серафим (в схиме Сергей) (в мире Семен
Авдиевич Веснин) (1814–1853) Святая Гора Афон**

Гора Афон, Гора Святая,
Не знаю я твоих красот,
И твоего земного рая,
И под тобой шумящих вод.

Я не видал твоей вершины,
Как шпиль твой впился в облака,
Какие на тебе картины,
Каков твой вид из далека.

Я не видал, Гора Святая,
Твоих стремнин, отвесных скал,
И как прекрасна даль морская,
Когда луч солнца догорал.

Я рисовать тебя не смею,
Об этих чудных красотах
Сложить я песню не умею:
Она замрет в моих устах.

Одно, одно лишь знаю верно
Я о тебе, Гора чудес,
Что ты таинственна, безмерна
И недалёко от небес.

Я знаю, Кто тобой владеет,
Кому в удел досталась ты:
Тебя хранит, тебя лелеет
Царица горней высоты.

Царица дивная, Царица
Народов всех и всех племен;
Она, Царя Христа денница,
Разрушила твой темный плен.

Сквозь сумрак древности глубокой
Я вижу, грешный, как теперь:
Корабль несется одинокий, —
На нем Царя-пророка Дщерь.

Несется он из Палестины,
На остров Кипр его полет;

Вдруг ветер, волнуются пучины,
Корабль к Афону пристаёт.

На вопль кумиров Аполлона
Спешат Марию все встречать,
И узнают толпы Афона
В ней Бога истинного Мать.

«Сия гора, – рекла Царица, —
Да будет жребием Моим.
Отсель прострёт Моя десница
Всегдашний кров над местом сим.
Здесь благодать польётся чудно
И милость Сына Моего.
Для жизни сей найдут нетрудно
Достаток нужного всего.

А там тебе, Афонский житель,
Слуга мой верный, раб Христов,
Готова райская обитель,
Награда веры и трудов.

Сего Я места не забуду,
Всегда Заступница ему —
О нём ходатайствовать буду
Вовеки к Сыну Моему».

Обет Царицы сладкозвучный
Сбылся и зрится в чудесах:
Она с Афоном неразлучна,
Афон всегда в Её очах.

И лик Свой там Она являет,
Беседует к рабам Своим,
Сама судьбы их управляет
И бдит над бытом их земным.

1839–1843

АФОН

Афон (Святая Гора (греч. Ἁθῶς, Ἄγιον "Ороψ), крупнейшее в мире средоточие православного монашества, расположенное в Греции на полуострове Айон-Орос (Святая Гора, Афонский полуостров). Находится под церковной юрисдикцией Константинопольского Патриархата. На Святой Горе, пребывающей под покровительством Божией Матери и называемойся уделом Пресвятой Богородицы, уже более тысячи лет непрерывно возносятся к Богу молитвы иноков. В настоящее время¹ число монашествующих превышает 1700.

¹ Ажурные, кружевные (франц.).

География

Афонский полуостров является крайней восточной оконечностью полуострова Халкидики. Его протяженность с северо-запада на юго-восток – около 60 км, ширина – от 7 до 19 км, территория – около 360 кв. км. Рельеф полуострова постепенно повышается к юго-востоку и переходит в скалистую горную цепь, заканчивающуюся мраморной пирамидой горы Афон (высота – 2033 м). <...>

К востоку <от города Уранополис (Урануполи)> с 1920-х годов проходит административная граница Святой Горы (ранее она проходила западнее, по сухому руслу «Ксерксова канала»). Полуостров имеет более 20 мысов.

В крутых скалистых берегах имеется всего несколько крупных бухт, главной из которых является Дафни – порт Святой Горы, куда прибывают суда с материка и где находятся таможенный, почтовый и полицейский участки.

Административный центр Святой Горы – Карея (современное Карье, Карьес) находится в самом центре Афона и соединен с Дафни дорогой. Грунтовые шоссейные дороги, проложенные в основном с середины 1980-х годов, ведут отсюда и в другие концы полуострова, автотранспорт используется преимущественно для перевозки грузов. <...>

Почти весь Афон покрыт богатой растительностью: еловыми, каштановыми, дубовыми лесами, густым кустарником. На нижней части горных склонов много платанов, в верхней зоне – вересковых пустошей. Здесь выращивают цитрусовые, яблони, груши, черешню, грецкие орехи, насажены виноградники и плантации оливковых деревьев. Снег выпадает редко и держится недолго. Источниками питьевой воды служат стекающие с гор ручьи.

Уставная хартия

В древности порядок монашеской жизни на Афоне определяли как неписанные обычаи, так и письменные монастырские и общеафонские уставы (типиконы), а также указы и постановления византийских императоров, турецких султанов и Константинопольских Патриархов. <...>

В 1912 году Афон стал частью Греческого государства и в 1924-м получил в этом качестве окончательное международное признание. 10 мая 1924 года пятичленная комиссия чрезвычайного Двойного собрания Святой Горы выработала «Уставную хартию Святой Горы Афонской» <...> известна также как «Новый канонизм» (далее Устав). После доработки комиссией правоведов Устав был утвержден правительством и парламентом Греции. Устав из 188 статей <далее: ст.> был объявлен «вытекающим из императорских хрисовулов и типиконов, Патриарших сигиллиев, султанских фирманов, действующих Главных канонизмов и древнейших монашеских уставов и правил» (ст. 188). В настоящее время этот документ является основным законодательным актом, действующим на Афоне.

Согласно Уставу, Святая Гора состоит из двадцати Священных Царских Патриарших ставропигиальных монастырей, <...> располагающихся по издревле установившемуся обычаю в следующем иерархическом порядке:

- 1) Великая Лавра во имя преподобного Афанасия Афонского,
- 2) монастырь Ватопед в честь Благовещения Пресвятой Богородицы,
- 3) Иверский монастырь в честь Успения Богородицы,
- 4) монастырь Хиландар в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы,
- 5) монастырь преподобного Дионисия в честь Рождества святого Иоанна Предтечи,
- 6) монастырь Кутлумуш в честь Преображения Господня,
- 7) монастырь Пантократор в честь Преображения Господня,
- 8) монастырь Ксиропотам во имя Сорока мучеников Севастийских,
- 9) монастырь Зограф во имя великомученика Георгия Победоносца,
- 10) монастырь Дохиар во имя святых Архангелов,
- 11) монастырь Каракал во имя апостолов Петра и Павла,
- 12) монастырь святого Филофея в честь Благовещения Пресвятой Богородицы,
- 13) монастырь Симонопетра в честь Рождества Христова 14) монастырь святого Павла в честь Сретения Господня,
- 15) монастырь Ставроникита во имя святителя Николая Чудотворца,
- 16) монастырь преподобного Ксенофонта во имя великомученика Георгия Победоносца,
- 17) монастырь преподобного Григория во имя святителя Николая Чудотворца,
- 18) монастырь Эсфигмен в честь Вознесения Христова,
- 19) Русский монастырь великомученика Пантелеимона (Русик, Свято-Пантелеимон),
- 20) монастырь Кастамонит во имя святого первомученика Стефана.

Только эти двадцать монастырей имеют права собственности на Афоне. Все прочие зависимые монашеские учреждения – скиты, келлии, каливы, исихастирии, кафизмы – с их территориями и пристройками являются неотчуждаемой собственностью какой-либо из перечисленных обителей. Изменять количество монастырей и их отношение к зависимым учреждениям не разрешается. Превращение скитов в монастыри, или келлий в скиты, или калив в келлии категорически запрещается (ст. 1–3, 126–141). Ни одно из священных жилищ на Афоне не может отклониться от главного своего предназначения и преобразоваться в мирское (ст. 4). Все монастыри Святой Горы находятся под духовной юрисдикцией Констан-

тинопольского Патриархата, и в них «не разрешается поминовение никого другого, кроме имени Вселенского Константинопольского Патриарха» (ст. 5). Все живущие на Святой Горе монахи, какой бы они ни были национальности, «считаются приобретшими греческое гражданство» (ст. 6).

Монастыри самоуправляются по своим внутренним уставам (канонизмам), принятым ими и утвержденным Священным Кинотом (ст. 9). Большинство ныне действующих монастырских канонизмов были приняты в 1920–1980 годах. Внутренний устав определяет устройство монастырского жительства, порядок избрания монастырениачальников, их права и обязанности, общие предписания относительно монашеской жизни, в том числе богослужебные указания, хранение книг, попечение о святых мощах, святынях и библиотеках. По своему устройству монастыри делятся на общежительные (киновиальные) и особножительные (идиоритмийные). Общежительный монастырь не разрешается превращать в особножительный, но особножительный преобразуется в общежительный по требованию большинства старших братий (чей постриг превышает шесть лет); решение о преобразовании монастыря в общежительный принимается Священным Кинотом и доводится до сведения Константинопольского Патриарха на предмет издания соответствующего сигиллия (Патриаршего указа) (ст. 85). В 1960 году особножительными были девять афонских монастырей; с 1992 года все монастыри являются общежительными.

Скиты зависят от монастырей, на земле которых они расположены. <...> В Уставе перечислены двенадцать действующих на Афоне скитов, делящихся по своему устройству на общей особно жительные.

Общежительные: 1) скит во имя Успения Пресвятой Богородицы (Мариинский) Свято-Пантелеимонова монастыря, 2) скит во имя святого пророка Илии (Свято-Ильинский) при монастыре Пантократор, 3) скит святого Иоанна Предтечи (Предтеченский) при Великой Лавре, 4) скит во имя святого Андрея Первозванного (Свято-Андреевский) при монастыре Ватопед.

Особножительные: 1) скит во имя праведной Анны 2) скит во имя Святой Троицы (Кавсо каливийский) при Великой Лавре, 3) скит во имя великомученика Димитрия при Ватопеде, 4) скит во имя святого Иоанна Предтечи при Иверском монастыре, 5) скит во имя великомученика Пантелеимона при Кутлумуше, 6) скит в честь Рождества Пресвятой Богородицы (Новый Скит) и 7) скит во имя великомученика Димитрия (Лакку) при монастыре святого Павла, 8) скит в честь Благовещения Пресвятой Богородицы при монастыре Ксенофонт.

Скиты представляют собой небольшие поселки, состоящие из хижин-калив, каждая из которых имеет одну-две комнаты, храм и хозяйственные пристройки. В центре находится соборный храм (кириакон). Каждый скит управляется дикеем (скитоначалником), советниками и собором старцев. Скитские монахи занимаются сельским хозяйством, различными ремеслами и рукоделиями.

С XVIII века многие скиты имели национальную принадлежность, отличную от того монастыря, на землях которого они находились: скит Богородицы был болгарским (до середины 1980-х годов), Андреевский – русским, Ильинский – украинским, Предтеченский – румынским (остаётся таковым до настоящего времени). Подобное явление было характерно и для многих келий.

Келлии представляют собой отдельные монашеские жилища, обычно это двух– или трехэтажное здание с пристроенным к нему храмом. Главенствующий монастырь уступает келлии за определенную плату посредством оформления долгового соглашения в преемственное владение малым общинам, состоящим из старца и двух-трех его учеников, составляющих синодию (*греч.* свита, спутники). Келлиоты живут своим трудом, возделывая виноградники, масличные сады и огороды на приписанных к келлиям земельных участках,

находящихся в их исключительном пользовании (кроме лесных угодий, право на пользование которыми принадлежит главенствующему монастырю).

Каливы (*греч.* хижины) являются жилыми постройками небольших размеров и в отличие от келлий не имеют земельных участков. Каливиты занимаются рукоделием или выполняют за определенную плату работы для других обитателей.

Группы калив образуют небольшие поселки: Капсала близ Кареи, Малая святая Анна, Катунакии (Катунакья), святого Василия, Карулии (Каруля), Провата и др.

Кафизмы (*греч.* седалища) – небольшие жилища, расположенные близ монастырей и находящиеся на их содержании. Обычно здесь уединяются подвижники, достигшие высот созерцательной жизни, у которых при этом сохраняются и келлии внутри монастыря.

Исихастии и аскитии (*греч.* места безмолвия и места подвижничества) находятся в пустынных и труднодоступных местностях Катунакии, Керасии, Каруля, где в уединении или с одним братом-сподвижником подвизаются отшельники. Сюда обычно приходят иноки, прошедшие испытание кинувияльного жития и стремящиеся подражать духовным подвигам древних молчальников-исихастов.

Административное устройство

Статус Святой Горы закреплён в ст. 105 действующей конституции Греции (принятой в 1975 году, дополнена в 1986-м; повторяет ст. 109–112 конституции 1927 года):

«1. Афонский полуостров от Мегали-Вигла и далее, образующий округ Святой Горы, является в соответствии со своим древним привилегированным положением самоуправляющейся частью Греческого государства, суверенитет которого над ним остаётся неприкосновенным. В духовном отношении Святая Гора пребывает под непосредственной юрисдикцией Вселенской Патриархии. Все монашествующие на ней приобретают греческое гражданство без каких-либо формальностей, как только они принимаются в число послушников или монахов.

2. Святая Гора в соответствии со своим установленным порядком управляется двадцатью ее Священными Монастырями, между которыми поделен весь Афонский полуостров, и ее земля не подлежит отчуждению. Управление осуществляется представителями Священных Монастырей, составляющими Священный Кинос. Категорически запрещается какое бы то ни было изменение системы управления или количества монастырей Святой Горы, их иерархического строя и их взаимоотношений с зависящими от них учреждениями. На ее территории запрещается пребывание иноверцев или раскольников.

3. Подробное определение святогорского распорядка и способа его действия содержит Устав Святой Горы, составленный и принятый двадцатью Священными Монастырями в сотрудничестве с представителем государства и утвержденный Вселенской Патриархией и греческим парламентом.

4. Строгое соблюдение святогорского распорядка в отношении его духовной части находится под верховным надзором Вселенской Патриархии, в отношении же административной части – под наблюдением государства, которому принадлежит исключительное право поддержания общественного порядка и безопасности.

5. Вышеизложенные полномочия государства осуществляются через губернатора, права и обязанности которого равно как и осуществляемая монастырским начальством и Священным Киносом судебная власть и, наконец, таможенные и налоговые привилегии Святой Горы определяются законом».

На Афоне существует две системы администрации – гражданская и монастырская. Территория Афона составляет отдельную административно-территориальную единицу (ном) Греческой Республики. Гражданское управление осуществляет губернатор (управляющий, префект) Святой Горы, подчиняющийся Министерству иностранных дел Греции. По традиции губернатор Афона назначается из числа профессоров богословского факультета Фессалоникийского университета. В его ведении находятся полиция, отдел регистрации иностранных граждан и таможня. Гражданские ведомства находятся в Карее и Дафни. Губернатор поддерживает контакт с монастырскими органами управления. Своей властью он приводит в исполнение решения монастырей и Священного Кинота, поскольку они принимаются в согласии с действующим Уставом (ст. 8 Устава).

Высшим законодательным и судебным органом монастырского управления Святой Горы является Чрезвычайное двадцатичленное собрание, состоящее из настоятелей всех двадцати монастырей и собирающееся дважды в год: через пятнадцать дней после Пасхи и 20 августа (ст. 43).

Исполнительная власть принадлежит Священному Киносу и Священной Эпистасии.

Священный Кинос Святой Афонской Горы является постоянным органом и состоит из представителей (антипросопов) всех двадцати монастырей, каждый из них избирается своим монастырем в течение пятнадцати первых дней января сроком на один год (ст. 11 и

14). На заседаниях, проходящих три раза в неделю, должны присутствовать не менее двух третей членов Кинота, по приглашению их может посещать губернатор Святой Горы.

Священная Эпистасия, или Надзор, собирается с начала июня по конец мая из представителей ежегодно сменяющих друг друга пять четвериц, на которые поделены двадцать монастырей: I) Великая Лавра, Дохиар, Ксенофонт, Эсфигмен; II) Ватопед, Кутлумуш, Каракал, Ставроникита; III) Иверский, Пантократор, Филофея, Симонопетра; IV) Хиландар, Ксиропотам, Святого Павла, Григория; V) Дионисия, Зограф, Русский, Кастамонит.

Первый по порядку (прот, *греч.* – первый) член четверицы носит титул «Протэпистата» (первого надзирателя), председательствует в Эпистасии и держит жезл прота (ст. 28). Все эпистаты равны между собой; каждый из них получает одну часть четырехчастной печати Священного Кинота с изображением Богородицы «Пространнейшей»; в отсутствие какого-либо эпистата его часть печати может быть передана его представителю, но не другому члену Эпистасии (ст. 29–31). В случае равного количества голосов принятие решения передается в Кинот. Священная Эпистасия следит за поддержанием чистоты и порядка в Карее, устанавливает цены на продукты, надзирает за поведением и изгоняет нарушителей правил приличия силами блюстителей порядка (отряды сейменидов и сердаров), при необходимости прибегая к содействию находящихся в Карее государственных полицейских. Высшие административные органы Святой Горы располагаются в Карее.

Постоянные монастырские суды (дикастирии) первой ступени состоят из игумена и собора старцев монастыря. Суд второй ступени представляет Кинот Святой Горы, принимающий апелляции только на суровые наказания в течение пятнадцати дней со дня оповещения обвиняемого; мелкие наказания считаются окончательными и отмене не подлежат. Высшая судебная власть принадлежит Чрезвычайному собранию.

Константинопольский Патриарх и его Священный Синод выступают в качестве верховной судебной инстанции в вопросах духовного характера (касающихся чистоты церковного вероучения и канонической дисциплины) (ст. 41–83).

Уголовные дела подлежат компетенции гражданского суда в Фессалонике (ст. 7).

История

В эпоху античности гора, носящая, как считали древние, имя мифического фракийского гиганта Афона (догреческого происхождения), была малонаселена и известна главным образом своей величиной. <...> С IV века до Рождества Христова, как и вся Халкидика, Афон входил в состав Македонии. <...>

Со II века до Рождества Христова полуостров входил в состав Римского государства. На его территории и в непосредственной близости к нему было расположено несколько небольших городов-полисов <...>. В один из них, Аполлонию, находившуюся у перешейка, связывавшего Афон с Халкидикой, по пути из Амфиполя в Фессалонику заходил апостол Павел (Деян. 17, 1). Предание о пребывании апостола спустя много веков сохранилось среди жителей возникшего на месте древней Аполлонии города Иериссо <...>. Ко времени гонений начала IV века в Аполлонии уже было немало христиан; здесь пострадали мученики Исавр диакон, Иннокентий, Филикс, Ермий, Перегрин и градоначальники Руф и Руфин. Окончательно христианство утвердилось в этих краях во времена равноапостольного Константина I Великого, когда в Аполлонию был поставлен первый епископ. В это же время полнились первые храмы и на самом Афоне. Не исключено, что наряду с храмами здесь в IV веке возникли и первые монастыри. О посещении афонских обителей в начале V века преподобными Варнавой и Софронием рассказывает греческое Житие святых Варнавы, Софония и Христофора (память греческая 17 августа) из «Нового Лимонария» (Афонский патерик. М., 1897. С. VI).

В VII веке все древние города на полуострове пришли в упадок и прекратили свое существование. Между 670 и 675 годами Афон, как и многие другие местности северного побережья Эгейского моря, был опустошен арабами, осаждавшими Константинополь. Постоянная угроза морских набегов арабских пиратов, укрепившихся на острове Крит, сохранялась до середины X века. К концу VIII – началу IX века на Афоне практически не осталось поселений, единственными его обитателями были пастухи, кочевавшие со своими стадами.

Предания о начале афонских монастырей. О древнейшей истории христианского Афона повествуют устные афонские предания, дошедшие до настоящего времени в поздней книжной традиции XVII–XVIII веков.

Согласно сказанию, сохранившемуся у Стефа на Святогорца и ставшему известным на Руси с первой четверти XVI века (издано в сборнике «Рай мысленный», 1659), вскоре после Вознесения Спасителя Афон удостоила посещением Пресвятая Богородица. Ее корабль, направлявшийся на Кипр, из-за морской бури причалил к афонскому берегу в так называемой Климентовой пристани. При появлении Богоматери языческие идолы громко призвали жителей встречать «Марию, Великого Бога Иисуса Матерь». Возвестив афонцам о Христе, Богородица «возрадовасе духом, рече: Се в жребий Мне бысть Сына и Бога Моего» и, благословив народ, произнесла: «Божия благодать на место сие и на пребывающих в нем с верою и со страхом и с заповедями Сына Моего; с малым попечением изобильно будет им вся на земли, и жизнь небесную получают, и не оскудеет милость Сына Моего от места сего до скончания века, и Аз буду тепла заступница к Сыну Моему о месте сем и о пребывающих в нем». <...>

Древнейшая редакция Жития преподобного Петра Николая Синаита (конец X–XI века) сообщает о явлении Богородицы преподобному Петру. Повелев ему идти на Афон, Она предвозвестила: «Придет время, когда Афон наполнится монахами от края до края».

Большинство афонских монастырей низводят начало своей истории к первым векам христианства. Император Константин Великий († 337), по преданию, <...> основал храм в

честь Успения Божией Матери в Карее, а также Ватопедский и Кастамонитский (Констамонитский) монастыри. Название Каракальской обители дало повод считать ее основателем императора Каракаллу (III век). Строительницей монастырей Эсфигмен и Ксиропотам считалась императрица святая Пульхерия.

Цикл преданий связан с Ватопедским монастырем. После того как он был построен при императоре Константине, монастырь был razoren Юлианом Отступником. Его возобновили с большой роскошью императоры Феодосий I Великий и его сын Аркадий в память о случившемся там чуде, которое пересказывает Иоанн Комнин. Во время бури юный Аркадий был унесен с палубы корабля в открытое море, но когда сопровождавшие его причалили к афонскому берегу, они обнаружили и зарослях кустарника (βάτος) мирно спящего царственного отрока (παιδίον), откуда и произошло название Ватопед. Согласно другой версии, приводимой Стефаном Святогорцем, чудесно спасся не сын, а племянник Феодосия I, «отрок Вато». <...> О древности Ватопедского собора могут свидетельствовать сохранившиеся четыре колонны из порфиrowого гранита, а также священный колодец в алтаре. Тот же Иоанн Комнин приводит рассказ о посещении Ватопеда дочерью Феодосия I Галлой Пладицией († 450). Прибыв на Афон, она собиралась совершить поклонение в храме, но у входа в собор была остановлена гласом свыше: «Стой, не иди далее, да не пострадаешь зло». Императрица в слезах взмолилась о прощении ей греха дерзновения и построила придел во имя великомученика Димитрия. <...>

Образование монашеского сообщества. <...> Афонская традиция связывает заселение полуострова отшельниками с бегством монахов с земель, завоеванных арабами в VII веке. <...>

Наиболее вероятно, что монахи начали заселять опустевший Афон в конце VIII века, хотя отдельные отшельники, возможно, укрывались на этой лесистой и крутой горе и в более древние времена. <...> В середине IX века на Афоне жило уже значительное количество монахов и Святая Гора была достаточно известна в Византии.

Довольно долгое время на Афоне не было крупных монастырей, что отличало его от других монашеских центров. Здесь подвизались аскеты и отшельники, приходившие из других обителей в поисках совершенного уединения.

Первым известным афонским святым является преподобный Петр. Время его подвижничества приблизительно относится к первой половине IX века. Самым ранним свидетельством об этом отшельнике является канон, составленный в его честь преподобным Иосифом Песнописцем в середине IX века. Следует отметить, что почитание преподобного Петра уже в X веке было довольно широко распространено и за пределами Афона, о чем свидетельствует его житие. <...>

Важные сведения о развитии афонского монашества в IX веке дает Житие преподобного Евфимия Нового <...>. Преподобный Евфимий принял постриг на горе Олимп в Вифинии, прожил около пятнадцати лет в общежительном монастыре, а затем в поисках уединения отправился на Афон (около 859 года). Некоторое время он подвизался в полном одиночестве, затем вокруг него стали собираться другие отшельники, признавшие его своим духовным наставником. Преподобный Евфимий не раз покидал Афон, уходил в Фессалонику, жил некоторое время на острове Неи и в основанном им близ Фессалоники общежительном монастыре. Автор жития говорит, что за время жизни преподобного Евфимия число монахов на Афоне значительно увеличилось. Когда преподобный пришел на Афон, он нашел здесь отшельников и аскетов, живших небольшими группами, однако о каких-либо монастырях, имевших внутреннюю организацию, житие не упоминает. По-видимому, в IX веке большинство афонских монахов либо вели отшельнический образ жизни, либо объединялись в малые общины вокруг того или иного духовного наставника.

Один из монахов, подвизавшихся вместе с преподобным Евфимием, преподобный Иоанн Колов, основал между 866 и 883 годами монастырь на перешейке, соединяющем Афон с материком. Монастырь быстро увеличил свои владения и скоро стал обладателем значительных земельных участков на Афоне. <...> В 979–980 годах обитель Иоанна Колова перешла в собственность Иверского монастыря. <...>

С начала X века на Афоне интенсивно шло формирование и развитие крупных монастырей, в которые объединялись более мелкие обители и келлии отшельников. Наиболее значительной из них была Кафедра Старцев в северо-западной части Афона, названная «древней» уже в хрисовуле 934 года. Общее богослужение совершалось в центральном храме, старцы собирались несколько раз в году на общее собрание (синаксис) под председательством прота. <...>

В середине X века местопребыванием прота стала лавра Великого Меса в центральной части полуострова; в наши дни здесь находится административный центр Афона Карея.

Постепенно сформировалась единая система управления Афона, включавшая общее собрание Протат и совет игуменов при протате, которая просуществовала без значительных изменений до конца византийского периода. Протат распоряжался всеми земельными владениями Святой Горы, так как они принадлежали не отдельным монастырям или общинам, но всем афонским насельникам. К нему приходили новоприбывшие на Афон монахи, и он раздавал им келлии для жительства. По вопросу об окончательном наделении землей протат должен был заручиться согласием др. монахов. Протат представлял Афон перед гражданскими и церковными властями Византии, вместе с советом из игуменов вел судопроизводство на Афоне, следил за сохранением мира и порядка, утверждал избрание настоятелей и вручал игуменский посох. Эконом Протата ведал распределением ежегодных пожертвований, поступавших из императорской казны. Высшей инстанцией, к которой апеллировал афонский протат, был не архиепископ Фессалоникийский и не Константинопольский Патриарх, а сам император. Довольно быстро вокруг протата сформировался совет из наиболее уважаемых и влиятельных монахов, осуществлявший избрание протата и участвовавший в рассмотрении судебных дел. Совет протата первоначально не был строго регламентированным институтом: порядок вхождения в него и количество его членов не были четко определены. В X веке совет состоял примерно из четырнадцати игуменов крупнейших монастырей. Кроме постоянно действовавшего Протата и периодически собиравшегося совета существовало также собрание всех афонских монахов. Собираясь три раза в году в Протате (Карее) на великие церковные праздники (Рождество Христово, Пасха и Успение Богородицы), монахи обсуждали проблемы, касавшиеся всех афонских насельников. <...>

К концу X века преобладающей формой монашеской жизни на Афоне стало общежитие. Начало его распространению было наложено преподобным Афанасием Афонским. Получив в 961–962 годах средства от военачальника и будущего императора Никифора II Фоки, он начал строительство на Афоне большого общежительного монастыря, названного впоследствии Великой Лаврой. Традиционной датой ее основания считается 963 год, когда был освящен соборный храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. В том же году Никифор стал императором и Лавра преподобного Афанасия фактически получила статус императорского монастыря. Уже при жизни своего основателя монастырь стал одним из крупнейших на Афоне (число иноков достигло 80 человек). Для Великой Лавры преподобный Афанасий Афонский разработал устав (типикон, 973–975 годы), а также так называемое Завещание – Диатипосис преподобного Афанасия (после 993 года) <...>; многие положения этих документов вошли в уставы других афонских общежительных монастырей.

Запрет доступа женщин действовал на Афоне, вероятно, с самого начала его заселения монахами. Несмотря на то, что он не зафиксирован в древних уставах, о неукоснительности его соблюдения говорит тот факт, что уже в Типиконе преподобного Афанасия Афонского

запрещается присутствие в монастыре даже самок животных (глава 31). В Житии преподобного Петра (конце X – начале XI века) говорится, что, поскольку Христос даровал Афон Своей Матери, другим женщинам нет места на нем <...>.

Среди других крупных обителей на Афоне пользовался известностью Ватопедский монастырь, основанный, по наиболее достоверным сведениям, в 970-х годах <...>. Также в X веке были основаны монастыри Ксиропотам, Зограф и Фессалоникийца во имя святого Пантелеимона, позднее переданный русским монахам. К тому же столетию относят основание преподобным Павлом Ксиропотамским монастыря, получившего впоследствии его имя. <...> В конце X или начале XI века был основан монастырь преподобного Ксенофонта. Основание Дохиарского монастыря предание приписывает императору Никифору III Вотаниату (1078–1081), однако известна подпись игумена этой обители, датируемая до 1030 года. В XI веке были основаны монастыри Эсфигмен, Каракал и Кастамонит, а также монастыри Филофея и Симонопетра. <...> Многие монастыри, существовавшие на Афоне в X–XI веках, позднее исчезли. В то же время появлялись новые обители: преподобного Григория (около 1347 года), Пантократор (около 1363 года), преподобного Дионисия (около 1370 года). В 1541–1542 годах скит Ставреникита (с XI века) был преобразован в монастырь.

В конце 971 или начале 972 года был издан первый официальный устав афонского монашеского сообщества – Типикон Иоанна Цимисхия. Этот документ, известный также под названием «Трагос», состоял из 28 правил и действовал без значительных изменений на протяжении всей византийской эпохи (типиконы 1045 и 1406 годах фактически лишь дополняют его положения). <...>

Типикон Иоанна Цимисхия закрепил превращение Афона из прибежища отшельников <...> в центр общежительного монашества. <...> Был определен новый порядок проведения собраний: вместо трех раз монахи собирались лишь раз в году – на Успение. Ограничивалось и число участников этих собраний. <...> Все возникавшие споры и разногласия, даже внутри одного монастыря, игумены должны были выносить на суд прота. Тот в свою очередь не мог принимать решения без одобрения всех игуменов афонских монастырей. Избрание прота должно происходить «по прежнему обычаю». <...> Группы келлиотов и отшельники получали те же права, что и игумены крупных монастырей. Все три группы (игумены, духовные наставники групп келлиотов и отшельники) могли принимать участие в собраниях и влиять на решения, касавшиеся всего Афона. Монахи, пришедшие из других мест, согласно типикону, не могли селиться на Афоне без предварительного разрешения прота. Те, кто хотели принять постриг на Афоне, должны были найти здесь себе духовного наставника и затем в течение года быть у него послушниками. Монахам и отшельникам запрещалось крестить детей или вступать в побратимство с мирянами и гостить у мирян, покидая свои монастыри; запрещалось торговать с мирянами лесом и вином, перепродавать свои участки земли. <...>

Эконом Протата должен был разбирать все споры на территории Карееи и изгонять виновников раздоров. Если возникали недоразумения на остальной территории Афона, он должен был провести расследование при участии нескольких игуменов. Распределением ежегодных пожертвований из императорской казны ведал эконом, который должен был отчитываться перед собранием. <...> Монастырям было предоставлено право получать неограниченные пожертвования, приобретать земли как на Афоне, так и вне его. Под документом стоит 56 подписей (47 из них принадлежат игуменам афонских монастырей <...>).

Согласно Житию Афанасия Афонского, к преподобному стекались тысячи людей из разных стран. <...> С полным правом можно утверждать, что Афон с этого времени соединял в одну монашескую общину представителей разных народностей, для которых Святая Гора стала высшей школой христианского подвижничества.

На рубеже X–XI веков на Афоне, согласно житийным данным, подвизалось около 3 тысяч иноков.

В 960-х годах на Афоне появились первые грузинские монахи Иоанн и Евфимий Святогорец (Мтацминдели). Согласно их житию, написанному преподобным Георгием Святогорцем, преподобный Иоанн еще в молодости стал монахом и подвизался в разных обителях; позднее вместе с сыном Евфимием он попал в Константинополь, оттуда перебрался на Олимп в Вифинию, а затем на Афон, где был благожелательно принят преподобным Афанасием в Великой Лавре (около 965 года). Вскоре после этого родственник Иоанна Ивира Иоанн Торникий (Торник) также прибыл на Афон; постепенно вокруг них собралась небольшая община грузинских монахов, обосновавшаяся близ Великой Лавры. После успешного подавления Торником мятежа Варды Склира в 978 году император Василий II удостоил его почестей и щедрых пожалований. Вернувшись на Афон, Торник основал новый грузинский (Иверский) монастырь (979–980 годы), получивший значительные земельные владения <...>. Преподобный Иоанн Торник стал первым игуменом монастыря. В начале XI века, в игуменство преподобного Евфимия, «лавра грузин» стала одним из самых крупных монастырей на Афоне; здесь проживало около 300 монахов, как грузин, так и греков. При Иверском монастыре возник скрипторий, где сформировалась знаменитая литературная школа. Главную роль здесь играли преподобный Евфимий и греческий монах Феофан, осуществившие многочисленные переводы на грузинский язык греческой богослужебной и патристической литературы. Грузинская средневековая словесность многим обязана литературной деятельности Иверского монастыря. В монастыре сохранилась значительная коллекция грузинский рукописей.

При жизни преподобного Афанасия на Афоне возникли монастыри, основанные выходцами из Южной Италии и с Сицилии, в том числе монастырь, основанный около 993 года <...> по уставу преподобного Венедикта Нурсийского.

В XI веке засвидетельствовано существование крупной русской монашеской общины в монастыре Ксилургу, которой в 1169 году был передан монастырь Фессалоникийца, известный с того времени как Русская обитель <...>.

В конце XII века святой Савва Сербский, сын великого жупана Сербии, основал сербский Хиландарский монастырь. К той же эпохе относятся первые сведения о болгарских иноках <...>.

В XI веке Афон оказался в центре наметившегося в Византии движения за возрождение монашества. Для византийского общества все большее значение стали приобретать идеалы мистического подвижничества, которые проповедовал преподобный Симеон Новый Богослов. Они нашли отклик как в деятельности многих подвижников (святые Лазарь Галисийский, Мелетий Новый и другие), так и в окружении Константинопольских Патриархов (Алексия Студита, Михаила I Кирулария) и даже при императорском дворе.

В 1045 году был составлен новый афонский устав из пятнадцати статей – Типикон Константина Мономаха <...>. Он был призван не столько заменить собой Типикон Иоанна Цимисхия, сколько дополнить его положения в соответствии с изменившимися условиями <...>.

Монастырям предписывалось держать лишь небольшие суда и торговать только тем, что производится в самих монастырях; было запрещено владеть скотом и пасты на территории Афона стада, пригоняемые с соседних территорий; запрещалось продавать заготавливаемый на Афоне лес за его пределами. Подвергалась строгой регламентации покупка, продажа, наследование и распоряжение землями. Монахам запрещалось покидать Святую Гору во время Святой Четырнадцатницы. Запрещалось рукополагать во диакона и пресвитера и избирать игуменом лиц моложе 21 года. <...>

Типикон Константина Мономаха был призван ограничить хозяйственную активность на Афоне. <...>

В конце XI века приход к власти в Византии династии Комнинов, стремившейся к сближению императорского трона и Церкви, привел к дальнейшему укреплению положения Афона и его места в византийском обществе. <...>

XIII–XV века были для Афона непростым временем. После захвата Константинополя латинянами (1204) Святая Гора <...> попала в церковное подчинение титулярного католического <...> епископа. Монастыри стали подвергаться притеснениям и грабежам отрядов крестоносцев. <...>

Православные государи, считавшие себя наследниками Константинопольских василевсов (императоры Никеи и Трапезунда, эпирские деспоты), постоянно оказывали активную поддержку Святой Горе. В 1222 году территория Македонии была завоевана деспотом Феодором Дукой и Афон был освобожден от владычества крестоносцев. После восстановления Византийской империи при императоре Михаиле VIII Палеологе (1261) возобновились давние особые отношения Афона с императорами. Внешняя политика Михаила, рассчитывавшего на выгоды от сближения с Западом, привела к заключению церковной унии на Лионском Соборе (1274). Это вызвало противостояние с афонскими монахами, не желавшими принимать унию и отказавшимися поминать императора-униата во время литургии. <...>

Сын и наследник императора Михаила VIII Андроник II Палеолог проявил себя как противник унии, что окончательно восстановило отношения Афона с династией Палеологов.

Императоры проявляли особую заботу о Святой Горе, осыпая монастыри пожертвованиями и земельными дарениями. С ними соревновались в щедрости правители Сербии, Болгарии и Валахии.

В 1307–1309 годах Афон жестоко опустошили приглашенные Андроником II отряды каталанских наемников, отказавшиеся подчиняться императору: многие монастыри были сожжены и разорены, драгоценные реликвии и предметы искусства разграблены.

При Андронике II претерпели изменение отношения Афона с Константинопольским Патриархатом. Появившийся в XII веке статус автономных (ставропигиальных) монастырей с начала XIV века стал придаваться на Афоне каждой новооснованной обители. Это означало подчинение монастырей непосредственной юрисдикции Константинопольского Патриарха, который таким образом получал на Святой Горе права, каких у него не было ранее. Главным приобретением Патриарха было подчинение ему афонского прота, утвержденное императорским хрисовулом (1312). В нем определялось, что отныне прот должен получать поставление от Константинопольского Патриарха, прежний его статус без рукоположения признавался неканоничным. При этом титулу прота придавался ряд почетных привилегий. <...>

Период с XIII по XV век ознаменовался расцветом монашества на Афоне, получив известность как эпоха исихазма. Известная уже с V–VI веков практика исихии (*зреч.* безмолвие, покой), углубленного молитвенного делания, призванного отсечь помыслы и соединить ум с сердцем, распространилась на Афоне со второй половины XIII века. В это время преподобный Никифор Уединенник (Исихаст; память на Афоне 4 мая) создал «Слово о трезвении и хранении сердца», где подробно описана сердечная молитва. Дальнейшая история афонского исихазма связала с именами преподобного Григория Синаита и святителя Григория Паламы, а также их учеников и сподвижников. Традиционно считается, что главным инициатором исихастского возрождения на Афоне был преподобный Григорий Синаит († 1346). Обучившись умной молитве на Крите под руководством старца Арсения, преподобный Григорий прибыл в начале XIV века на Афон. В то время среди святогорцев было немало подвижников, достигших высоких степеней созерцательной жизни (например, преподобный Максим Кавсокалит), но все они приобретали духовный опыт без наставников. Преподобный Григорий начал обучение афонских монахов практике умной молитвы. Его воспитанники предпочитали держаться в отдалении от больших обителей, в пустынных местах, келлиях и скитах; наибольшее число «безмолвствующих» обитало в окрестностях Великой

Лавры. Идеалом исихастов стало скитское житие, при котором братия, пребывающая в уединении в течение всей недели, по субботам и воскресеньям и во дни великих праздников собирается в храме для участия в богослужении и Причащения Святых Таин.

Святитель Григорий Палама дал древней исихастской практике богословское обоснование. В 1317 году он удалился на Афон, где ему предстояло провести в общей сложности около двадцати лет, и поселился близ монастыря Ватопед, приняв духовное руководство исихаста преподобного Никодима Ватопедского (память 11 июля). Спустя три года Григорий Палама переселился в Великую Лавру, затем ушел в скит Глоссия на северо-восточном склоне Святой Горы, где его наставником стал знаменитый исихаст Григорий Цареградец. В 1325 году Григорий Палама уехал в Фессалонику, но через пять лет вернулся на Афон, поселившись в скиту святого Саввы близ Великой Лавры. Здесь около 1334 года он создал свои первые сочинения, в том числе Житие святого Петра Афонского, в котором преподобный Петр предстает как идеал исихаста. Около 1335–1336 года прот и совет Афона назначили святителя Григория игуменом крупного общежительного монастыря Эсфигмен, но вскоре, оставив игуменство, он вернулся в скит святого Саввы. В те же годы в окрестностях Великой Лавры непродолжительное время подвизался преподобный Григорий Синаит с учениками Каллистом и Марком. <...> Около 1339 года святитель Григорий прибыл на Афон, чтобы убедить игуменов главных монастырей и известных подвижников поставить свои подписи под составленным им исповеданием исихазма – так называемым Святогорским свитком. Документ был подписан в Карее протом, игуменами Великой Лавры, Ватопеда, Эсфигмена, Кутлумуша, Иверского и Хиландарского монастырей, а также иеромонахом Великой Лавры Филофеем Коккином (будущий Константинопольский Патриарх, друг и соратник Паламы), учениками преподобного Григория Синаита Исаией, Марком и Каллистом и даже неким сирийцем, исихастом из Карей, поставившим подпись «на своем языке». Когда в 1341 году делегация во главе со святым Григорием Паламой прибыла в Константинополь на Собор, в ее составе были все наиболее известные афонские исихасты. <...>

В 1345–1371 годах Афон входил в состав владений Стефана Душана, «царя сербов и греков», и его наследников. <...>

Торжество исихазма привело к значительному росту духовного влияния Афона – места, где зародилось это движение. Многие иерархи того времени избирались из среды афонского монашества. Афон стал важнейшим религиозным центром не только Византийской империи, но и стран юго-восточной Европы. Отсюда исихастское влияние распространялось по всему православному миру. Афон неизменно притягивал ищущих духовного наставничества и исихии подвижников из Болгарии, Сербии, Валахии, Руси. <...>

Афон после падения Византии. В османскую эпоху Афон оставался под покровительством <...> турецких султанов. Афонская община имела своих представителей при турецкой администрации: одного – в Фессалонике и двух – в Константинополе (при Патриархе и Высокой Порте). Афон пользовался относительной независимостью и являлся своего рода оазисом для христиан, где укрывались притесняемые, стремившиеся в безмолвии и аскезе забыть о своем порабощении. Афон оставался совершенно обособленным от остального мира, и лишь отдаленные отголоски исторических событий достигали этих мест. Монахи жили в покое, не интересуясь политикой, чем обезопасили себя от произвола турок. Во время турецкого владычества монашеская жизнь была сосредоточена главным образом в девятнадцати монастырях, к которым в 1541–1542 году добавился монастырь Ставроникита. <...> Так сложилась существующая и поныне группа из двадцати основных обителей, между которыми была поделена вся область Святой Горы, и никто, кроме них, не мог отныне владеть землей на Афоне.

В 1513 году султан Селим I <...> издал фирман, касающийся монастыря Ксиропотам, и подтвердил привилегии Святой Горы. То же сделали позже султаны Ахмед III, Селим III,

Махмуд II и другие. По законам ислама запрещалось строить и восстанавливать христианские здания, однако для Афона подобное разрешение давалось без затруднений. Впрочем, <...> на всех насельников Святой Горы был наложен весьма высокий подушный налог (харадж), размер и порядок взимания которого определяли султанские фирманы, Патриаршие сиилли и прочие документы. <...> С монастырей также не раз взимались непосильные дополнительные подати и поборы, нередко производилась конфискация монастырских подворий и владений за пределами Афона. <...>

После того как с конца XV века были установлены официальные отношения между Афоном и московскими великими князьями и митрополитами, Россию регулярно посещали посольства афонских монастырей для сбора материальной помощи Святой Горе. <...>

В XVI веке происходило возвращение некоторых монастырей к древнему общежительному уставу (Великая Лавра, Ватопед), однако на протяжении XVII века <...> все афонские обители стали особножительными. Другой особенностью этой эпохи было начавшееся со второй половины XVI века появление скитов. В древности слово «скит» являлось синонимом слова «лавра»; афонский скит состоял из нескольких домиков или хижин, где жили монахи, и был похож на деревню; в центре находился общий храм – кириакон. Отличие от древней лавры состояло в том, что скиты были зависимы от монастырей. Общиной скитских отшельников управлял дикей (*греч.* справедливый) с несколькими помощниками. <...> Первым был основан скит святой Анны, принадлежавший Великой Лавре (1572). Кавсокаливийский скит основал преподобный Акакий Новый Кавсокаливит († 1730), прославившийся особо суровой аскезой. В XVI–XVII веках появились другие крупные скиты: святого Димитрия (Ватопед), Иоанна Предтечи (Иверский монастырь), святого Пантелеимона (Кутлумуш), Новый скит Богородицы и румынский скит святого Димитрия (монастырь Святого Павла), Благовещения Богородицы (Ксенофонт), пророка Илии (Пантократор). <...>

Патриарх Гавриил IV издал в 1783 году новый типикон Святой Горы. <...> Его главной целью было восстановление древних обычаев сурового иноческого жития <...>. Было запрещено есть мясо, без разрешения покидать Святую Гору и уходить из монастыря в скит, ограничивалось число мирян, проживавших в Карее. Восстанавливалась упраздненная с 1585 года должность прота, к которому были присоединены четыре соуправителя, избравшиеся из числа монахов двадцати монастырей. Образованная таким образом Священная Эпистасия (попечительство) принимала на себя заботу по надзору за жизнью и поведением монахов. Прот избирался пожизненно и получал рукоположение от Патриарха. Он хранил ключи от зала собраний, каждый из эпистатов получал четвертую часть печати Святой Горы. <...> Одним из важнейших результатов преобразований Гавриила IV стало постепенное возвращение к общежительству. На киновийный устав перешли монастыри Ксенофонт (1784), Эсфигмен (1796), Симонопетра (1801), Свято-Пантелеимонов (1803), преподобного Дионисия (1803), Каракал (1813), Кастамонит (1818), Святого Павла (1839), за ними вскоре последовали монастыри преподобного Григория, Зограф и Кутлумуш.

В XVIII веке духовная жизнь на Афоне оживилась благодаря основанию духовных школ и усилению культурных контактов с Западом и славянскими странами. <...>

В середине XVIII века была основана Афонская академия – Афониада. <...> Одним из самых ярких представителей афонской духовной жизни этого периода был преподобный Никодим Святогорец. В 1775 году, в возрасте 26 лет, он пришел на Святую Гору и поселился в монастыре Дионисия, где через два года был пострижен в монахи. Изучив рукописные сокровища монастыря, он по просьбе преподобного Макария подготовил к изданию «Добротолубие», выверив и дополнив текст по различным рукописям (1782). Преподобный Никодим издал также «Собрание богопророчесных слов и поучений богоносных святых отцов» и сочинение Неофита Кавсокаливита «О частом Божественном Причащении». <...> Преподобному Никодиму принадлежит сборник канонов, посвященных Божией Матери (Богоро-

дичник), он перевел и издал трактат «Невидимая брань», где подробно описана практика духовной жизни. <...> Умер преподобный Никодим на Святой Горе. В 1955 году по инициативе афонских монахов Константинопольский Патриархат причислил его к лику святых.

В XVIII веке возрос интерес монахов к истории Святой Горы. В середине века Макарий Тригонис из Великой Лавры составил «Проскинитарий лавры»; примерно в то же время монах Евфимий написал стихотворный «Проскинитарий лавры» и Житие преподобного Афанасия Афонского. Иаков из монастыря Григория перевел сначала на валахский, а затем на новогреческий язык описание этой обители, сделанное в 1720-х годах русским паломником В. Г. Григоровичем-Барским. Феодорит, игумен Эсфигменского монастыря, написал историю своей обители.

Многие видные иерархи той эпохи (среди них – несколько Патриархов) удалялись на покой на Святую Гору. <...> Духовный подъем на Афоне не мог не затронуть и монахов негреческого происхождения. Преподобный Паисий Хиландарский составил в середине XVIII века первую историю болгарского народа. Румынский монах Филофей Святогорец перевел на румынский язык «Христианские учения» и «Цвет муз». Многие воспитанники Афонской академии распространяли свои знания в Молдавии и Валахии. Распространение святогорской духовной практики в России связано с именем преподобного Паисия Величковского.

Преподобный Паисий (Величковский) в 1746 году ушел на Святую Гору, где был пострижен в монахи. Преподобный Паисий поселился в уединенной келие неподалеку от монастыря Пантократор, через некоторое время вокруг него собралась монашеская община. В 1757 году, когда она стала многочисленной, старец вместе с учениками получил разрешение перейти в заброшенную Ильинскую келлию, преобразованную им в общежительный скит. Для духовного руководства братией старец Паисий обратился к творениям святых отцов об «умном, внутреннем делании». Так на Афоне возникла школа старца Паисия по изучению, переводу и переписыванию святоотеческих творений, которая продолжила свою деятельность в монастырях Драгомирна, Секу и Нямецком. <...>

Опытно познав на Святой Горе и в молдавских обителях школу старчества и аскетического делания под руководством преподобного Паисия и его учеников, многие русские иноки в конце XVIII века вернулись в Россию и поселились в брянских и рославльских лесах. <...> В новосозданных и восстановленных обителях ученики преподобного Паисия вводили афонский устав и возрождали традицию аскетического делания. К середине XIX века монастыри, придерживавшиеся аскетической школы преподобного Паисия (Величковского), располагались в тридцати епархиях, в том числе Московской, Орловской, Калужской, Тульской, Новгородской. <...>

В начале XIX века <...> все <святогорские> монастыри, в особенности Великая Лавра, Ватопед и Иверский, переживали период процветания. Росло число скитов. В 1810 году был принят новый устав, утвержденный турецким наместником в Фессалонике. <...> Органом управления монашеского сообщества Афона стал Священный Кинот, органом надзора – Священная Эпистасия. Должность прота была упразднена окончательно. Возвращение к общежительному уставу привело к нравственному и духовному расцвету. <...>

С 1869 года Святая Гора управлялась турецким каймакамом, резиденция которого находилась в Карее. Он подчинялся турецкому финансовому ведомству и обладал весьма ограниченными правами, в основном ведал сбором налогов и исполнял политические функции.

В течение XIX века значительно усилился интерес к Афону со стороны России, самой сильной православной державы. <...> Число русских монахов на Афоне стремительно росло, чему способствовала щедрая материальная и дипломатическая поддержка России. При покровительстве императорского дома с невиданным размахом шло строительство русских скитов святого Андрея Первозванного и Илии пророка, но главным центром русского при-

сутствия на Афоне стал монастырь святого Пантелеимона, издревле носивший название Русского. Если в начале XIX века здесь практически не было русских монахов, то к 1874 году на 200 греков в монастыре приходилось 300 русских; был впервые избран русский игумен Макарий (1875), число насельников непрерывно увеличивалось. <...> В 1913 году их число резко сократилось в результате депортации с Афона более 800 приверженцев движения имяславцев. Революция 1917 году и последующие события привели к прекращению притока монахов из России. <...>

<В 1912 году> многовековое турецкое владычество закончилось.

Лондонская мирная конференция послов (1913) в форме временного постановления утвердила статус Афона как автономного и независимого монашеского государства под совместным протекторатом балканских православных держав. Однако, согласно одной из статей Севрского договора (1920), подтвержденной в 1923 году в Лозанне, Афон был официально признан частью Греции. По этому соглашению греческие власти формально гарантировали неприкосновенность монахам негреческого происхождения.

В 1924 году была выработана «Уставная хартия» Святой Горы, которая до настоящего времени определяет управление Афоном. <...>

Вплоть до 1970-х годов число насельников Афона постоянно снижалось. В 1971 году был отмечен минимум – 1145 человек; в 1972 году их количество впервые увеличилось, что было воспринято как знаменательное событие. С тех пор численность святогорского монашества постоянно росла, увеличиваясь в год примерно на тридцать иноков.

В 1981 году при греческом правительстве был учрежден Центр по охране святогорского наследия, взявший под свой контроль учет и сохранение афонских ценностей, а также новое строительство на Афоне.

Современный Афон

Организация монашеской жизни. Основные предписания о порядке монашеской жизни содержит общеафонский Устав; более детальные подробности записаны во внутримонастырских уставах (канонизмах). Устав предусматривает две формы монастырского устройства – общежительную и особножительную. В настоящее время во всех монастырях и многих скитах распространено общежитие, восходящее к преподобному Афанасию Афонскому; в ряде скитов сохраняется особножительный устав.

В общежительных обителях (киновиях) все является общим: кров, послушания, трапеза, молитва. В особножительных послушания и еда распределяются между отдельными монахами. Общежительный монастырь управляется игуменом, избираемым пожизненно на общем собрании братии. Право быть избранными имеют все насельники не моложе 40 лет, принявшие постриг на Святой Горе и прожившие в своем монастыре или послушаниях вне его не менее шести (в монастыре святого Павла – не менее пятнадцати) лет со времени пострига. Об избрании игумена уведомляются Священный Кинос и Константинопольская Патриархия. <...> Игумен обладает духовной властью над братией монастыря, которая обязана оказывать ему уважение и полное послушание. Исполнительную власть игумен осуществляет совместно с комиссией (эпитропией) из двух-трех избираемых на год членов-эпитропов. Законодательную власть имеет герондия (духовный собор), число пожизненных членов которой обычно составляет от шести до двенадцати человек. Заседания герондии проходят не реже одного раза в неделю. Герондия выносит решение в случае разногласия игумена с эпитропами. Сосредоточение всей власти в руках игумена или игнорирование им прав комиссии или герондии «не разрешается ни под каким предлогом». Игумен, эпитропы и старцы должны являть собой пример общежительной жизни, избегать отдельных трапез, учить о нестяжании и о любви, лично заботиться о больных и престарелых (ст. 112–122).

В особножительных обителях законодательную власть осуществляло собрание избираемых пожизненно старейшин, а исполнительную – избираемая ежегодно двух- или трехчленная комиссия (ст. 123–125).

В каждом монастыре имеются следующие книги: а) Монахологий – перечень братии и сведений о каждом монахе: мирское и монашеское имя, фамилия, имена родителей, место рождения, род занятий до прихода на Афон, время и место испытательного послушания, время пострига, имущество на время пострига, семейное положение, военнообязанность, прежние места подвижничества, священный сан (для клириков) и монастырский чин (игумен, советник, проистамен); б) Книга послушников – аналогичный перечень со сведениями о послушниках; в) Монахологий зависимых учреждений – перечень монахов скитов, келлий и других мест подвижничества, приписанных к данному монастырю; г) протокол входящих и исходящих документов; д) Книга деяний духовного собора монастыря; е) хозяйственные книги (Ежедневник, Приходно-расходная, Бухгалтерская, Складская); ж) Ктиматологий – опись недвижимого имущества монастыря; з) Книга записи движимого имущества; и) Книга святынь – инвентарь святых мощей, священных облачений и сосудов, икон, рукописей, книг, древних памятников и всех предметов, находящихся под особым попечением монастырских властей.

В разных монастырях существуют свои традиции монашеского пострига. В большинстве обителей послушники по прохождении искуса от одного до трех лет постригаются в рясофор. Рясофорные монахи могут быть рукоположены в священный сан, что определяется богослужебной необходимостью (обычно в монастыре бывает четыре-пять иеромонахов). При несении ими послушания седмичного священника, канонарха и пономаря они носят мантию, их имена вписываются в Монахологий обители. Постриг в малую схиму существует

в тех немногих монастырях, где нет пострига в рясофор. По истечении определенного срока (как правило, около трех лет; в монастыре Филофея – до 15 лет) рясофорные монахи или постриженные в малую схиму постригаются в великую схиму. Имя при этом может меняться или не меняться. В редких случаях послушник может быть сразу пострижен в великую схиму. Таким образом, все святогорские монахи рано или поздно принимают великую схиму; в нее пострижены все игумены монастырей. Монахи-великосхимники могут быть рукоположены в любую священную степень. Постриги и рукоположения совершаются по решению игумена и духовного собора. <...> Схима и многокрестие (особо сплетенные веревочные кресты) надеваются под рясу только при Причащении Святых Таин и при совершении иеромонахами-великосхимниками Божественной литургии.

Монахи каждого монастыря «обязаны подчиняться своему монастырскому начальству и безоговорочно выполнять возложенное на них послушание»; в свою очередь монастырское начальство обязано «иметь к монахам отеческую любовь и беспристрастную и равную ко всем ним заботу» (ст. 92).

Для пострига в монахи кандидат должен пройти испытание от одного до трех лет и иметь полных 18 лет; постриженный в согласии с этим монах освобождается от воинской повинности (ст. 93). Никому не разрешается покидать Святую Гору без письменного разрешения своего монастыря (ст. 96). <...> Каждый монастырь обязан содержать больницу, аптеку и дом для престарелых (ст. 102). При избрании в монастырские начальники (проистамены) кандидат должен «отличаться добрым нравом, безупречной жизнью и административными способностями, и всегда предпочитают лица, имеющие церковное и всестороннее образование»; на выборах «запрещается любое вмешательство отцов монастыря, исключая начальников собрания»; начальники избираются пожизненно и низвергаются только после вынесения судебного решения; выборы проводятся согласно внутреннему распорядку монастыря (ст. 108). На собраниях начальники заседают и берут слово по старшинству повышения в должности; каждый из них «свободно и неограниченно выражает свое мнение, но всегда в границах благопристойности и приличия»; за порицание или дискуссионное мнение никого никогда нельзя преследовать или наказывать (ст. 109).

Каждое зависимое монастырское учреждение (скит, келлия, исихастирий, кафизма) имеет свой распорядок, утвержденный главенствующим (кириархальным) монастырем. Подвизающиеся в них отшельники считаются членами братии главенствующего монастыря, который уступает им во владение их жилище путем оформления так называемого долгового соглашения, составленного на определенных условиях. Лицо, на имя которого составляется соглашение, именуется старцем. Келлиоты подчиняются старцу как настоятелю. Все старцы должны безотлагательно сообщать о послушниках, принятых ими в ученики, и указывать точные сведения в своих Монахологии и Книге послушников. Обе эти книги ежегодно проверяются главенствующим монастырем. В соглашении указываются имена братьев, составляющих синодию старца. Изменение их строго запрещено. При постриге монаха или послушника необходимо разрешение господствующего монастыря; только с его согласия вносится новое имя в соглашение, признающее насельника членом синодии, имеющим право на законное наследование. Келлии уступаются главенствующим монастырем в преемственное владение трем лицам. Каливы в скитах приобретаются с согласия главенствующего монастыря через оформление соглашения.

По смерти старца келлии или каливы главенствующий монастырь в соглашении «поставляет на место старца первое лицо его синодии, а на место первого – второе, вписывая и третье лицо, имеющее постриг с разрешения монастыря». Запрещается наличие в одной келлии или каливе более шести человек (ст. 159, 162). Отсутствующие без разрешения главенствующего монастыря более шести месяцев вычеркиваются из соглашения (ст. 131–132).

Внутренняя жизнь скитов следует внутреннему распорядку, утвержденному главенствующим монастырем, и не может противоречить действующему Уставу (ст. 144). «Подвигающиеся в скитах монахи обязаны регулярно исполнять свои религиозные обязанности и, ничего не опуская, молиться на бдениях в храмах Господних» (ст. 145). Каждый скит управляется дикеем (скитоначалником), советниками (эпитропами) и соборными старцами; дикей избирается сроком на один год из числа старцев-каливитов, «отличающихся добродетелями и способностями, признанными главенствующим монастырем»; половина из двух-четырех членов совета выбирается одновременно с дикеем, другая половина назначается главенствующим монастырем. Каждый скит имеет свою печать, содержащую его название и название главенствующего монастыря; печать состоит из нескольких частей, хранящихся у членов совета (ст. 149–154).

Движимое имущество на Афоне – святые мощи, чтимые иконы, священные сосуды и облачения, драгоценные рукописи и другое – находится под священной охраной как народное достояние и отеческое наследие. Каждый монастырь обязан иметь перечень святынь, составляющих его вечную и неотъемлемую собственность. Все недвижимое имущество монастырей неотчуждаемо как предмет Божественного права (ст. 181). «Продажа земельных участков на Святой Горе ни в коем случае не разрешается, но обмен их возможен» (ст. 100). Все участки монастырей «сообразно заинтересованности сдаются в аренду либо обрабатываются собственными силами»; нарушение любого условия аренды влечет аннулирование договора со стороны монастыря; всякая просрочка арендной платы дает монастырю право взыскать ее на основании закона «О взимании просроченных доходов казны» (ст. 106). Одновременное приобретение одним лицом двух жилищ, приписанных к монастырям, категорически запрещается (ст. 128). Всякое новое строительство или расширение строений производится только с разрешения Священного Кинота (ст. 129). «Все ввозимые на Святую Гору для ее монахов товары стоимостью до 1000 золотых драхм в год на каждого монаха не подлежат таможенным пошлинам; товары сверх этой суммы и все, что ввозится торговцами, подлежит общему установленному государственному налогообложению» (ст. 167). Вся вывозимая со Святой Горы лесная и другая продукция освобождена от налогообложения государством (ст. 168). «Леса полуострова Святой Горы не подпадают под действие законов о лесах» (ст. 169). В последние десятилетия на месте вырубок осуществляются посадки ценных пород деревьев (в первую очередь средиземноморской сосны). «Рыбный промысел на Святой Горе для нужд ее монахов свободен и избавлен от всяких налогов» (ст. 170).

Повседневная жизнь. Образ жизни святогорских монахов подчинен главной цели их пребывания на Афоне – молитвенному служению Богу. <...> Монашеская молитва бывает общей и частной. Во время общих молитв (вечерня, повечерие, полунощница, утренняя, Божественная литургия) монахи собираются в главном соборном храме (кафоликоне) и малых храмах (параклисах) монастыря. Основу частной молитвы составляет краткая Молитва Иисусова. Особо почитается на Афоне Богородица, считающаяся единственной Владычицей Святой Горы. Главным занятием подвижников является непрестанная молитва. Келейное монашеское правило (канон) обязательно для всех монахов; церковные последования насельники келлий служат не так полно, как в монастырях (иногда они могут заменяться молитвами по четкам). Одной из особенностей монашеской молитвы считается молитвенное бодрствование во второй половине ночи, когда большинство людей спят, и неусыпная всенощная молитва по важнейшим праздничным дням. Келейное правило в святогорских обителях совершается преимущественно по четкам и сопровождается земными поклонами. <...> В большинстве монастырей правило имеет две степени: для послушников (трое-пять четок, 30–50 земных поклонов) и для всех монахов (двенадцать четок и 100–150 для великосхимников 300 земных поклонов). В древнейших общежительных монастырях Иисусова молитва читается так: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Молитва Пресвятой

Богородице – так: «Пресвятая Богородице, спаси мя, грешнаго». В монастырях, недавно принявших общежительный устав, словесная форма молитв может незначительно отличаться.

На 12 четок-сотниц молитвы распределяются следующим образом: девять – Иисусу Христу, три – Пресвятой Богородице. Земные поклоны в греческих монастырях совершаются во все, в том числе праздничные, дни, кроме воскресений и Светлой седмицы. Келейное правило совершается стоя, с крестным знаменем и малым поясным поклоном на каждой молитве. Правило ко святому Причащению в большинстве монастырей читается в храме по книге (канон и молитвы); в монастыре Филофея и некоторых других обителях (так называемых филофеитских монастырях) келейно по четкам (1200–1500 молитв Иисусовых). Другая особенность филофеитской традиции, основанной на духовном предании старца Иосифа Исихаста († 1959), – еженощное келейное бдение в течение четырех часов до полунощницы: келейное правило по четкам, умная молитва (от 30 минут до одного часа, без четок), чтение Священного Писания и святоотеческих творений.

Частота исповеди в святогорских обителях не оговаривается единым правилом и определяется духовной необходимостью каждого насельника. Исповедь совершается обычно в одном из приделов собора или в келлии духовника. Духовниками в греческих киновиях являются игумены и один-два их помощника-заместителя. Как и в Элладской Церкви, исповедовать на Афоне могут только священники, над которыми совершена архиерейская хиротесия в духовника. <...> Все братия причащаются Святых Таин не реже одного раза в неделю (обычно в четверг и субботу или воскресенье; в Великий пост – на всех литургиях; в филофеитских обителях – четыре раза в неделю в течение всего года).

В качестве обычного приветствия на Афоне принято произносить «Эвлогите» (*греч.* – благословите), на что следует ответ «О Кириос» (то есть Господь [благословит]); в период между Пасхой и Вознесением приветствием служит возглас «Христос воскрес!» с ответом «Воистину воскрес!» Желающие войти в закрытое помещение произносят, стуча в дверь: «Молитвами святых отец наших...», ответное «Аминь» служит приглашением войти. Обращением к простым монахам служит *греч.* «Όσιε, Όσιώτατε или Όσιολογίώτατε (к ученым монахам), к имеющим сан диакона – Τερολογίώτατε, к иеромонахам, игуменам, архимандритам и прочим – Πανοσιώτατε, Πανοσιολογίώτατε.

Усопших иноков по афонскому обычаю облачают в схиму и многокрестие (тело при этом не омывается и нательное белье не меняется) и, покрыв лицо куколем, зашивают в рясу.

На грудь усопшего возлагают икону Пресвятой Богородицы. Усопшего иеромонаха облачают еще и в епитрахиль, в руки его кладут Евангелие и покрывают лицо воздухом; иеродиакона облачают в орарь и лицо покрывают малым покровом. По совершении чина исходного последования тело относится в монастырскую усыпальницу. Над могилой совершается заупокойная лития. Игумен обычно произносит слово, посвященное новопреставленному. Затем над головой усопшего полагается плита (для предохранения от повреждений) и тело засыпают землей. Три года усопший поминается на проскомидии ежедневно, а затем имя его вносится в большую поминальную книгу – «Куварас» (Κουβαράς); такие книги, читаемые в заупокойные субботы, содержат имена всех усопших монахов обители, начиная с глубокой древности (напр., в «Куварасе» Великой Лавры список начинается с имен преподобного Афанасия и ктиторов монастыря, живших в X веке). По истлении тела останки усопшего износятся из могилы, в усыпальнице совершается Божественная литургия. Глава усопшего с написанным на ней именем и возрастом полагается в костнице вместе с главами других почивших братьев, прочие кости складываются отдельно.

Предпринятая в Греции в 1920-х годах реформа календаря не нашла поддержки на Афоне и монастыри Святой Горы продолжают использовать юлианский стиль. В большинстве монастырей сутки по византийской традиции начинаются с захода солнца; разница с европейским временем составляет в зависимости от времени года от трех до семи часов. <...>

Гражданские ведомства на Афоне и некоторые монастыри используют европейское время. Сутки делятся на три восьмичасья, отведенных для молитвы, работы и отдыха. Старинный греческий стих так описывает повседневные труды монаха: «Пиши, занимайся, пой, воздыхай, молись, молчи». <...> Каждый монастырь имеет свой распорядок дня, предписанный внутренним уставом.

Распорядок Ватопеда, действовавший в бытность этой обители особножительной (по европейскому счету): с 4 до 7 часов – последование утрени, литургия, завтрак; 7–10 – работы внутри и вне монастыря; 10–12 – хозяйственные работы, прием гостей, ученые занятия; 12–15 – обед и отдых; 15–16 – вечерня и повечерие; 16–18 – работы, прогулка, визиты; 18–19 – приготовления к ужину; 19–21 – ужин и занятия; 21–4 – канон (монашеское правило), частная молитва и ночной отдых; 4 часа – пробуждение.

Распорядок общежительного монастыря преподобного Дионисия (по так называемому византийскому счету времени): с 6 до 7 часов после заката солнца – канон (12 четок и 300 земных поклонов); 7–10 – последование утрени; 10–11.30 – отдых в покоях; 11.30–12 – приготовление к общей молитве; 12–13.30 – литургия и молебен; 13.30–14 – общая обеденная трапеза; 14–18 – службы и послушания; 18–20 – полуденный отдых, занятия; 20–21.30 – службы; 21.30–22.30 – вечерня; 22.30–23.30 – общий ужин; 23.30–24 – прогулка; 24–0.30 – повечерие, закрытие монастырских ворот; 1–6 – ночной отдых; 6 часов – пробуждение.

В келлиях действуют распорядки, установленные старцами. Пример (по так называемому византийскому счету времени): 8.30–10.30 – последование утрени; 10.30–11.30 – канон (четки и поклоны); 11.30–12 – завтрак; 12–17 – труд (рукоделие или сельскохозяйственные работы); 17–18 – общий обед (который готовит один из членов синодии); 18–19 – отдых; 19–20 – вечерня; 20–24 – труд; 24–1 – общий ужин; 1–1.30 – повечерие и песнопения в честь Богородицы; 1.30–3 – занятия и частная молитва; 3–8.30 – ночной отдых. По воскресным и праздничным дням распорядок, разумеется, иной. В связи с зависимостью так называемого византийского счета часов от времени года распорядок дня меняется.

В течение года в воскресенье, вторник, четверг и субботу полагается две общие трапезы – после литургии и вечерни; в понедельник, среду и пятницу (кроме сплошных седмиц), а также в дни святой Четырдесятницы (кроме субботних и воскресных) полагается одна общая трапеза – после вечерни. <...> На трапезе ежедневно стоят пшеничный хлеб, вода, лук, чеснок, соль и уксус. Почти всегда (кроме дней строгого поста) предлагаются соленые маслины и фрукты, летом и осенью – овощи, вареные каштаны. В постные дни вареная постная пища готовится без масла. В скоромные дни на трапезе предлагается белое или красное сухое виноградное вино (по одной красовули на каждого), оливковое масло, молочное блюдо (обычно овечья брынза), сладости (халва); яйца предлагаются обычно в пасхальный период; рыба – в воскресные дни и двенадцатые праздники (на полиелейные праздники, выпавшие на постные дни, а также в воскресные дни святой Четырдесятницы и Успенского поста ее заменяют осьминоги, кальмары, мидии и другие морепродукты). По благословению игумена братия могут готовить в келлиях чай или кофе. В филофеитских монастырях чай предлагается в братской трапезной во все постные дни после литургии. В понедельник, вторник и среду первой седмицы Великого поста братия большинства монастырей хранят совершенное воздержание в пище и питии.

Пустынники и исихасты следуют собственным распорядкам, каждый в меру своих телесных сил. Как правило, они употребляют пищу, не требующую приготовления (сухари, оливы, бобы, зелень, сухие плоды и прочее), – сухоядение; растительное масло вкушается лишь по субботам и воскресеньям; пищу, как правило, приносят отшельникам прохожие монахи.

В начале каждого года на соборе каждого монастыря происходит назначение братии на послушания. По святогорскому обычаю, насельники ежегодно получают новые послуша-

ния, но при необходимости собор может оставить брата на старом послушании еще на год. По окончании заседания братия входят по старшинству в игуменскую и берут благословение у игумена (по греческой афонской традиции целуя его руку), а тот в присутствии старцев доводит до каждого решение собора. Перечень послушаний обычно содержится во внутреннем уставе монастыря. Его изменение возможно лишь по решению духовного собора. Большинство работ связаны с обеспечением богослужения, сохранением святынь, обслуживанием братии и паломников. Например, в уставе Великой Лавры упоминаются послушания: представитель монастыря в Священном Киноте; секретарь монастыря; казначей монастыря; помощник эконома (Экономом Великой Лавры по древней традиции считается Сама Пресвятая Богородица); сопроводитель гостей; привратник (встречает гостей, провожает их в гостиницу – архондарик, следит за правилами посещения); гостинник (архондарь, заботится о питании и ночлеге гостей); игумениарис (помощник игумена); пономарь (эклисиарх); уставщик (типикарь, следит за ходом богослужения); виматарь (ризничий, отвечает за попечение о святых мощах и алтаре); келарь (хранитель съестных припасов); повар; пекарь; больничный брат и гироком (ухаживает за больными и немощными стариками); трапезник (ведает подготовкой общей трапезы, распределяет хлеб); просфорник; портной; сапожник; арсанарь (смотритель корабельной пристани); садовник и огородник; виноградарь. Наряду с этими бывают и другие послушания: звонарь; чтец; библиотекарь; синодиарь (готовит заседания духовных соборов); просмонарь Богородицы (заботится о чтимой иконе Божией Матери, поет молитвы, принимает подношения от паломников); ворданарь (ведает конюшной и скотным двором); лесник; ночной сторож и другие.

По традиции некоторых общежительных келлий с небольшим братством основные послушания (повар, пономарь и другие) меняются каждую неделю. Иеромонахи исполняют богослужебную череду по старшинству хиротонии.

Во многих монастырях развиты художественные промыслы и рукоделия, в том числе иконописание, резьба по дереву и другое. Устав категорически запрещает продажу на Афоне икон и произведений искусства, изготовленных за пределами Святой Горы, а также изготовление их на ее территории мирянами; запрещено воспроизведение святогорских икон на бумаге без разрешения монастырей (ст. 174). Вывоз с Афона любых старинных изделий, рукописей, икон, сосудов, книг и других предметов, записанных в перечни монастырских учреждений, запрещен.

Общие работы, совершаемые всей братией (панкинии): еженедельная закваска хлеба, сбор винограда, маслин и т. п. <...>

Одним из древних обычаев, сохраняющихся на Афоне, является монашеское гостеприимство. Каждый святогорский монастырь принимает на ночлег всех проходящих паломников и туристов, независимо от вероисповедания, национальности и т. п. Им предоставляется место в гостинице (архондарике) и пища согласно монастырскому уставу. Прибывшим предлагается угощение – кофе, холодная вода в жаркое время года, сладости, небольшое количество (до 50 г) крепких спиртных напитков – узо (анисовая водка) или ципуро (крепкая виноградная водка). Прием гостей осуществляется бесплатно, во славу Божию. Все паломники приглашаются на богослужения (в монастырях со строгим уставом неправославные могут посетить храм во внебогослужебное время). Православные могут исповедаться и причаститься Святых Таин, поклониться святым мощам. Все гости принимают пищу за общей трапезой с братией (неправославным обычно выделяется особый стол). <...> В некоторых обителях для гостей устраиваются беседы и экскурсии.

По святогорским правилам, каждый паломник может остановиться в любом монастыре на одну ночь; более длительное пребывание в обители возможно по благословию ее игумена. Дома для ночлега имеются в Дафни и Карее. Для посещения Афона необходимо получить специальное разрешение, которое выдается в паломнической службе в Фессалонике.

Предельное число паломников на Афон ограничено. <...> Клирикам для получения разрешения необходимо иметь письменное благословение Константинопольской Патриархии.

На Афоне издревле действует строгий аватон <греч. запрет>, запрещающий вход на полуостров не только женщинам, но и самкам животных (ст. 186 Устава). Лица, пытающиеся нарушить этот запрет, подвергаются тюремному заключению на срок от двух месяцев до года. Также запрещено приближение к гаваням и причалам Афона судам, на борту которых находятся женщины.

Афониада. Многие святогорские монахи в свои научные занятия достигли выдающихся успехов. В обычае было создание при монастырях школ для подготовки клириков из среды иноков. Одной из таких школ было действовавшее с XIII века училище в келлии Иверского монастыря, носившей имя святого Иоанна Богослова.

В 1748–1749 годах монахи Ватопеда по предложению своего настоятеля иеромонаха Мелетия решили организовать в обители духовную школу, которая явилась бы «оплотом греческих знаний, воспитания и всяческого научения в области как философских, так и богословских наук». <...> К концу 1753 года в академии обучалось уже 70 иноков. В 1754 году <...> было построено здание, рассчитанное на 170 учащихся <...>, начала работать типография. В 1756 году число учеников достигло ста человек, а еще через два года их было уже около двухсот.

<Однако> в 1799 году Афонская академия прекратила свою деятельность. <...> В 1930 году Афониада была восстановлена как Афонская священническая школа, среднее учебное заведение типа гимназии. <...> В 1953/54 учебном году в странноприимном корпусе Андреевского скита (близ Кареи) открылось Афонское церковное училище, в 1972 году преобразованное в академию с 6-летним периодом обучения. Основной целью обновленной Афониады является «достойное священства всестороннее образование святогорских монахов в согласии с духом Православной Церкви и древнего святогорского монашества». Училище является учреждением афонских монастырей и действует под надзором Священного Кинота и трехчленной Комиссии, при содействии греческого Министерства образования (в настоящее время финансирование осуществляется главным образом за счет государства). Среди ее выпускников не только монахи, но и несколько мирян. <...>

Библиотеки. Афон известен во всем христианском мире не только как один из древнейших центров монашеской жизни, но и как богатейшая сокровищница старинных рукописей. Первое упоминание о монастырской библиотеке на Афоне восходит к 980 году; одним из древнейших свидетельств о книжных хранилищах афонских обителей является сохранившийся в акте 1142 года перечень русских книг из монастыря Ксилургу.

На Афоне действовали книгописные мастерские (скриптории). Множество древних кодексов (с X века), хранящихся в настоящее время в различных библиотеках мира, написаны монахами-святогорцами. Переписка рукописей считалась делом благочестивым. Немало книг попадало на Афон в составе личных собраний приходивших сюда ученых мужей. <...>

Богатые собрания монастырских библиотек привлекали к Афону интерес европейских филологов и любителей древней письменности. <...> В XIX веке немало драгоценных афонских рукописей оказались в библиотеках Франции, Великобритании и России. Сокровища монастырских хранилищ не только вывозились за пределы Афона, но и расточались, погибая во время грабительских набегов и разорений или от небрежения. Особенно большой урон наносили пожары.

Первые попытки каталогизации афонских рукописных собраний предпринимались еще в XVIII веке. <...>

Наконец, в конце XIX века <...> был составлен каталог греческих афонских рукописей, описывающий 6618 кодексов из собраний монастырей (кроме Великой Лавры и Ватопеда),

Протата и скитов святой Анны и Кавсокаливийского. <...> Каталог Ватопеда указывал 1536 рукописей, <...> а каталог Великой Лавры <...> – 2046 рукописей. Это основные каталоги, их дополняют другие описания. <...>

В настоящее время на Афоне хранится более 15 тысяч рукописей на пергамене, бомбицине и бумаге. Из них более 1800 являются иллюминированными и представляют собой подлинные произведения искусства. <...> Кроме того, в библиотеках имеется множество старопечатных книг. <...>

Расцвет Святой Горы в конце XX века. В 1963 году торжественно отмечалось тысячелетие со времени основания преподобным Афанасием Афонским Великой Лавры, ставшей образцом для всех последующих общежительных афонских монастырей. Одновременно праздновался юбилей всего организованного монашеского сообщества на Святой Горе. <...>

В начале XX века численность афонских насельников достигла своего наибольшего значения (около 7500 иноков, из которых более половины составляли славяне), затем в силу различных причин это число постепенно сокращалось вплоть до 1971 года. <...> Но в течение последних тридцати лет происходит неуклонное возрастание святогорской братии, пополняющейся за счет молодых и образованных людей, приезжающих на Афон со всех районов Греции, а также из-за рубежа. <...>

Слава Святой Горы достигла всех уголков мира. Кроме монахов из традиционно православных стран – России, Румынии, Болгарии, Сербии, населявших Святую Гору с самого начала на ней монашеской жизни, сегодня на Афоне есть монахи из многих стран всех пяти континентов.

Впечатляющий пример тысячелетнего мирного сожительства и доброго сотрудничества монахов делает священный Афон истинным вселенским центром братского союза православных всех стран и народов.

С 1960-х годов начался процесс возвращения афонских монастырей от особножительного устава к общежительному. <...>

<На Афоне> продолжают и плодотворно развиваются афонскими певчими традиции византийского пения, иноками-иконописцами – византийская школа иконописания, издаются труды в области гимнографии, истории, выходят периодические издания. Строго соблюдаются древние традиции совершения церковных служб и следование древним богослужебным типиконам. Некоторые монахи периодически выезжают с Афона «в мир» для духовного служения с проповедями, беседами, для совершения таинства исповеди. Восстанавливаются на основе тщательных научных исследований памятники византийской архитектуры. На Святой Горе неизменно сохраняются традиции монастырского гостеприимства, число паломников, приезжающих со всего света, непрерывно возрастает. <...>

Святая Гора вступила в третье тысячелетие христианства на подъеме расцвета своих духовных сил, что является благословением Божиим для всего православного мира, духовной крепостью которого она всегда являлась. <...>

Старчество. С древности до наших дней Святая Гора является священным местом безмолвия, тайнозрения, подвижничества, питающим и умиряющим подвижников благочестия.

Здесь непрерывно совершаются высокие аскетические подвиги. На Афоне можно встретить реальное воплощение христианского идеала обожения, ибо святогорские иноки желают стяжать в этой жизни не столько знание о Боге, сколько знание Самого Бога. Среди знаменитых подвижников немало простых, малообразованных в мирском понимании людей, чистотой своей жизни стяжавших благодатные дары Святого Духа и достигших высокого духовного просветления и святости.

В кондаке службы афонским святым о подвижниках Святой Горы говорится: «Онебесившие Гору сию и показавшие в ней житие ангельское». За историю своего христианского

существования Святая Афонская Гора взрастила сонмы святых отцов, среди которых преподобные Петр и Афанасий Афонские, Савва и Симеон Сербские, Максим и Нифонт Кавскокаливиты, Нил Мироточивый, святитель Григорий Палама, преподобный Максим Грек, священномученик Косма Этолийский († 1779), преподобный Никодим Святогорец, грузинский аскет Иларион († 1864), старец Хаджи Георгий (1809–1886).

Многие святогорские иноки-аскеты старались вести себя так, чтобы внешне ничем себя не выражать, не открывать миру своего духовного величия. Искусство смирения и мудрой простоты стоит у святогорцев очень высоко, поэтому большинство афонских святых остаются при жизни неузнанными. Даже преподобный схимонах Силуан (Антонов), один из величайших подвижников XIX–XX веков, при жизни оставался малоизвестным, и только после кончины († 1938) его святость была общепризнана. Там же, где и старец Силуан, в Русском монастыре великомученика Пантелеимона, подвизался в XIX веке старец иеросхимонах Иероним (Соломенцев), несший послушание братского духовника при игумене-старце схиархимандрите Макарии (Сушкине), который, по свидетельству современников, стал «духовным возобновителем Русика». Среди прославленных русских подвижников преподобный Аристоклий Афонский († 1918), исихаст Феодосий Карульский († 1937) и его ученик старец Никодим († 1984). Не только русские, но и сербские, болгарские, греческие иноки почитали его за дар духовной рассудительности и пользовались его наставлениями. <...> С древнейших времен Афон известен как место непрестанной молитвы за мир. «Мир стоит молитвою, а когда ослабеет молитва, тогда и мир погибнет», – говорил старец Силуан Афонский. Бесчисленны сонмы святых подвижников, прославивших Святую Гору своей ангелоподобной жизнью. Память Всех преподобных и богоносных отцов, во Святой Горе Афонской просиявших, в неделю вторую по Пятидесятнице.

Богослужение

Богослужение всегда было и продолжает оставаться центром всей афонской жизни. <...> Почти все православные Поместные Церкви в тот или иной момент своей истории обращались к святогорскому наследию и использовали в качестве образцов афонские литургические рукописи; таким образом, афонское богослужение в разное время оказало влияние на богослужение всей Православной Церкви.

В ходе развития афонская литургическая традиция претерпела мало изменений, единственным значительным событием была замена в XIII веке Студийского устава на Иерусалимский, что делит историю святогорского богослужения на два периода: со второй половины X века до XIII века когда на Афоне использовался Студийский устав в различных его редакциях; с XIII века, когда на Афоне появился Иерусалимский устав (его поздние афонские редакции иногда называют Святогорским уставом), и до настоящего времени.

История. Древнейшие из сохранившихся описаний афонского богослужения содержатся в «Диатипосисе», написанном основателем Великой Лавры преподобным Афанасием Афонским незадолго до его смерти, то есть относятся ко второй половине X века. Памятник состоит из двух частей – предсмертных (по словам самого преподобного) указаний о порядке управления Лаврой и ряда предписаний об особенностях служб и характере трапезы на весь год. <...>

Основные источники по истории афонского устава в XI веке следует искать в грузинских рукописях. XI век – время литургической реформы в Грузинской Церкви, заключавшейся в замене старой практики, основанной на древнем иерусалимском богослужении, новой, основанной на константинопольском византийском обряде. <...> В центре реформы оказалась деятельность грузинских монахов-афонитов, подвизавшихся в Иверском монастыре, в первую очередь игуменов монастыря преподобных Евфимия и (позднее) Георгия († 1065), которыми был в течение XI века переведен на грузинский язык полный корпус богослужебных книг константинопольской традиции, заменивший старый грузинский, восходивший к древней иерусалимской традиции. В качестве основного богослужебного Типикона в Грузинской Церкви был принят составленный преподобным Георгием «Синаксарь».

Составленный игуменом одного из важнейших монастырей Святой Горы Типикон Георгия Мтацминдели (Святогорца) является главным источником по истории святогорского богослужения в XI веке. В нем можно выделить собственно синаксарь (последовательное описание служб на каждый день года, сначала по месяцеслову, затем по Триоди) и дополнительные главы, содержащие указания общелитургического и дисциплинарного характера. Основным источником для синаксаря был утраченный к настоящему времени «Студийский синаксарь». <...>

Таким образом, афонская литургическая традиция X–XI веках основывалась на студийской, являющейся синтезом константинопольских и палестинских обычаев. Порядок богослужения по Студийскому уставу <...> был очень близок к тому, который принят в Православной Церкви в настоящее время.

<...> Большинство студийских особенностей в афонских Типиконах еще сохраняется: не бывает всенощных, совершение часов является признаком богослужения во время поста <...>, священнические молитвы распределены по службе, в среду и пятницу Сырной седмицы совершается литургия Преждеосвященных Даров и т. д. <...> Тем не менее афонские Типиконы имеют ряд характерных особенностей по сравнению со студийскими Типиконами первоначальной редакции: 1) во многие дни года вместо обычного окончания утрени имеет так называемое праздничное (с пением утреннего славословия в кафедральной редакции и без стиховных стихир), хотя в ранней редакции Студийского устава утрени заканчивалась

одинаково как в будни, так и в праздники (различение двух типов окончания утрени сближает афоно-студийские Типиконы с иерусалимскими); 2) на утрнях в праздники кафизма не отменяется, а заменяется тремя специально подобранными псалмами (Типиконы называют их «антифонами»), содержание которых соответствует содержанию праздника <...>, среди этих псалмов часто присутствуют 134-й или 148-й; кафизма, как правило, отменяется только на утрне, совершаемой на следующий за праздником день, или в поспразднство; <...> 3) на литургии кроме обычных монашеских изобразительных и кафедральных праздничных антифонов (используемых только в самые большие Господские праздники) могут петь обычные кафедральные антифоны; <...>; 4) становятся строже предписания о соблюдении постов.

Эти и другие особенности позволяют говорить об отдельной афоно-студийской редакции Студийского устава. <...>

Элементы афоно-студийской традиции встречаются и в славянских рукописях. <...>

Студийский устав использовался на Афоне (по крайней мере в некоторых обителях) и в XIII веке. Ктитор Хиландарского монастыря архиепископ святой Савва Сербский († 1237) перевел на церковнославянский язык Евергетидский Типикон (составлен около последней четверти XI века), являющийся важнейшим представителем второй (поздней) константинопольской редакции Студийского устава, где появляются «агрипнии» (*греч.* – всенощная; здесь – особая ночная служба накануне воскресений и праздников) и где есть различение праздничного и будничного окончания утрени, но нет афоно-студийских трех антифонов на утрне. Этот перевод (с небольшими добавлениями, принадлежащими святому Савве) стал известен под именем Типикона святого Саввы Сербского и использовался в Хиландарском монастыре до первой четверти XIV века. Типикон и расположенные по нему богослужебные книги стали основой богослужения Сербской Церкви в XIII – первой половине XIV века <...>.

На Афоне проживало большое число монахов-келлиотов, посещавших храм только в некоторые дни и совершавших богослужение в своих кельях в одиночестве. Известны разного рода предписания о совершении такого богослужения: например, устав Карейской келлии, <...> «Скитское последование» и другие.

Политические потрясения, пережитые Византией в первой половине XIII века, после взятия в 1204 году Константинополя крестоносцами, привели, в частности, к тому, что на Афоне появилось множество принесенных сюда из балканских, малоазийских и палестинских монастырей списков Иерусалимского устава и расположенных по нему богослужебных книг. Иерусалимский устав к этому времени уже достаточно распространился в православном мире, в течение XIII века он был принят святогорскими монастырями и используется до настоящего времени.

Иерусалимский устав имеет очень много общего со Студийским, он настолько ближе к нему, чем к древнему иерусалимскому богослужению IV–VII веков или к первоначальным («палеосавваитским») обычаям лавры преподобного Саввы Освященного, что можно полагать, что Иерусалимский устав имеет в своей основе Студийский и является его палестинской версией. <...> Иерусалимские Типиконы разного времени и происхождения по сравнению со студийскими <...> содержат сходные богослужебные указания и различаются лишь достаточно второстепенными деталями. <...> В библиотеках монастырей Святой Горы содержится большое количество рукописей Иерусалимского устава.

В основе созданных на Афоне в XIII веке иерусалимских Типиконов <...> лежит один и тот же текст, совпадающий с текстом иерусалимских Типиконов неафонского происхождения, написанных в то же время <...>. Это совпадение свидетельствует о том, что редакция Иерусалимского устава, принятая на Афоне в XIII веке, была принесена сюда извне. <...>

Ссылки на святогорские обычаи встречаются во многих неафонских рукописях XIV–XV веков <...>, что говорит о влиянии в XIV веке афонского бого служения на весь православный мир.

К этому времени Афон стал главным монашеским центром греко-славянского мира; немалую роль в распространении афонских обычаев за пределами Святой Горы сыграли учение и практика монахов-исихастов.

Один из представителей движения, Константинопольский Патриарх Филофей Коккин, до 1347 года некоторое время был игуменом Великой Лавры преподобного Афанасия. В это время Филофей составил «Диатаксис (Устав) священнослужения» и «Диатаксис (Устав) Божественной литургии». <...>

«Диатаксис Божественной литургии» Патриарха Филофея был принят повсюду, тем самым афонская практика совершения Божественной литургии середины XIV века стала нормой для всего православного мира; до сих пор рубрики (уставные и обрядовые указания) стандартных евхаристических формуляров православных Поместных Церквей основываются на нем.

В течение первой половины XIV века Иерусалим ский устав и расположенные по нему гимнографические книги были переведены на церковнославянский язык. <...> Таким образом, афонская практика того времени стала основой богослужения славянских Церквей. Центрами переводческой деятельности являлись прежде всего афонские монастыри Хиландар и Великая Лавра. <...>

Богослужение Русской Православной Церкви <далее РПЦ> было реформировано под влиянием в первую очередь афонской практики; до настоящего времени богослужебные книги РПЦ несут явный отпечаток святогорского влияния: помещаемые в Служебнике описания священнодействий вечерни, утрени, литургии основываются на «Диатаксисах» Патриарха Филофея; предписания принятых ныне в РПЦ богослужебных книг могут быть соблюдены в точности только в монастыре, устроенном по образцу афонского; русский Типикон многократно ссылается на обычаи Святой Горы и т. д. <...>

Хотя богослужебная практика афонских монастырей неодинакова и каждый монастырь имеет свои традиции <...>, можно говорить об общих особенностях святогорского богослужения. <...> Большинство монастырей имеют свои рукописные соборные Типиконы; в Пантелеимоновом монастыре ныне греческий «рукописный... Типикон не употребляется, а богослужение совершается по Типикону, изданному Московской Патриархией, с сохранением некоторых общеафонских особенностей». <...>

Устройство храма. Основными местами совершения богослужебных последований в афонских монастырях являются кафоликон (соборный храм монастыря), параклисы (остальные храмы обители, которые могут быть как небольшими по размеру, так и вместительными; а также приделы кафоликона, если они есть), трапезная. В монастыре Ксенофонт два кафоликона, обычно службы суточного круга совершаются в новом, а в старом, значительно меньшем по размеру, поют общий молебен Божией Матери.

В Пантелеимоновом монастыре один из параклисов – Покровский храм – используется в качестве второго кафоликона, службы совершаются поочередно: неделю в кафоликоне, неделю в Покровском храме.

Афонские кафоликоны – крестовокупольные храмы (единственная базилика на Афоне – соборный храм Протата в Карее); все они сходны в плане, так что говорят даже об афонском типе храмовой планировки. Кафоликон состоит из двух основных частей: собственно храма (главный храм) и обширного внутреннего (литийного) притвора, по площади сравнимого с главным храмом; у большинства кафоликонов имеется также внешний притвор – галерея, идущая по внешнему периметру литийного притвора. В восточной стороне главного храма находится алтарная апсида, к которой обычно примыкают еще две направленные на восток

апсиды: северная (протесис; в русской терминологии – жертвенник) и южная, где во многих кафоликонах хранятся мощи святых и другие святыни.

Пространство алтаря организовано так же, как и во всех православных храмах; над святым престолом всегда устраивается сень, сам престол, как правило, стоит на возвышении (на ступень выше пола); семисвечник за святым престолом ставится редко. В некоторых кафоликонах (например в Ватопеде) на горнем месте устанавливается чтимая икона Божией Матери.

Святые двери <...> (царские врата) делают невысокими; во время служб их, как и завесу, в положенные моменты открывает и закрывает стоящий снаружи алтаря пономарь. Солея, возвышение перед иконостасом, не устраивается; амвонов в афонских кафоликонах нет.

Пространство самого храма организуют четыре столпа и два ориентированные на север и юг апсиды в центре северной и южной стен храма. У юго-восточного столпа установлена икона святого или праздника, которому посвящен монастырь (или почитаемая в монастыре чудотворная икона святого), а слева от столпа стоит проскинитарий (аналой), куда полагается икона по дню. У северо-восточного столпа установлена чудотворная икона Божией Матери; в каждом монастыре есть несколько таких икон. Самая почитаемая в монастыре икона Богородицы не обязательно устанавливается у северо-восточного столпа – в некоторых монастырях, например в Ивироне и Дохиаре, для этих икон (Иверской и «Скоропослушницы» соответственно) построен особый параклис; в Хиландаре чтимая икона («Троеручица») установлена на игуменском месте. Другие иконы находятся у западных столпов. К каждой из икон и к иконам в местном ряду иконостаса прикреплены небольшие иконкопии, к которым и прикладываются молящиеся. <...> Стены богато украшены фресками. <Вдоль стен> установлены деревянные стасидии, в которых монахи и паломники стоят или сидят во время продолжительных служб. <...>

По большим праздникам кафоликон украшается старинными епитрахильями, развешиваемыми вдоль иконостаса и у восточных столпов, и расшитыми пеленами и коврами.

Главный храм отделен от внутреннего притвора массивной стеной, в которой сделаны два или три дверных проема; центральный широкий проем называется «царские врата» <...> (в России принято называть «царскими» алтарные врата); нередко в дверных проемах, ведущих из внутреннего притвора в храм, устанавливаются массивные двери. В то время, когда служба идет во внутреннем притворе, проем врат во внутренний притвор (царских) завешивается плотной завесой с вышитым на ней крестом. Справа и слева от царских врат, в притворе, помещаются иконы Христа и Божией Матери; по периметру всего внутреннего притвора установлены стасидии. <...> Во внутреннем притворе может устанавливаться малая водосвятная чаша. Из внутреннего притвора во внешний ведут двери, запираемые на то время, когда нет службы.

Для освещения кафоликона употребляют чистые восковые свечи и лампы на оливковом масле, а не электричество. В афонских храмах используется целый набор разнообразных светильников. <...> Наиболее крупными являются хорос (висящий на четырех цепях металлический обруч диаметром чуть меньше центрального купола храма, состоящий из сложно декорированных литых звеньев, на которые ставятся свечи разного размера и к которым прикреплены небольшие иконы, подвешены различные украшения) и паникадила (центральное висит вдоль оси центрального купола, внутри хороса; четыре других размещены вне хороса по четырем сторонам света; еще одно находится во внутреннем притворе). Правила возжжения свечей и лампад достаточно сложны <...>; все светильники главного храма одновременно горят только раз в году – в пасхальную ночь. Кроме того, по праздникам хорос и паникадила раскачивают в определенные моменты службы, что придает ей необыкновенную торжественность и красоту.

На башне кафоликона или (чаще) на отдельной колокольне находятся разнообразные колокола и деревянные и стальные била; неподалеку от кафоликона, часто внутри специальной беседки, установлена большая каменная водосвятная чаша.

Суточный круг. В кафоликоне ежедневно совершаются все службы суточного круга (вечерня, утреня, 1-й (как правило), 3-й и 6-й часы – в главном храме; 9-й час, повечерие, полунощница – в литийном притворе; здесь же бывает лития на всенощном бдении); Божественная литургия совершается в кафоликоне по воскресеньям и праздникам, а в остальные дни она бывает в параклисах. <...>

Все службы суточного круга совершаются одним лишь чередным иеромонахом (сослужение за вечерней и утреней возможно лишь в самые большие праздники – Рождество Христово, Богоявление, Благовещение, Пасху, Успение Пресвятой Богородицы, монастырский панигирь) <...> и иеродиаконом <...>; кроме того, литургические функции имеют типикарь (уставщик, монах, который круглый год следит за соблюдением богослужебного устава и руководит совершением службы в сложных случаях; в древних Типиконах может называться эккlesiархом), чтец, канонарх (чтецом и канонархом могут поочередно быть все монахи, обычно за службой и чтец, и канонарх – одно лицо), пономарь (в древних Типиконах пономарь называется параэклисиархом или кандиловжигателем). <...> В обязанности пономаря входит приготовление теплоты, просфор, воды и вина для литургии, участие во входах в качестве священосца, возжжение свечильников в храме, приготовление кадила для диакона и священника – все то, что в практике РПЦ входит в обязанности алтарника; однако пономари в определенные моменты службы <...>, возложив на плечо возду х (неевхаристический), самостоятельно совершают каждение кацеей – кадилом с ручкой (без цепей) и бубенцами (устав предписывает пономарям во время каждения согласовывать удары бубенцов с ритмом пения). <...>

Игумен участвует в службе наряду с простыми монахами (вечерню и утреню он служит сам только по большим праздникам и в особых случаях), ему принадлежит право читать наиболее важные тексты за богослужением. <...>

Божественную литургию совершают в обычные дни иеромонахи; по воскресеньям и праздникам литургию служит сам игумен или один из старших иеромонахов, в эти дни возможно сослужение за литургией нескольких священников. <...> За богослужением игумен, чередной иеромонах, чтец и канонарх, пономари должны быть в мантиях; остальные монахи приходят в храм без мантий, в рясе, камилавке и кукулии (наметке). По большим праздникам игумен облачается в архиерейскую мантию (афонские игумены имеют право носить ее) и имеет в руках архиерейский жезл.

В большинстве афонских монастырей используется так называемый византийский счет времени суток – отсчет часов начинается с захода солнца. В обычное время года в монастырях ежедневно совершаются: вечером (около 9 часов дня по византийскому времени) вечерня, за которой следует вечерняя трапеза и повечерие; утром (через 8 часов после захода солнца) полунощница, утреня, 1-й, 3-й и 6-й часы, Божественная литургия (после литургии бывает обеденная трапеза); наконец, непосредственно перед вечерней следующего дня читается 9-й час. Поскольку время заката солнца на этой широте колеблется в достаточно широких пределах, астрономическое время начала служб в разные периоды года может отличаться на 4–5 часов.

Почти каждый день, как правило, святогорцы служат общий молебен Божией Матери (на вечерне, или перед литургией, или внутри ее) с малым («Многими содержи мь напастьми...») или великим («Скорбных наведе ния...») молебным канонам, который не читается, а целиком поется, как и положено; след афонской практики ежедневного совершения молебна Божией Матери присутствует и в русском Часослове, где этот молебен помещен наряду с другими службами суточного круга. <...> Всенощное бдение совершается в афон-

ской практике гораздо реже, чем в русской; только в некоторые праздники, но не в воскресные дни. Всенощные под воскресенья на Афоне совершаются только Великим постом и при совпадении воскресных дней с большими праздниками, но в отличие от русских приходских всенощных, продолжающихся, как правило, два-четыре часа и оканчивающихся еще вечером, афонские, соответственно названию службы, совершаются ночью и занимают по крайней мере половину ее (а иногда и всю ночь).

Порядок служб суточного круга на Афоне тот же, что и в РПЦ, поэтому далее отмечаются только нехарактерные для современной русской практики моменты богослужения. <...>

За полчаса, за четверть часа и непосредственно перед началом вечернего, утреннего богослужений и Божественной литургии монах, облаченный в мантию, обходит монастырь и ударами в переносное деревянное било созывает братию и паломников в храм.

Вечером совершаются 9-й час (в литийном притворе) и вечерня (в главном храме). Молитву 9-го часа «Владыко Господи», предначинательный псалом (103-й), «Сподоби, Господи» и «Ныне отпускаеши» читает игумен или один из старейших монахов. На праздничных вечернях во время стиховных стихир совершается чин лобзания икон: все по очереди выходят в центр храма, кланяются на разные стороны и прикладываются к висящим в храме иконам. <...> На будничных вечернях после «Ныне отпускаеши» и перед Трисвятым могут петь канон Божией Матери <...> или общий молебен Божией Матери. <...>

По окончании вечерни бывает трапеза. Трапезные на Афоне устраиваются рядом с кафоликоном, внутри трапезных делается апсида, где стоит стол игумена; вдоль стен, украшенных фресками, стоят столы для монахов и паломников; к одной из стен или колонн, значительно выше пола, прикрепляется амвон для чтеца. <...> За вечерней трапезой читаются поучения святых отцов или жития святых. Во время трапезы игумен трижды ударяет в колокольчик: после первого удара разрешается пить, после второго чтец прекращает чтение, спускается с амвона и принимает благословение у игумена, а трапезарь подносит игумену для благословения укрухи (остатки хлеба), после третьего удара вкушение прекращается, все встают, читаются благодарственные молитвы. В конце благодарственных молитв прибавляется несколько прошений, произносимых попеременно игуменом и чтецом.

После вечерней трапезы в литийном притворе совершается повечерие; за повечерием читают великий Акафист Божией Матери, хотя могут читать и другие акафисты или петь канон.

Во время повечерия паломников обычно приглашают в главный храм для поклонения святым мощам и другим святыням монастыря. <...>

Утреннее богослужение начинается с полунощницы в литийном притворе. <...> По окончании полунощницы все переходят в храм, следуют утренняя и 1-й час. Шестопсалмие, а на будничной утрени также и Псалом 50-й, «Тебе слава подобает», всedневное славословие и «Благо есть» читает игумен. <...>

В афонских монастырях (кроме Пантелеимонова) не бывает привычного для РПЦ торжественного выхода духовенства в центр храма на полиелей – на Афоне в это время лишь зажигается одно из паникадил, а когда начинают петь Псалом 135-й, пономарь совершает каждение кацей. <...>

На воскресной утрени чередной иеромонах, стоя в алтаре у южной стороны святого престола (подобно ангелу, благовестившему женам Воскресение – Мф. 28, 2), читает Евангелие. Вслед за этим игумен читает «Воскресение Христово», а чередной иерей исходит из алтаря через святые врата, держа Евангелие покрытыми руками (через фелонь), хоры поют Псалом 50-й, и все подходят целовать Евангелие (принятого в России помазания елеем по воскресеньям на Афоне никогда не бывает). Если совершается полиелейная (не воскресная)

утреня, Евангелие читает в святых вратах иерей, стоящий лицом к народу, целования Евангелия не бывает (в эти дни после канона совершается помазание елеем). <...>

На Афоне принято пение, а не чтение канона (полностью или только несколько песен; в последнем случае остальные песни читают). При пении канона хоры чередуются: правый хор начинает нечетные (первую, третью, пятую, седьмую и девятую), а левый – четные песни. Канон, причем не только во время Великого поста, поется вместе с библейскими песнями. <...>

Во время хвалитных псалмов бывает помазание елеем. <...>

Божественная литургия. Как правило, 3-й и 6-й часы и Божественная литургия по праздникам совершаются в кафоликоне, по будням – в параклисах. Время начала часов и литургии неодинаково в разных монастырях: где-то они совершаются сразу после утрени и 1-го часа, где-то – спустя некоторое время. Во время 3-го и 6-го часов, как и положено, совершается проскомидия. В тот момент, когда служащий иеромонах начинает изымать частицы о живых и об усопших, он ударяет в алтарный колокольчик, чтение часов прерывается, все выходят из своих стасидий и молча поминают своих родных и близких, затем чтение часов продолжается. <...>

Возможно совершение общего молебна между 6-м часом и литургией. <...>

Во время пения причастна совершается чин целования икон (так же, как на праздничной вечерне). В это время возможно пение общего молебна Божией Матери (молебный канон допеваётся до шестой песни) или водосвятного молебна; остальная часть молебна тогда допеваётся в конце литургии, перед «Буди имя Господне».

Ко времени Причащения в храме гасят свет, и Причащение происходит почти в полной темноте, горит только свеча в выносном подсвечнике, поставляемом рядом с причащающим народ иеромонахом, что символизирует явление Истинного и Вечного света – Христа. <...> Причащение народа, как правило, во весь год происходит при пении тропаря «Ве чери Твоея тайныя», а причастен «Тело Христово» поется только на Пасху и в пасхальное время. Все подходящие к Причащению берут плат своими руками и держат его; священник, причащая, говорит только: «Σώμα και Αίμα του Χρίστου» (*греч.* Тело и Кровь Христовы); для причастников на аналое левого клироса пономарь поставляет блюдо с антидором и запивку.

В разных монастырях причащаются от одного до нескольких раз в неделю (или даже каждый день); наиболее распространена практика Причащения каждую субботу. <...>

В конце литургии, если есть празднование Божией Матери или святому (по не в Господский праздник, не в праздники Рождества Богородицы и Иоанна Предтечи, Введения, Сретения, Бесплотных Сил Небесных, пророка Илии), перед проскинитарием поставляется блюдо с коливом, поется тропарь Божией Матери или святому, служащий иеромонах кадит коливо и читает молитву на его благословение <...>; то же бывает и в дни поминовения усопших (с пением заупокойных тропарей вместо праздничного). В конце литургии служащий иеромонах раздает непричащавшимся антидор; выходя из храма, все отпивают немного святой воды.

Сразу после литургии или через некоторое время после нее <...> братию созывают на обеденную трапезу; по понедельникам, средам и пятницам в наиболее строгих общежитиях обеденной трапезы может и не быть <...>. В обычные дни порядок обеденной трапезы соответствует порядку вечерней, <...> в конце, если было благословение колива, всем предлагают его вкусить. Значительно торжественнее обеденная трапеза воскресений и праздников, когда после обеда совершается чин о панагии. <...> Выходя из трапезной, все проходят между стоящими у дверей чтецом, поваром и трапезарем, испрашивающими прощение, и игуменом (или священником), сложившим пальцы для именованного благословения.

Всенощное бдение. В двенадцатые и некоторые другие Господские и Богородичные праздники и в дни памяти наиболее почитаемых святых по великопостным воскресениям

в монастырях Афона совершается всенощное бдение. Святогорцы различают три вида всенощных бдений: обычное (в дни памяти большинства бденных святых, в меньшие из имеющих бдение Господские и Богородичные праздники, в великопостные воскресенья), под важнейшие праздники, на панигирь – главный праздник обители. Всенощные бдения различаются в первую очередь продолжительностью: обычное бдение длится около половины ночи, бдение на панигирь занимает всю ночь полностью. В те дни, когда бывает всенощное бдение, в обычное время вечернего богослужения совершаются 9-й час, малая вечерня и малое повечерие или молебн Божией Матери <...>, вечерняя трапеза. Через некоторое время после трапезы начинается бдение.

Порядок обычного бдения не отличается от изложенного в русском Типиконе (с учетом общих афонских особенностей). <...> *Панигирь*. Самое торжественное бдение в году бывает на панигирь (*греч.* πανήγυρις – всенародный праздник, *слав.* панагирь) – день памяти того святого или тот Господский или Богородичный праздник, которому посвящен монастырь. На панигирь каждый афонский монастырь приглашает архиерея (часто нескольких) для возглавления торжественного богослужения; в случае отсутствия епископа честь возглавить богослужение предоставляется игумену какого-либо другого афонского монастыря; на панигирь приглашаются также представители <...> всех остальных святогорских обителей.

Храм украшают лучшими епитрахильями и тканями; святые врата снимают с петель и уносят, так что и всенощное бдение, и Божественная литургия в этот день совершаются при постоянно открытых вратах (в определенные моменты литургии закрывается лишь завеса святых врат). Перед началом вечерней службы в храм торжественно переносят самую почитаемую икону Божией Матери <...> и устанавливают ее на подставке под особым расшитым богослужебным зонтом.

Вечернее богослужение и следующее за ним бдение имеют тот же порядок, что и в большие праздники (уставная особенность панигирия – отмена «Блажен муж» на вечерне), но служба совершается с максимальной торжественностью из-за присутствия архиерея <...>, сослужения <...>, выбора самых продолжительных распевов <...>, возжжения большего числа свечей на хоросе и паникадилах (так, кроме хороса и малых паникадил, на панигирь возжигают также и центральное). Бдение заканчивается на рассвете, затем служитя водосвятный молебен: вода освящается драгоценным деревянным крестом, содержащим частицу Креста Господня, к водосвятной чаше износятся святые мощи. <...> По окончании молебна совершается литургия архиерейским чином <...> и бывает праздничная трапеза с чином о панагии и (кроме Господских праздников) вкушением колива. По окончании трапезы в храме поют многолетие возглавлявшему службу архиерею. <...>

Следующий за панигирем день посвящен поминовению ктиторов монастыря. Богослужение, как и на сам панигирь, возглавляет архиерей; вечером в день панигирия совершается великая вечерня со входом, на которой поются стихиры попразднства или повторяются стихиры из праздничного последования; вслед за вечерней всем присутствующим в храме раздают свечи и служитя полная заукойная панихида с пением непорочных и канона и благословением колива; на следующий день бывает архиерейская литургия. <...> *Церковный год*. <Отличия афонской практики от русской состоят в следующем>. Триодный цикл на Афоне начинается с обряда изнесения Триоди в субботу перед Неделей о мытаре и фарисее. Чин прощения в Прощеное воскресенье происходит во время стиховных стихир и соединяется с обычным чином целования икон. В будние дни Великого поста порядок служб следующий: утреннее богослужение начинается в обычное время и состоит из полунощницы (кроме понедельника первой седмицы поста), утрени и 1-го часа; около 16 часов (по так называемому византийскому времени) совершаются 3-й и 6-й часы; около 19 часов (по так называемому византийскому времени) начинается вечернее богослужение, состоящее из 9-го часа, изобразительных и вечерни (когда положено – с литургией Преждеосвященных

Даров); наконец, около 22 часов (по так называемому византийскому времени) бывает великое повечерие. <...>

Молитва преподобного Ефрема Сирина на всех великопостных богослужениях читается тайно. <...> В понедельник, вторник и среду первой седмицы Великого поста, до окончания литургии Преждеосвященных Даров, соблюдается полный пост. <...>

Резко отличается от русского устав пения службы полиелейного праздника в постный день – в этом случае в афонских монастырях перед утреней совершается праздничная лития в притворе, полиелейная утренняя имеет праздничное окончание, на часах отменяются кафизмы. <...>

Каждое воскресенье Великого поста совершается всенощное бдение; на Крестопклонное воскресенье, на утрене, поется полиелей. <...> Накануне Благовещения, если это будний день Великого поста, благовещенская вечерня обязательно заканчивается литургией Преждеосвященных Даров. <...>

На праздник Входа Господня в Иерусалим игумен усыпает пол храма листьями лавра, после чтения Евангелия читается молитва на освящение специально приготовленных крестиков из лавра, после целования Евангелия игумен раздает их всем молящимся, говоря: «Καλήν Ἀνάστασιν» (С Воскресением); все держат эти крестики до конца бдения, а за литургией причащаются с ними в руках. <...> Вечером в этот день лавровые листья с пола убирают.

Плащаницу в Великую Пятницу износят из алтаря, как и в РПЦ, на вечерне, но во время славника стиховных стихир. Вся утренняя Великой Субботы совершается перед плащаницей, как перед святым престолом – здесь произносятся все возгласы и т. д. В конце великого славословия кафоликон трижды обходят с плащаницей, делая остановки, на которых произносятся особые прошения. После третьего раза священники останавливаются у входа в храм, держа плащаницу, все молящиеся проходят под ней, после чего плащаницу уносят в алтарь. Во время литургии Великой Субботы игумен усыпает пол храма лавровыми листьями, которые остаются в храме до Антипасхи. <...>

В начале утрени первого дня Пасхи, после завершения чтения Деяний и пения канона Великой Субботы (полунощницы), поется «Приидите, примите свет» и бывает исход из кафоликона с пением «Воскресение Христово» (во время шествия кроме свечей и кадил износят только Евангелие и икону Воскресения) на специально подготовленное место, где читается Евангелие о Воскресении, после чего все возвращаются в храм. Пасхальная утренняя совершается обычным порядком; служба очень продолжительна. Тропари канона многократно повторяются, припевом к тропарям служит не «Христос воскрес из мертвых», а «Слава, Господи, святому воскресению Твоему». <...> Стихиры Пасхи поют священники. <...> Часы Пасхи читаются. К литургии звонят одновременно во все колокола и била, имеющиеся в монастыре (такой же чин бывает к вечерней, утрене и литургии во всю Светлую седмицу). На литургии первого дня Пасхи не бывает чтения Евангелия на разных языках. На литургиях первого дня Пасхи и во всю Светлую седмицу не произносятся ектения об оглашенных, так как оглашенных, по мнению афонитов, в это время года быть не должно – все оглашенные должны были принять Крещение в Великую субботу. Перед Причащением игумен читает вслух разрешительную молитву для всех находящихся в храме, так как в этот день все приступают к Причащению. Во время Причащения (с этого дня и до отдания Пасхи) поется <...> «Тело Христово примите».

Вечером в первый день Пасхи совершается торжественная вечерня, во время которой <...> происходит чтение Евангелия от Иоанна <...> на разных языках. <...>

В один из дней Светлой седмицы (в каждом монастыре в свой <...>) бывает многочасовая литания (крестный ход) с чудотворной иконой Божией Матери <...> по всем монастырским владениям <...>; во время шествия делают многочисленные остановки, на которых воз-

глашают ектении, читают молитвы о виноградниках, садах, бездождии, безведрии и прочем; порядок литании в каждом монастыре свой. <...>

В день Антипасхи совершается всенощное бдение и кроме евангельского события, вспоминается избавление Афона от турецкого гнета. На отдание Пасхи повторяется пасхальная служба. <...>

Вечерня Пятидесятницы с коленопреклонными молитвами совершается не после литургии, а вечером. <...>

В Петров пост (а также и в Рождественский), если нет праздника, по понедельникам, средам и пятницам совершается служба с «Аллилуия», читаются междочасия. <...>

Во второе воскресенье по Пятидесятнице совершается всенощное бдение ради Собора Афонских преподобных. <...>

Попразднство Успения Пресвятой Богородицы длится не восемь, а тринадцать дней. <...>

Водоосвящение на Богоявление совершается, как и в России, дважды – в навечерие и в сам праздник; в Ивиране в день праздника бывает крестный ход с Иверской иконой к месту ее явления на берегу моря, воду освящают в море.

Первого числа каждого месяца совершается малое освящение воды.

Особые службы. Практика монашеского пострига в афонских монастырях неодинакова <...>: одни, согласно поучениям преподобного Федора Студита, постригают послушников сразу в великую схиму, другие сначала в малую, а в великую – по прошествии определенного времени (как в русской практике), третьи – сначала в рясофор, а затем сразу в великую схиму (принявший рясофор считается на Афоне уже полноценным монахом). Постриг бывает только за Божественной литургией <...>; постригает послушника служащий иеромонах, а игумен бывает восприемником.

Чинопоследование пострижения начинается после пения тропарей и кондаков по малом входе и совершается согласно Евхологию (Требнику). Во время молитвы над главой постригаемого игумен называет его новое имя. По окончании чинопоследования литургия продолжается. После прочтения Евангелия литургии служащий иеромонах вручает новопостриженному крест, свечу, четки из ста узелков и поминает его за сугубой ектенией.

Вместо причастия за литургией поется самогласен Недели о блудном сыне «Познаим братие»; новопостриженный первым прикладывается к иконам, после целования икон все монахи по очереди целуют его, спрашивая: «Как зовут тебя, брат?» Он отвечает: «Монах (имярек)». Они приветствуют его, говоря: «Живи долго и угождай Богу, ангелам, человекам и старцу своему!» Новопостриженный первым причащается Святых Таин, не снимая ни скуфьи, ни куколя. По отпусе литургии читается молитва на снятие куколя.

Порядок пострижения великосхимника тот же, только на утрени к дневным канонам прибавляется канон великой схимы, после входных тропарей и кондаков литургии выпеваются антифоны великой схимы, четки, вручаемые постриженнику, состоят из трехсот узелков. <...>

Когда монастырь по той или иной причине остается без игумена, братия избирает нового, он отправляется к Патриарху за хиротесией во архимандрита, а по его возвращении совершается чин интронизации: после великого славо словия утрени антипросоп Великой Лавры приветствует нового игумена (в это время на игумена надевают мантию) и вручает ему пастырский жезл, новоизбранный произносит ответное слово и занимает архиерейскую кафедру; затем бого служение продолжается. <...>

Елеосвящение над всеми монахами и паломниками совершается два раза в год – в навечерие Рождества Христова и в Великий четверг; согласно древней традиции <...>, помазание в этом случае (в отличие от Елеосвящения, совершаемого над больными) бывает только одно – в конце чина, при целовании Евангелия.

Таинство Крещения над некрещеными паломниками в афонских обителях совершается редко (в силу малого числа таковых), когда же кто-либо изъявит желание принять святое Крещение на Афоне, его крестят в море. <...>

Отпевание монахов совершается с торжественностью; в течение сорока дней после смерти монаха каждый день благословляется коливо в память о нем и все должны прочитывать за него одни четки; умершего ежедневно поминают на проскомидии в течение трех лет и навсегда записывают в большой помянник монастыря. <...> По прошествии некоторого времени после смерти останки умершего откапывают; череп надписывают и помещают в костницу; туда же относят кости умершего. <...> Посещение монастырских костниц заставляет паломников задуматься о неотвратимости смерти.

В некоторые дни в монастырях бывают общие послушания, исполняемые всеми монахами работы; одно из таких послушаний, приготовление теста, может быть приурочено ко времени утрени. <...>

Таким образом, вся монастырская жизнь на Афоне организована как непрерывное служение Богу. <...>

Начало организованного монашества на Афоне и возникновение певческой византийской нотации совпали во времени, оба они имеют более чем тысячелетнюю непрерывную и параллельно развивающуюся историю. Церковное пение <...> было и остается на Святой Горе звуковым выражением духовного общения монахов с Богом и Его святыми.

Церковное пение

В библиотеках двадцати монастырей, семи из двенадцати скитов и многих келлий Святой Горы хранится около 3000 музыкальных рукописей византийского и поствизантийского периодов, что составляет чуть менее трети всех известных в мире кодексов византийского певческого искусства.

За весь период непрерывной певческой традиции на Афоне в разное время и при разных обителях были созданы многочисленные скриптории. Музыкальные рукописи, созданные на Святой Горе или принесенные туда извне, покрывают весь спектр церковного музыкального творчества византийской традиции с его видовым и жанровым разнообразием. Это Ирмологии, Стихирари, Доксастарии, Матиматарии, Кратиматарии, Пападики и Анфологии, Кондакари, сборники богородичных песнопений под названием «Акафист», теоретические трактаты и другие, смешанные, кодексы с различными названиями, созданные на основе вышеперечисленных.

Наиболее значительные собрания музыкальных манускриптов сохранились в библиотеках монастырей: Иверского (400), Ватопеда (около 350), Великой Лавры (около 300), Пантелеимонова (190), Хиландара (130), Ксиропотама (138), Дохиара (125), Святого Павла (117), Кутлумуша (98), Ксено фонта (96), Дионисиата (96). Число певческих кодексов, хранящихся в других обителях и скитах колеблется от 15 до 90.

Афонское музыкальное творчество, представляя собой анонимное певческое предание, характеризуется в соответствующих примечаниях на полях кодексов как «святогорское», «ватопедское», «иверское», «дионисиево», «как поется во Святой и Великой Лавре», «святогорское – церковное», «по напеву Святой Горы Афонской» и другие.

Дошедших до нас имен афонских мелургов <...> – около восьмидесяти. <...>

Из плеяды известных нам святогорских мелургов византийской эпохи четыре имени являются предметом гордости Великой Лавры святого Афанасия: преподобный Иоанн Кукузель и domestik Григорий Гликис, domestikи Варфоломей и Анфим. В Ватопедском монастыре творили иеромонах Лонгин и domestik Иоасаф. Дополняют этот список Косма «со Святой Горы» и известный дидакал церковного пения иеромонах Григорий Бунис Алиат. <...>

С давних пор на Святой Горе литургическое пение является одним из любимейших занятий монахов. Типиконы предусматривают смену певчих у аналоя и соучастие всей братии в певческом служении, несмотря на то, что не все обладают даром «прекраснопения». <...> Монастыри Святой Горы благодаря их живой и непрерывающейся традиции являются наилучшей школой церковного пения.

На Афоне от 40 до 50 раз в году совершаются торжественные службы, состоящие из всенощного бдения (вечерня, утренняя, 1-й час) и присоединенных к нему 3-го и 6-го часов, водоосвящения и Божественной литургии. Во время такой службы, продолжающейся не менее 12 часов, звучат различные типы песнопений. <...> Значение живой монастырской певческой традиции Афона состоит в сохранении византийского и поствизантийского наследия в едином, неразрывном виде.

В каждом монастыре имеются свои прекрасные певчие (псалты). В настоящее время выделяются хоры монастырей: Ватопед, Симонопетра, Дионисиат, Ксиропотам, Дохиар и Иверского. Певческое искусство развивается и в скитах Святой Горы. <...> Своим «прекраснопением» и прилежанием к занятиям певческим искусством выделяются и некоторые монахи-келлиоты.

Афон и Россия

<...> Появление на Афоне «русских» монахов относится к древнейшему периоду истории Святой Горы. Под одним из актов Великой Лавры (февраль 1016 года) стоит подпись Герасима, «монаха, милостию Божией пресвитера и игумена обители Роса». <...> По сообщению «Повести временных лет» под 1051 годом, Святую Гору посетил преподобный Антоний Печерский, который был там пострижен в монашество и отправлен обратно Киев с благословением и пророчеством о том, что от него «мнози черньци имут быти» на Руси. <...> По афонскому преданию, преподобный Антоний подвизался на Святой Горе в пещере близ Эсфигмена (храм над ней во имя преподобного Антония Печерского сооружен в 1849 году, на Афоне преподобного Антония именуют Эсфигменским).

Первый русский монастырь на Афоне – обитель «Древодея» (современный Ксилургу, скит Богородицы, Мариинский) был посвящен Успению Пресвятой Богородицы. Впервые Ксилургу назван в акте 1030 года (без указания национальности насельников). <...> Из акта 1169 года следует, что Ксилургу называют «обителью русских». <...>

В 1169 году русской монашеской общине Ксилургу по просьбе ее настоятеля Лаврентия был пере дан на все последующие времена при шедший в упа док монастырь Солунянина, возникший в конце X века и освященный во имя великомученика Пантелеимона. Начиная с 1169 года, монастырь великомученика Пантелеимона стал основной русской обителью на Афоне.

Монахи из славян, среди которых, возможно, были и русские, подвизались также во многих греческих обителях: преподобного Григория, Кастамоните, Кутлумуше, Филофее, преподобного Ксенофонта, Ксиро потаме и других.

Несмотря на то, что Пантелеимонов монастырь на протяжении всего средневековья устойчиво именовался «обителью русов», <...> число русских насельников здесь не было постоянным. <...> Среди братии Русика было много сербов. <...> В Пантелеимоновом монастыре в 1191 или 1192 году принял монашеский постриг сын сербского великого жупана Растко, будущий святитель Савва Сербский.

После установления в середине XIII века на Руси монголо-татарского ига число русских иноков в Пантелеимоновом монастыре уменьшалось и он постепенно заселялся сербами. <...> К середине XIV века обитель окончательно стала сербской. <...> Более чем на столетие ктиторами монастыря святого Пантелеимона стали сербские правители. <...> На рубеже XV–XVI веков были установлены официальные отношения между Пантелеимоновым монастырем и московскими великими князьями и Русской митрополией. <...> Обитель получала значительные пожертвования из Москвы. <...>

В 1619 году был сооружен новый монастырский собор на месте старого <разрушенного землетрясением>. <...> К середине XIX века от постройки 1619 года остался лишь фундамент, на месте старого храма в 1870 году был заложен современный собор, достроенный в 1920-х годах.

В конце XIV-го и в особенности в первой половине XV века связи русского монашества с Афоном после длительного перерыва возобновились и стали активными. В то время на Святой Горе подвизались будущие основатели и настоятели русских общежительных монастырей: преподобный Сергей Нуромский († 1412), Иларион, игумен новгородского Лисицкого монастыря (вернулся на Русь не позднее 1397 года), Дионисий Царьградский, архимандрит Спасо-Каменного монастыря (в 1418–1425 годах архиепископ Ростовский), Досифей, архимандрит нижегородского Печерского монастыря <...>, преподобный Арсений Коневский († 1447). Около пяти лет прожил на Святой Горе преподобный Савва Тверской (Бороздин; † 1467), игумен тверского Саввина монастыря в честь Сретения Господня, о чем

сообщает в своей «Духовной грамоте» преподобный Иосиф Волоцкий. <...> С афонской традицией был тесно связан и митрополит святитель Киприан. <...> В 1420 году Зосима, инок Троице-Сергиева монастыря, совершил путешествие на Афон и составил список двадцати афонских монастырей. Со Святой Горы монахи привозили книги, до той поры неизвестные на Руси; лисицкий игумен Иларион привез Тактикон Никона Черногорца, преподобный Савва Тверской – Иерусалимский устав и Кормчую, архимандрит Досифей – Устав Святой Горы и Чин пения двенадцати псалмов.

Известны имена русских книгописцев, трудившихся в то время на Афоне над перепиской книг для Руси (прежде всего аскетического содержания). <...>

В 1470-х годах на Святой Горе побывал «великий старец» Митрофан (Бывальцев) <...>, проживший там, согласно известию «Духовной грамоты» преподобного Иосифа Волоцкого, девять лет. <...> В 1480-х годах на Афоне жил преподобный Нил Сорский.

<...> Об авторитете Афона на Руси как образца иноческой жизни <...> свидетельствует периодическое возникновение здесь в разные эпохи обителей, именуемых «святогорскими» или «Святая гора» (древнейшая из известных – близ Владимира-Волынского, появилась около середины XI века).

На Афоне русских иноков интересовали прежде всего монастырские уставы и практика «умной молитвы». Посетивший в конце XIV века Святую Гору архимандрит нижегородского Печерского монастыря Досифей описал келейное правило афонских монахов. Он сообщил, что святогорцы, которые отдельно живут в келлиях, каждый день прочитывают половину Псалтири и по 600 Иисусовых молитв, в то время как на Руси Псалтирь вычитывалась монахами по келлиям только Великим постом. Однако уже в XV веке в русских монастырях было распространено афонское молитвенное правило, описанное Досифеем. <...>

В XVI–XVII веках повседневное чтение Псалтири в русских монастырях было обязательным. Благодаря активному афонскому влиянию в духовной жизни русских обителей в конце XV-го – XVI веках произошли важные изменения: общей тенденцией келейного молитвенного правила стало стремление к «умному деланию», «умной молитве», возникла новая для Руси форма организации монастыря – скит (первым русским скитом, по своему устройству близким к афонским скитам, была Нилова Сорская пустынь). Не только скитские, но и общежительные монахи, в частности иноки Кириллова Белозерского и Волоколамского монастырей, постоянно «держали молитву Иисусову», как и афонские старцы. Инок должен был в день прочитать 100 молитв Богородице и 1900 Иисусовых молитв. <...>

На рубеже XV–XVI веков приезды монастырских посольств с Афона на Русь стали регулярными.

Русские государи жертвовали богатую милостыню в афонские обители, из которых получали в качестве даров святыни. <...>

В царствование Алексея Михайловича в Москву с Афона помимо книг были привезены копии чудотворных святогорских икон Божией Матери – Иверской «Портаитиссы» (Вратарницы) и Хиландарской «Троеручицы», выполненные в размер оригинала. Иверская икона копировалась дважды – в 1648 и 1655 годах. <...> Обе копии были выполнены по особому чину с омовением оригинала святой водой, которая затем использовалась для изготовления левкаса списков. <...>

Список Хиландарской иконы Божией Матери «Троеручица», заказанный Патриархом Никоном для Воскресенского монастыря Новый Иерусалим, был доставлен в Россию в 1661 году. <...>

Афонские иноки оказывали активную поддержку православным Юго-Западной Руси в их борьбе против засилья католичества и унии, в частности посылая на Украину переводы антикатолических сочинений святых отцов. <...> В 1621 году в Киеве на Соборе, где разрабатывались меры по утверждению Православия, в числе других было принято решение,

«чтобы русских, искренно расположенных к добродетельной жизни, посылать на Афон, как в школу духовную». <...>

XVIII век стал временем упадка монашеской жизни на Святой Горе. Причиной тому были русско-турецкие войны и ухудшение отношения турецких властей к православному монашеству. <...> В 1705 году Константинопольским Патриархом Гавриилом III Пантелеимонов монастырь <...> вновь был передан русским инокам во главе с архимандритом Варлаамом, одновременно облегчалось пребывание на Святой Горе русским «приходящим странникам... хотящим тамо быти». Это решение Патриарха, подтвержденное Протатом, отразилось, в частности, в предисловии «милостинного синодика» 1705 года, написанного архимандритом Варлаамом. <...> После восстановления монастыря как русской обители в Россию было отправлено посольство за милостыней (1707), свидетельством которого остался этот помянник. Вклады, записанные в него, отражают упадок интереса российских властей и высших слоев общества к монастырю в условиях Северной войны и целенаправленной секуляризации культуры и быта. Среди вкладчиков в то время преобладают представители духовенства, купцы, посадские люди, служилое дворянство не выше обер-офицерских чинов, украинские казаки. <...>

С началом русско-турецкой войны (1735–1739) и прекращением приезда братии из России в Пантелеимоновой обители начали преобладать греческие монахи, сменившие общежительный устав на особножительный. <...> Число насельников Русика в 1765 году достигло шестидесяти человек. <Из-за тяжелого экономического положения обители> греческие иноки около 1770 года оставили Пантелеимонов монастырь и переселились в принадлежавшую монастырю небольшую прибрежную келлию в честь Воскресения Христова, выстроенную в конце 1670-х годов на месте монастырской лодочной пристани (арсаны).

Здесь, на принадлежавшей Русику земле, был основан новый монастырь великомученика Пантелеимона. Старая Пантелеимонова обитель получила название Старый Русик и стала приписной к новому монастырю (восстанавливать ее из развалин братия Пантелеимонова монастыря начала в 1868 года, в конце XIX – начале XX века в Старом Русике жили от двадцати пяти до шестидесяти иноков Пантелеимонова монастыря по особому постанову уставу). Новый Русский монастырь унаследовал права и имущество более древнего монастыря. <По причине бедности монастыря> в начале XIX века афонский Протат предложил Константинопольскому Патриарху исключить Русик из числа святогорских монастырей, а принадлежавшие ему земли продать другим греческим монастырям. Однако Константинопольский Патриарх Каллиник V отказался закрыть обитель и особой грамотой (1803) предписал Протату восстановить Пантелеимонов монастырь, назначив опытного старца и возобновив в обители общежитие. В 1803 году Протат назначил строителем обители ксенофонтского иеромонаха Благовещенского скита (монастыря Ксенофонт) Савву, трудами которого положение монастыря было несколько улучшено. <...> В 1814 году было начато строительство собора великомученика Пантелеимона, келлий и других зданий.

После поражения Турции в войне с Россией и заключения Адрианопольского мирного договора (1829) турецкие войска оставили Афон. С 1830 года русские снова начали беспрепятственно приезжать на Святую Гору и принимать монашество. В основном они подвизались в скитах и в приобретенных у греков келлиях и каливах. Главным местом поселения русской братии в 1830-х годах стал Ильинский скит. В нем проживало много украинцев, но скит официально всегда назывался русским. <...> Трудями настоятеля скита иеросхимонаха Павла собралось до тридцати человек русских насельников. <Однако в 1839 году русская братия вынуждена была оставить скит>. Часть братии по приглашению греков поселилась в Пантелеимоновом монастыре, иеросхимонах Павел был назначен духовником русской братии этой обители.

Для совершения богослужений на славянском языке в монастыре был освящен параклис во имя святителя Митрофана Воронежского.

В начале 1840-х годов на Афоне находилось около пятидесяти русских иноков и около ста украинцев. Среди русских келлий наиболее известными были: Серайская (Ватопедского монастыря) с главным храмом в честь преподобного Антония Великого (впоследствии ставшая Андреевским скитом по имени другого храма обители); <...> Преображенская <...> (Кутлу мушского монастыря) <...>; Покрова Пресвятой Богородицы (монастыря Ставроникита) <...>; Архангельская (монастыря Ставроникита). <...>

Духовник всех русских афонцев иеросхимонах Арсений и схимонах Николай жили в Иоанно-Златоустовской келлии (Иверского монастыря), в 1840-х годах – в Троицкой (монастыря Ставроникита). Ближайший ученик иеросхимонаха Арсения – монах Иоанникий (Соломенцев, в схиме – Иероним) жил с двумя учениками в келлии пророка Илии (монастыря Ставроникита).

Иеросхимонах Иероним (Соломенцев) стал возобновителем и устройтелем жизни русского монашества на Афоне в XIX веке. Благодаря его духовному руководству и разносторонней деятельности стали возможны невиданный ранее духовный и материальный расцвет Пантелеимонова монастыря и прочность положения русских на Святой Горе, что дало возможность в 1880 году русскому генеральному консулу в Македонии М. А. Хитрово говорить о «всестороннем устройении великого русского дела на Афоне». Отец Иероним был приглашен греками в Пантелеимонов монастырь после кончины иеросхимонаха Павла († 2 августа 1840 года), поселился в Русике в сентябре 1840 года и был назначен духовником русской братии.

В 1840 году русских в монастыре было одиннадцать (по другим источникам, двадцать) человек, в 1856 году – восемьдесят, к 1864 году – около двухсот, к концу жизни отца Иеронима, в 1885 году, в Русской обители собралось более 800 иноков. Попечением отца Иеронима был полностью выплачен монастырский долг в 800 тысяч пиастров (100 тысяч рублей), восстановлены существовавшие монастырские постройки, возобновлены и снабжены всей необходимой церковной утварью храмы и параклисы, завершено строительство и отделка многих сооружений, расписан и снабжен иконостасом Пантелеимоновский собор, построены новые соборные храмы во имя святителя Митрофана Воронежского и Покрова Пресвятой Богородицы, придельный Покровскому Александро-Невский храм, Покровский братский корпус, корпуса восточной части монастыря и ряд параклисов в них, помещения для хозяйственных служб и мастерских, расширена и расписана трапезная. Начали действовать типография, литографическая мастерская, иконописная школа, позднее – фотомастерская. В Старом Русике был построен большой братский корпус с тремя параклисами, заложен новый собор по имя великомученика Пантелеимона. Были восстановлены все хозяйственные постройки на земельных владениях Пантелеимонова монастыря. За годы жизни отца Иеронима Русский монастырь построил и восстановил около 60 принадлежавших ему храмов.

Было отреставрировано здание библиотеки, которая пополнилась новыми приобретениями. <...> Монастырская библиотека во второй половине XIX – начале XX века превратилась в одно из крупнейших книжных собраний на Афоне. <...> При библиотеке был создан археологический музей. <...> В 1910 году для библиотеки и музея было построено (впервые на Афоне) отдельное двухэтажное здание. С середины XIX века до Первой мировой войны Русский монастырь являлся своеобразной базой (бытовой и научной) для многочисленных российских ученых-гуманитариев (как духовных, так и светских) различных специальностей, исследовавших культурные сокровища Афона.

Чрезвычайно активной была внешняя деятельность обители: открылись подворья в Константинополе, Москве, Одессе, Таганроге, Ростове-на-Дону, началось строительство

НовоАфонского монастыря на Кавказе и его подворья в Санкт-Петербурге. При московской Пантелеимоновской часовне широко развивалась издательская деятельность. Монастырь оказывал помощь церковной утварью, иконами, деньгами российским, сербским, греческим, болгарским храмам и монастырям, духовным учреждениям, благотворительным и учебным заведениям в Константинополе, России, Болгарии, русским духовным миссиям в Иерусалиме, Японии, на Алтае. Окрестное население Македонии получало от монастыря помощь продовольствием.

По инициативе отца Иеронима Русская обитель осуществляла щедрую помощь деньгами и продуктами <...> всем неимущим афонцам других национальностей. К началу XX века эта раздача производилась в размере 40 тысяч рублей ежегодно, не считая раздачи хлеба. В то время число русских иноков, не имевших своих келлий и калив и живших только подаванием Пантелеимонова монастыря, составляло около тысячи человек. Для поселения неимущих русских по благословению отца Иеронима в 1882 году был основан скит Новая Фиваида. На средства обители там построили собор во имя всех Афонских святых и в честь Вознесения Господня. К 1885 году в Фиваиде насчитывалось до двухсот насельников, получавших от монастыря ежемесячное пособие продуктами, одеждой и самым необходимым <...>.

Возрождение монастыря осуществлялось на пожертвования, поступавшие из России. Некоторые из благотворителей обители, посетив Афон, принимали в Русском монастыре постриг <...>.

Русские иноки приобретали и восстанавливали обветшавшие греческие келлии: были отстроены Иоанно-Златоустовская, святителя Николая Чудотворца («Белозерка»), Свято-Троицкая (монастырь Хиландар), Георгиевская Керасийская (Лавра преподобного Афанасия), апостола Андрея Первозванного и равноапостольной Нины (монастырь Ставроники).

Согласно омологии (купчей крепости) на приобретение келлии, права ее настоятеля (старца) после кончины переходили к преемникам. Благодаря этому русские келлии, имевшие большое братство, оставались всегда в руках русских. Пантелеимонова обитель, имея своего представителя (антипросопа) в афонском киноте, использовала свой голос в защиту интересов всех русских афонцев и русских келейных обителей. Для взаимной поддержки, оказания помощи бедным русским келлиотам и отшельникам, ведения миссионерской деятельности в 1896 году русскими келлиотами было основано Братство русских обителей (келлий), поддержанное русским правительством <...>.

Русские афонцы жили по преимуществу в общежительных монастырях, скитах и келлиях, строгих отшельников было немного. <...>

Русские насельники Пантелеимоновой обители оставались российскими подданными и находились в ведении российского посольства в Константинополе, платя ежегодную подушную подать (харадж) турецкому правительству в размере 6 рублей. <...>

К началу XX века на Афоне подвизались около 4800–5000 русских иноков, в то время как греческих насельников было около 3900–4000 человек. К 1910-м годам в Пантелеимоновом монастыре насчитывалось более 1900 человек (с насельниками Новой Фиваиды), в Андреевском скиту – около 500, в Ильинском скиту – около 300 человек Русским келлиотам (около 1200 человек) принадлежало свыше семидесяти афонских келлий. В некоторых из них (Иоанно-Златоустовской, Благовещенской, Иоанно-Богословской Хиландарского монастыря) проживало по общежительному уставу по семьдесят-сто человек братии. Согласно сведениям, предоставленным в 1913 году для Русского консульства в Салониках А. А. Павловским (составителем путеводителей, в том числе по Афону), русским монахам принадлежали также 187 калив, в которых подвизались те, кто избрал не общежительный, а пустынный образ жизни; бо льшая часть этих пустынников получала денежную и продо-

вольственную помощь из Русского монастыря. <...> В 1917 году русские афонцы оказались полностью отрезаны от России, поступление средств и пополнение братии прекратилось. <...> В начале 1920-х годов Пантелеимонов монастырь лишился всех своих подворий в России, Ново-Афонский монастырь был закрыт в 1924 году, братия подворий и Нового Афона была разо гнана и не получила разрешения вернуться на Афон. <...>

Испытывая значительные материальные затруднения, Пантелеимонова обитель была вынуждена продавать церковную утварь, облачения, иконы, хозяйственный инвентарь. Из-за скудости во всем и частых болезней смертность в обители достигала пятидесяти человек в год, число братии с каждым годом сокращалось. <...> Одновременно пришли в упадок монастырские мастерские и промыслы, созданные для обслуживания паломников. Были проданы принадлежавшие монастырю суда, а также некоторая часть греческого собрания рукописей монастырской библиотеки.

Гонения на Русскую Церковь не позволяли церковному руководству уделять должное внимание русским зарубежным святыням, однако уже на Поместном Соборе Православной Российской Церкви 1917–1918 годов прозвучала тревога за судьбу русских святогорцев.

<...> Между тем число русских иноков на Афоне продолжало сокращаться: в 1920–1945 годах число насельников Пантелеимонова монастыря уменьшилось с 800 до 215 человек в Андреевском скиту со 150 до 45, в Ильинском скиту со 160 до 52, в русских келлиях – с 1000 до 200 человек. <...>

В 1945 году настоятель Пантелеимонова монастыря архимандрит Иустин направил на имя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I послание с просьбой принять русских святогорцев под свое духовное покровительство. К посланию был приложен подробный меморандум о положении русских обителей на Афоне, о международном положении Святой Горы и о желательных путях разрешения афонской проблемы в интересах русских обителей и всей Святой Горы. С этого времени началась борьба РПЦ за сохранение русского присутствия на Афоне. Не вторгаясь в область суверенного администрирования Греции, Русская Церковь неоднократно указывала на самобытное положение иноков разных национальностей на Святой Горе, на исторически складывавшиеся льготы для афонских монастырей от значительных государственных налогов и таможенных сборов, ходатайствовала о свободном доступе в обители всех стремящихся к иночеству, а также о свободном посещении Афона учеными и паломниками всех национальностей. <...>

К 1956 году в 20 монастырях, скитах и келлиях Афона проживал 1491 монах, что в пять раз меньше, чем в 1903 году. Из них греков – 1290 русских – 62 (почти в 57 раз меньше, чем в 1903 году), болгар – 17, сербов – 28, румын – 94 человек.

<...> В 1972 году Святую Гору посетил Патриарх Московский и всея Руси Пимен – это было первое посещение Афона Российским Патриархом. <...>

Во второй половине 1970-х годов связи Пантелеимонова монастыря с РПЦ значительно активизировалась. Начиная с 1974 г., в СССР регулярно приезжал эконом и представитель Пантелеимонова монастыря в киноте <...>, что позволило более эффективно решать вопросы оказания помощи русской афонской обители.

На Пасху 1975 года Пантелеимонов монастырь посетила делегация РПЦ. <...> С этого времени паломнические поездки делегаций Русской Церкви стали совершаться ежегодно на Пасху, а затем по решению Синода РПЦ <...> на праздник великомученика Пантелеимона. <...>

Ко времени визита на Афон Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II (июнь 1992 года) братия Пантелеимонова монастыря насчитывала сорок человек.

Постановлением правительства Москвы в пользование московскому подворью Пантелеимонова монастыря был передан комплекс храма великомученика Никиты, что за Яузой, где сейчас проходят испытательный срок кандидаты на постоянное проживание на Афоне.

В 1980-х годах часть строений Русика и параклис, связанный с пребыванием святителя Саввы Сербского, были реставрированы по почину игумена Хиландара на общеафонские средства. <...>

К 2002 году численность братии Пантелеимонова монастыря составляла около 50 человек.

25 октября 1995 года в Москву был привезен список Иверской иконы Божией Матери, созданный иконописцем Ксенофонтова монастыря иеромонахом Лукой специально для восстановленной Иверской часовни у Воскресенских ворот Красной площади. В апреле – июне 1996 года в Москве находилась принесенная из Пантелеимонова монастыря глава великомученика Пантелеимона, в июле – августе 2000 года святыня побывала в Киеве, Санкт-Петербурге и Москве. Пребывание мощей великомученика Пантелеимона в России и на Украине сопровождалось многочисленными исцелениями.

Афон / Авт.: М. С. Желтов, Д. Б. Кочетов, К. А. Максимович, Моисей Святогорец, игумен Петр (Пиголь), Е. В. Романенко, Г. Статис, И. В. Тамаркина, А. А. Турилов, И. З. Якимчук // Православная энциклопедия. М., 2002, т. 4, с. 103–149, 152–159, 161–166. Текст энциклопедической статьи приведен с некоторыми купюрами и самой незначительной редакторской правкой. Сокращения, принятые обычно в энциклопедических изданиях, здесь раскрыты.

**Константин Николаевич Леонтьев
(1831–1891)
Отшельничество, монастырь и мир:
Их сущность и взаимная связь.
(Четыре письма с Афона) 1872 года
Предисловие автора (1884 года; Москва)**

Двенадцать лет тому назад я гостил долго на Святой Горе. – Все, не только подвижническое, но и, просто сказать, христианское, для меня тогда было *как будто* ново; но это, новое, было не в самом деле чем-то новым, но непростительно и легкомысленно – забытым; – и вот, живя на Афоне, я постепенно опять научился всем сердцем понимать те самые мысли и слова, которые я слышал давно и знал с детства, но которых истинный смысл был мною пренебрежен и не понят. – Мне хотелось *по-своему* писать об этих *словах и мыслях*, об этих *названиях и чувствах*. – Хотелось писать на память, как вздумается. И вот я представил себе человека русского, образованного, *думающего*, который долго (подобно мне) жил без руководства веры... и, наконец, почувствовал потребность этого руководства. – Обстоятельства жизни этого человека могли быть иные, чем мои, чувства – те же. – Мне хотелось передать эти чувства, эту радость первого обращения и если не всю ту работу мысли, которая помирила во мне *реалиста с христианином*, то хоть часть ее...

Я желал, чтобы эти письма были легки, и доступны, и живы. – Я вообразил себе, что у моего вымышленного автора этих писем осталась в России молодая подруга – жена, невеста, дочь, младшая сестра – это все равно, ... что, покинув ее *для Бога* (навсегда ли, если он должен стать монахом, на время ли только, – если он должен вернуться «в мир»), – он хочет передать ей свои мысли; обратить и ее на свой путь для того ли, чтобы необходимая разлука и разрыв – стали бы ей легче, или для того, чтобы духовная борьба и христианское сожительство впоследствии были бы им приятнее при полном единомыслии. – Поэтому я и выбрал форму изложения самую свободную, почти беспорядочную, я предпочел писать – *что писалось и как думалось*, ... без системы и очереди. –

Долго лежали у меня эти письма, – я находил их незрелыми и не стоящими внимания; – я думал, что они ценны только для меня; но недавно мне случилось прочесть эти избранные четыре письма в довольно многолюдном обществе *молодых людей*... Я увидел гораздо больше сочувствия, чем признаюсь, мог ожидать от «современных» юношей.

Эта случайность навела меня на мысль – напечатать эти отрывки. Вреда от них, вероятно, никому не будет; – а если будет хоть малая доля душевной пользы, – то вот больше ничего и не нужно! —

К. Леонтьев

Письмо 1-е 1-го Июня: 1872 г. Св. Гора

Вот уже более полугодом как я живу на Афоне, или скитаюсь по его окрестностям; но самое даже краткое пребывание за чертой его для меня тяжело.

Я многому научился и многое забыл. — Я понял вещи, которые прежде мне были странны и чужды, и дивлюсь теперь, как могли они быть мне чужды. —

Я многое видел и многое прочел. На столе моем рядом лежат Прудон и Пророк Давид, Байрон и Златоуст; — Иоанн Дамаскин и Гете; — Хомяков и Герцен. — Здесь и покойнее, чем был в миру: — здесь я и мир люблю, как далекую и безвредную картину... Я с удовольствием думаю иногда о жизни больших городов, о далекой родине нашей, о прежних друзьях, об умерших и близких нам людях...

Афон и от политических вопросов не отделяет вполне человека, если он *хочет* сам за ними следить; конечно, гораздо менее, чем жизнь иных округов в России. — Здесь ежедневно слышишь новости о Болгарском вопросе; — о переменах министерств в Царьграде; — есть *оттенки* и на самом Афоне; — газеты приносят европейские известия; — беспрестанно приезжают из России поклонники, и слышишь их суждения о наших внутренних делах... А между тем все тихо; — жизнь течет правильно, без суеты и грома. — Застоя нет; — жизнь не засыпает, и труд виден везде. — В лесах встречаются тебе пешеходы, монахи, рабочие Болгаре или Греки; — бородатые поклонники русские; — кавассы монастырские и фустанелле воинственной и с ружьем; — встречаются мулы, навьюченные камнями, досками или чем-нибудь иным. Дороги чинят: — над ручьями и пропастями сделаны прочные мостики; — беспрестанно попадаются кресты на поворотах и границах; — фонтаны для проходящих и на них надписи благочестия; — иногда в глуши леса видишь около дороги небольшую икону, вставленную в кору платана или дуба. — На далекие расстояния проведена с гор хорошая вода по простым, деревянным желобкам... Путник идет, и вода, — то бежит рядом с ним по земле, то журчит и каплет сверху, когда желобок поднят на столбах и перекинут над дорогой... Везде из зелени кустарников и леса видны белые домики; это — пустынные *келлии*, целые хозяйственные жилища с домовыми церквями, *пустыньки* без церквей. — Там и сям воздвигаются новые постройки; строятся новые храмы, новые скиты и новые келлии. — Слышишь много жизни, но не видишь грома и суеты. — Все здесь растет как-то незримо и без того шума неосмысленного и холодного, который так нестерпим иногда и в небольших городах, если только они не увлеклись промышленным потоком...

Я многому здесь научился и многое узнал; — впрочем, многого я и не видел; — иные приезжие на Афон ищут с особенной любовью древностей; — но я еще ни в одну монастырскую библиотеку не входил; — рукописей древних не смотрел и смотреть не буду. — Я верю на слово, что это все поучительно и драгоценно. —

Легкая или тяжелая постройка собора; изящество купола; — выбор цветов для окраски стен церковных или крыш, конечно, занимают меня гораздо более. Любопытно сравнивать древневизантийские здания с новыми постройками, или древнюю иконопись с нашей нынешней русской, или даже замечать разницу в убранстве монастырских приемных у Греков и Русских. Можно легко убедиться, наблюдая все это, как почти все, что касается до внутреннего убранства храмов: — иконопись, иконостасы, облачения, у Русских лучше, чем у Греков; как-то изящнее, *живее*, так сказать, и благолепнее. Пение наше Церковное с Греческим, ты сама знаешь, и сравнить нельзя! Зато у Греков и Болгар постройки лучше, больше вкуса, больше прочности, больше фантазии Восточной и архитектурной поэзии; — наши, к несчастью, слишком склонны, следуя полунемецкой казенщине нашей, к казарменным линиям, к белым штукатуренным прямым стенам, к зеленым крышам и куполам, тогда как

зеленый цвет и для виду на *естественной* зелени самый невыгодный и неприятный, и уже слишком напоминает загородный дом разжившегося русского Немца. – Вообще на русских постройках заметны слишком следы наших казенных архитекторов, воздвигавших по всем уездам и губерниям станции желтые, казармы желтые, церкви белые с зеленым...

В Греческих и Болгарских комнатах и приемных также больше Восточного простора и величавой Турецкой простоты: – ковер, диван вокруг стены, камин хороший в средней стене или даже Русская печка; в иных приемных колонки, разделяющие комнату надвое, на возвышенную половину, на ту, где почетный диван, и на небольшое преддверие. В русских гостиницах для приезжающих очень тепло и во многом удобно; – но Русские уж слишком падки до плохой *европейской* мебели, до маленьких, неудобных диванчиков с резными зигзагами, да множества стульев, которые гораздо более были бы на месте в пещерах аскетов, чем в комнатах, которые назначены для успокоения и приема гостей. Большая также страсть к маленьким картинкам и множеству мелких фотографий по стенам; к вязаным ажуру² скатертям и к женским печатным дешевым платкам, которые служат здесь вместо столовых покрывал... Одним словом, в приемной Греческой или Болгарской как будто видишь перед собой почтенного турка в чалме и широкой одежде, курящего чубук; – а в Русских гостиницах скорее вспомнишь своего знакомого Карла Иваныча, которому Марья Ивановна готовит к именинам вязаный или вышитый по канве сюрприз. —

Разумеется, изящество и *хорошая*, а не ложная простота в этом случае на стороне Восточных жителей. Впрочем относительно построек надо сказать в оправдание русских монахов две очень важные вещи. Конечно, я того мнения, что *комната*, жилище самого монаха, должно быть сурово, проста, пуста, даже тесна... Но весь *монастырь*, если он имеет средства, его храмы, все здания его должны быть красивы, изящны и величественны. У Греков и Болгар обители или давние, построенные еще по хорошим образцам и под влиянием более свободного полета идеальной мысли, чем нынешней ее полет, подстреленный утилитаризмом. Но наши монахи принесли сюда из России в воспоминаниях какие образцы?.. Можно ли их винить за недостаток вкуса, когда едва-едва с половины прошлого царствования высший круг наш, люди власти, и сами художники наши обратили более серьезное внимание на Византийский стиль?.. После *Голландских*, скромных вкусов Петра Великого мы пережили Renaissance³ Казанского собора и госоко⁴, и только очень недавно стало заметно более самобытное движение архитектурной мысли.

Иные люди находят, что попытки эти новые все еще довольно слабы, что Исаакиевский собор представляет собой нечто вроде верха Св. Петра Римского на корпусе какого-то Английского банка; – что милая, теплая, пестрая часовня, построенная на Невском проспекте, не легка, вдавлена в землю, что новая, Греческая Церковь на Лиговке тоже имеет свои недостатки...

Я не архитектор и не археолог; – я в этом деле только *один голос из толпы*, но имею глаза и чувства. Я кой-что знаю и очень многого *не* знаю. Помню многие названия без смысла и знаю нередко мысль, но не умею ее назвать как следует. Но я, мне кажется, *все понимаю*, когда со мною говорят художники и археологи. Я хочу только сказать одно, что нынешнее *направление* архитектуры Русской лучше, плодотворнее прежнего. Есть стремление к *личному творчеству в пределах обычая* или устава; – а это, мне кажется, и есть существенное условие *своего стиля*. Чтобы яснее представить это направление, лучше всего сравнить Зимний Дворец с Новым Московским в Кремле; или вспомнить, как недавно у нас стали возможны такие дома, как дом Иерусалимского Подворья в Петербурге, около дома Бело-

² Возрождение (франц.).

³ Рококо (франц.); здесь: архитектурный стиль, отличающийся прихотливой изысканностью.

⁴ В Ростове всё более чем прилично (франц.).

сельской. Итак, если наше высшее общество, наше Государство, наш Двор, наша художественная интеллигенция, наша Академия только что вышла на лучший путь..., то такое же правило имеем мы строго судить вкус наших Афонцев, которых вожди пришли сюда в 30-х и 40-х годах и дали, что могли...

Другое оправдание для них вот такое.

Старые здания у Греков и Болгар – старые; они оригинальны. А новые, например в Зографе Болгарском и в Ватопеде Греческом, положим прекрасны; – они построены из хорошего тесаного камня, *не спеша*, со вкусом, с простором, с прочностью... Особенно Зографские новые постройки великолепны, царственны!.. Но обе эти обители имели издавна большие имения в Бессарабии с определенными и верными доходами. Братия у них сравнительно не очень многочисленна. А Русские монахи все почти теснятся в двух больших киновиях: в Руссике и в Серае или Андреевском Скиту. – Вообще на Святой Горе Русских немного; – на семь или восемь тысяч монахов наших, кажется, тысяча с небольшим; – иные говорят, что и того не будет! Греки и Болгары, хотя и в большем числе, но рассеяны по 19-ти монастырям, по нескольким зависимым скитам и по множеству пустынных келий, хижин, шалашей, пещер; Русских же в *Руссике* около 400 (не считая постоянных поклонников, которых надобно поместить), а в Андреевском Скиту больше 200. Имений больших нет ни у Руссика, ни у Андреевского Скита. Устроились они очень недавно, все на добровольные подаяния из России. Скит воздвигается необычайно быстро и вырос в целую обитель из одного Патриаршего дома. В Руссике наши монахи, приглашенные Греками, нашли почти одни развалины и бедность. Теперь это самый многолюдный и оживленный монастырь. И монастырь этот, и Скит Св. Андрея и теперь еще строятся, и все еще в них тесно. —

Понятно после этого, почему в постройках русских видна спешность, потребность дешевизны и первых удобств; – узкие темные коридоры вместо широких и открытых Зографских галерей; – кирпич и штукатурка белая и сероватая или желтая вместо прекрасного тесаного камня Зографа или Ватопеда; – простые четырехугольные окна на казарменных стенах вместо окон изящных, окруженных и широких, иногда двойных с колонкой посередине, которыми любишь в Греко-Болгарских обителях. У Русских обыкновенно приземистые трубы на крышах, в них и видишь только скучные обыкновенные трубы, видишь *пользу*, теплоту печей... Тогда как подъезжая к Ватопеду, дивишься на целый лес мелких, круглых и высоких *колонок* с красными капителями наверху, покрывающих крыши солидных корпусов... Что такое это? – Это тоже трубы, но трубы *неспешные*; это трубы художественные...

Да! Если рассматривать дело только с точки зрения результата и красоты, русские обители не очень хороши. Но если знать и помнить все трудности, с которыми русские монахи боролись, всю вынужденную обстоятельствами спешность созидания, быстрый рост их обителей; бесчисленные и сложные заботы, которые обременяли их духовных вождей на чужой стороне: неопределенность доходов, долги, требования некоторого рода дипломатии при всем этом, то критическая строгость умолкает и остается одно чувство – уважение к их практическому уму и нравственной силе. —

Скажу еще вот что: И в Руссике и в Андреевском Скиту *прежде всего* позаботились о красоте и богатстве храмов, а *потом* об удобствах для посетителей и о помещении для братии. В обеих обителях иноки, видимо, считали долгом деньги благодетелей употреблять прежде всего на украшение Церквей своих. – Так понимают Афонские монахи свой долг! Чтобы яснее видеть, что такое *честное* монашество, стоит только из Церкви, где блистают золото, серебро, хрусталь, дорогие иконы, облачения дорогие, – пойти в тесную, душную комнату монаха или спуститься в трапезу, где братия ест «травку и травку», как писал Г<н>. Благовещенский в своей книге об *Афоне*. —

Письмо 2-е Июнь. 24.1872 г.

Монашеские характеры, я, кажется, писал тебе, на Афоне очень разнообразны. – Правила и образ жизни, уставы, степени отречения, подчинения и свободы также очень различны. —

Как ни грустно мне, как ни занят я сам собою и тысячей вопросов, которые теперь для меня вопросы жизни и смерти, я не могу не видеть того, что меня окружает здесь. —

Самые эти вопросы, которые я беспрестанно должен задавать себе, вынуждают меня иногда быть внимательным к тому, что происходит вокруг меня. Я хочу поучаться примером других и испытывать себя путем сравнения. —

Я не стану говорить тебе, сколько здесь монастырей, скитов, монахов. Ты все это найдешь, если захочешь, подробно изложенным в других книгах и статьях... Отыщи их, если тебя это занимает. Можешь прочесть, например, небольшую статью «Панславизм на Афоне» в «Русском Вестнике» за этот год. Там все это есть. —

Святогорец говорит, что на Афоне монаху предстоит, по крайней мере, до восьми различных образов жизни. Я нахожу, что их гораздо больше, если считать уклонения и оттенки.

Но пусть будет 8. Я перечту на память: —

1. *Киновии*; общежительные монастыри, – где все общее, где все равны. – Большая строгость. —

2. *Идиоритмы*, монастыри своеобычные; – не строгие; – где *не все* общее и где каждый имеет значительную долю свободы. —

3. *Отдельные келлии* (дома с домовыми церквями) вне монастырей. Жизнь вдвоем, втроем и т. д. без определенного устава.

4. *Каливы* – пустынные хижины без домовых церквей.

5. Жизнь в *Скитах Русских*; наподобие *общежительных* монастырей; в общих «корпусах» зданий. —

6. Жизнь в *Скитах Греческих*; наподобие села, состоящего из отдельных домов или келлий; – устав строгий, но образ жизни, проходящий с некоторых сторон на идиоритмы. —

7. Отдельные *монашеские квар тиры* на Карее, афонском городке. —

8. *Пещеры* в лесах, по берегу моря, в безлесных скалах; – просто под камнями, под открытым небом.

Поговорим о самой главной форме Святогорской жизни – форме *Киновиальной*.

В Киновиях все более или менее равны, все подчинены одинаково и безусловно избранному обществом игумену, и, помощникам его, главным духовникам. *Собственности* не сохраняет при себе *никто*. Все отдается в общую кассу; – но в случае неудовольствия и твердой решимости оставить монастырь хорошее монастырское начальство выдает обратно непокорному сыну внесенный им вклад. —

Киновии могут служить прекрасным предметом изучения для самих коммунистов. – Изучая Киновии, можно допустить, что коммунизм, не как всеобщий закон, а как *частное проявление* общественной жизни, возможен, но лишь под условием величайшей дисциплины и даже, если хочешь, страха. – Эта дисциплина, этот страх не материальной природы; – это несокрушимая *идеальная* узда веры, любви и почтения. – В страхе христианском, если и есть эгоизм, то есть забота о загробном спасении души при *разочаровании во всем земном и непрочном*, то называть этого рода заботу эгоизмом (как выдумали многие и не из крайних просветителей нынешнего человечества) было бы уже слишком недобросовестной натяжкой! Положим, думать о *загробном* спасении – эгоизм; – но благодаря этому воздушному, туманному, отдаленному и неосязательному эгоизму, от скольких движений эгоизма грубого,

земного, ежедневного освобождается хороший христианин! – Какое высокое забвение личного своеволия! – Какая покорность идее! Солдат, и не слишком плохой, быть может, и патриот, в иную минуту не бежит из полка от материального страха, от боязни, что его расстреляют, прогонят сквозь строй или сошлют на каторгу. Монах–киновиат в самую тяжкую минуту (а как часты тяжкие минуты в многолюдной и трудовой общине!) не бежит из обители от одной *идеальной* боязни греха, то есть от страха оскорбить и прогневать Божество, которое его создало и дало ему разум и волю для внутренней борьбы против злого начала, присуще мирозданию. —

Уничтожь в себе *волю!* – Тебе не хочется сегодня молиться? – Молитвы тебе кажутся сухими; – они ничего не говорят твоему воображению и сердцу. «Молись! – говорит духовник: – поверь мне, сын мой, что начнешь ты с досадой и тоской, а встретишь потом одно или два слова в этих заказных молитвах, от которых вдруг раскроется душа твоя в радости и ты будешь утешен и награжден тут же за свое усилие». – И это правда. Я сам это испытал... —

Уничтожь в себе *волю!* – Ты хочешь спать? – Звонят к заутрене в полночь. – Ты хочешь есть? – Потерпи. – Ты хочешь разговаривать вечером с другом, особенно если ты молод? – *Старый батюшка*, старший духовник, обходит коридоры и стучит в вашу дверь, предлагая разойтись и не договариваться по неопытности до предметов, которые могут после смутить вас и быть вам вредны. – Хочешь ты прочесть новую книгу? – Без *благословенья* нельзя. – Сижу я теперь перед вечерней в моей келлии; минута свободная нашлась. – Я видел у приезжего мирянина, кажется, хорошую книгу на столе; – духовную, вероятно, книгу, писаную светским человеком: – «Сущность христианства». Отчего бы не прочесть ее? – Но духовник, измученный недугами и бдением ночным, лег отдохнуть. – *Старец* мой (особый наставник иноческой жизни, которому я поручен) занят теперь делом. – Я не смею прочесть эту книгу. – Потом, улучив минуту, прошу благословить. – «Нет благословения читать тебе эту книгу».

Я огорчен и сообщаю мимоходом свое горе другому монаху, ученому; он был в Академии, и книгу эту недавно я видел в его руках. – Ты не *понесешь* этой книги, отвечает он мне; ты еще – легкомыслен.

– Вот и оскорбление! – Горе? – Нет! – Оскорблению надо радоваться; – и еще больше, когда оно *незаслуженно*. – Чем же я легкомыслен? – Не тем ли, что, покинув мать, отца, дом в дальней родине и деньги, быть может, и молодую невесту, театры и гулянья городские?! Да! Быть может, этот монах, который меня, бедного, назвал легкомысленным, и неправ. – Но я не знаю этого *наверное* и потому лучше думать, что он прав; – не гневаться мне на него надо, а благодарить и благословлять его. – Я иду к нему и падаю ему в ноги: – «Простите, отец, я осуждал вас сегодня за ваши слова о моем легкомыслии». – Он отвечает мне тоже земным поклоном. – Мы примирены. – Я рад, я счастлив! – Но надолго ли я спокоен совестью? – По природе моей я или вовсе незлобив и не вспыльчив, или обладаю твердой волей, которая иногда довольно легко овладевает моими увлечениями. – Такие случаи, в которых я обнаруживаю мое смирение, мою доброту и покорность, повторяются часто. – Я как будто счастлив и спокоен; – здоровье мое крепко и позволяет мне вынести без худых последствий долгое пение в церкви, бдение ночные во храме в обыкновенные дни по четыре часа, а под иные праздники – по тринадцать часов, до самого рассвета. – Силы мои, слава Богу, так свежи, привычка к телесным, монашеским подвигам у меня уже так сильна, что я, простоявши всю ночь на ногах в стасидии,⁵ могу еще наслаждаться тем, что утренняя заря за морем занимается именно в ту минуту, когда в храме нашем возглашают: «Слава Тебе, показавшему нам свет!» —

⁵ *Стасидия*; в греческих церквях вокруг стен устроены особые места, чтобы облокачиваться.

Да, я счастлив; братия хвалит мое усердие и мое незлобие; сам старый батюшка иногда улыбается милостиво, благословляя меня, когда я ему кланяюсь, и говорит: «Ну, что ж ты, ветрогон, благодушествуешь теперь, я вижу, мирствуешь, благодаря Господа?»

И вот... неслышно, незаметно начинает поедать душу мою тайный червь – *гордости*; – но какой гордости? – Не мирской вашей гордости, которая кичится властью, деньгами, победами над *другими людьми* в спорах, в делах, в торговле, но службе государственной или в общественных успехах... Здесь идет речь не о той гордости, которая у мужчины говорит ему: «Ты молодец!» – А у вас, женщин: «Ты красива, ты мила, умна, обворожительна и т. п.», или более *по моде*: «Ты *современна*, ты развита, ты независима, не подчиняешься обществу, в котором живешь». – Нет, здесь поедает душу гордость иного направления, *гордость христианская, подвижническая*; воображение, что я уже *безукоризнен*, что я *почти святой!*

– «Вот, – говорит мне внутренний соблазнительный голос, – ты лучше других. – Тот из простых мужиков, а не может стоять так долго, как ты, стоишь в Церкви; – тот ленивее тебя; – тот помнит зло; тот все хитрит... А ты? – Ты незлобив, ты всем покоряешься, ты все выносишь; – у тебя нет гордости, нет своеволия; – ты не лукав, ты просто, как Св. Павел – сподвижник Антония Великого, которого позвали *препростой*. Ты выносив на телесный труд, как Даниил Столпник, которого буря качала на столбе, а он молился, которого дождь обливал и мороз доводил до полусмерти, а он лишь благословлял Бога за все это. – Ты ласков и добр с людьми, как Св. Моисей Мурин (ефиоплянин); – он был разбойником прежде, покаялся и подвизался в одной обители с суровым Арсением Великим и сверх святости его строгой жизни в монастыре его все любили за ласковый и приветливый нрав. – Да, Св. Моисей был из разбойников; он до покаяния своего был многогрешен. – А я покинул юношей кров родительский и пришел сюда таким же девственником, как Св. Иоасаф, юный сын Царя Индийского, который устоял против всей роскоши и против целого гарема молодых красавиц, окружавших его по желанию отца». —

«Вот, сколько у меня добродетелей!» – Чего же было бы лучше этого внутреннего самодовольства, мой друг? – Не именно ли того ищут в миру у нас самые лучшие, умные, благородные люди? —

Не имеем ли мы право уважать человека, который предпочитает внешним успехам, богатству, блеску, наслаждениям веселого разврата – свою *внутреннюю гордость*, свое сознательное, честное самодовольство? – Ведь это почти *идеал*, ты скажешь мне, по нынешним понятиям. – Да, я с тобой согласен, что в *миру* иногда нельзя и требовать большего от хорошего христианина. – Когда бы было побольше и таких! Жизнь светского человека слишком шумна и заботлива; особенно нынешняя жизнь, в которой столько развлечений и нестерпимого, спешного труда, в которой так слабы впечатления Церковные, так отстранены на второй план множеством других сложных и обременительных впечатлений; – воспитание истинно христианское, *осмысленное* так редко! – Знание истинного духа христианства ныне так мало распространено! – Возможно ли при этих условиях требовать, чтобы люди, обремененные семейными, государственными, учеными и хозяйственными заботами, успевали вникать ежечасно в смысл своих внутренних чувств? – Да многие ли нынче из образованных людей ясно понимают этот дух христианской Церкви? – Люди, вовсе не признающие Ренана авторитетом, люди, не дерзающие и сомневающиеся в божественности Иисуса Христа; – люди, которые, с другой стороны, готовы стереть с лица земли всякого, кто бы коснулся иноземной, вражеской или революционной рукой *народной, русской* Святыни Православных храмов, мощей, икон (я говорю *народной* святыни – понимаешь?), – и эти люди, вследствие легкомыслия, незнания или каких-либо обстоятельств, воображают, что они поняли Христа, если знают твердо, что он *простил блудницу*, что он *оправдал грешного мытаря*, что он велел быть *добрым к ближнему*, благословил иноверного Самарянина за его доброту и осудил Еврейских, – священника и Левита, за то, что они не помогли израненному путнику. —

И только! – Доброта, прощение, милосердие... Они взяли лишь одну сторону Евангельского учения и зовут ее *существенной стороной!* – Но *аскетизм* и суровость они забыли? – Но на гневных и строгих Божественных словах они не останавливались? – О том, что Иоанн Предтеча, у которого Спаситель крестился, был *монах в высшей степени* они не знают? – О сорокодневном посте самого Христа в пустыне они не думают? – О догмате греха первородного, о духе тьмы, о догмате Троицы христианской они молчат, а это есть в Евангелии и в Апостольских письмах. – Нельзя, принимая *святость* Евангелия и божественность Христа, отвергать одно место в книге и выбирать *по вкусу* другие. Все мягкое, сладкое, приятное, облегчающее жизнь принимать, а все грозное, суровое и мучительное отвергать, как несущественное. – Что-нибудь одно: или Ренан и Штраус – *правы* или все *существенно!* —

Религия *всепрощения*; – да! – Но вместе с тем и религия самобичевания, покаяния, религия не только неумолимой строгости к себе, но и разумной строгости к другим. —

«Иди и *не греши*»... – сказал Христос, прощая блуднице. – Он не сказал: «Иди, *ты права!*» —

Первоначальная, Православная Церковь, эта *Византийская*, высокая культура, столь оклеветанная враждебными ей Церквями и так плохо понятая теми прогрессистами, которые с половины прошедшего века поверили в осуществление реального Эдема на этой земле, – вся эта *особого рода* культура, весь этот особый род просвещения был лишь *развитием*, объяснением основного Евангельского учения, а никак не искажением его, как думают те, которым бы хотелось из христианства извлечь один лишь осязательный практический утилитаризм. – Впрочем не одни утилитаристы так думают; – так думают нередко и люди религиозные. – Ты помнишь, мой друг, мою воспитательницу? – Ты сама любила и уважала ее. – И конечно, она в высшей степени заслуживала этих чувств. – Всю жизнь – в борьбе с нуждой, вскормленная у отца в богатстве, самолюбивая, умная, высокообразованная, привычная ко вкусам и понятиям самого высшего общества времен Александра I-го, – она должна была всю жизнь свою пересоздать, перестроить не так, как хотело ее воображение; – окружающие не умели вполне ценить и понимать ее; – большинство детей ее было гораздо глупее и ниже ее; – они больше боялись, чем любили ее, и не постигали ее изящных и вместе с тем строгих требований. – Она стала взыскательна, раздражительна, иногда несправедлива в гневе; ты все это знаешь, но ты знаешь также, какая глубина благородства, любви и какой-то *мрачной доброты* проявлялась в ней до последнего издыхания...

Мир ее высокой душе! Мир подай, Господи, ее страдальческому праху! – Однако... и эта просвещенная, эта необычайно умная женщина платила дань тому полулиберальному, полухристианскому веку, в котором она выросла и жила. —

Она, например, не любила постов и на содержала их, кроме дней говения, не любила монахов, не любила духовенства вообще. Говеть – она говела, как ты знаешь, и плакала даже почти всегда на исповеди у простого сельского духовника своего. – Она утром и вечером понемногу молилась и, закрывая Ж. Занда или Дюма, бралась нередко за Евангелие с большой любовью. – Но я замечал, что житий она не читала, хотя, конечно, с детства кой-что помнила из них. – К мощам на поклонение, впрочем, она заезжала не раз в течение своей жизни, но и тут, я помню, она полушутя говорила мне: «Я гораздо больше люблю своего милого Димитрия Ростовского, чем Св. Сергия Чудотворца. – *C'est plus comme il faut* а Ростов.⁶ – Тихо так; – зайдешь и помолишься. А уж Сергей такой демократ! – Мужиков и нищих бездна! – *Je ne puis pas souffrir tout cela*⁷; – хотя я и знаю, что это грешно!..»

Милая и строгая тень моей благородной благодетельницы! – Я верю в загробную жизнь; но *какова она* – кто знает? —

⁶ Это было для меня невыносимо (франц.).

⁷ Живи и жить давай другим (франц.).

«На крест, на могилу;
На небо и землю
Творец Всемогуший
Печать наложил...»

Видишь ли ты, как я пишу эти строки? – И если видишь, то как? – Так, как мы: с участием? – с улыбкой? – с прощением? – с человеческим чувством? – Или иначе – я не знаю!..

Но я прошу тебя, тень святая моей памяти, прости мне, если я скажу, что и ты платила дань веку, не понимая иногда Православия и отделяя его от какого-то особенного, *простого* и *чистого* христианства! И от тебя я слышал не раз, что учение Евангельское просто и доступно, но что духовенство исказило его, прибавив слишком много *сложного*...

Боже! – Но мог ли краткий и простой рассказ Евангелистов, не развиваясь далее, объединить в едином *учении* такое множество разных народов: Греков, Евреев, Славян, Египтян, Римлян и Сирийцев?..

Сложность необходима для единства, по мере расширения поприща во всем. – И Христу угодно было предоставить первоначальное учение свое обыкновенным законам развития всего земного. —

Именно слишком *свободное* понимание первоначального учения и породило столько вредных ересей, борясь против которых. Церковь развивала постепенно и естественно трудную философию, единый, но изящный и сложный обряд; нравственность – одну по цели и духу, но разнообразную и сложную по частным, живым оттенкам... Да! Миряне, и верующие даже, нынче плохо знают свою веру. – И потому, отчасти извиняя им, Церковь говорит: «Иное – мирянин, обремененный в наше время такой бездной настоятельных забот и потребностей; иное дело – *монах*, которому *вся обстановка* его должна помогать для достижения высшего христианского идеала, который выразился в словах: «*Царство мое не от мира сего*». —

И мирянин, который воображает, что он *всегда прав* и никогда не имеет мужества или простодушия сознаться громко в своих ошибках и проступках, возмущает нас и внушает нам отвращение, помимо всякого религиозного чувства. – Не раз, я думаю, и тебе случалось предпочитать человеку, который во всем себя оправдывает, такого, который говорит грубо и твердо: «Да! Я знаю, что не прав, но я так хочу и сделаю по-моему!» —

Тебе, конечно, нравилась эта прямота и самобытность в зле. – Но суждение это не нравственное, а эстетическое. И *демон привлекателен*; – иначе он не был бы искусителем...

Господень Ангел тих и ясен,
Его живит смиренья луч,
Но пышный демон так прекрасен,
Так лучезарен и могуч.

Помню я, что Белинскому не нравился этот стих: «*Его живит смиренья луч*». – Он, кажется, находил его смысл неясным.

Для меня (*теперь*) он очень ясен. Искреннее смирение, вечная тревога неопытной совести о том, чтобы не впасть во *внутреннюю гордость* чтобы, стремясь к безгрешности, не осмелиться почесть себя святым; – чтобы, с другой стороны, преувеличенными фразами о смирении своем и о своем ничтожестве не возбудить греховного чувства отвращения в другом, который мою неосторожную *выразительность* готов как раз принять за лицемерие... Эта сердечная борьба, особенно в монахе молодом, – исполнена необычайной жизни, драмы

внутренней и поэзии. – Идеал искреннего, честного монаха – это приблизительная бесплотность на земле; гордость, самолюбие, любовь к женщине, к семье, к спокойствию тела и даже к *веселому спокойствию духа постоянному*, – должны быть отвергнуты. *Бесстрастие* – вот идеал. – Истинное, глубокое, выработанное бесстрастие придает после начальной борьбы самому лицу хорошего инока *особого рода* выразительность и силу... «Его живит смиренья луч...»

Да! Путь и просто христианский, а тем более монашеский труден! —

Раскрой книгу Иоанна Лествичника о монашеской жизни. – Что ты увидишь? – Каждая добродетель грозит тебе грехом. – Уединение в особом жилье пустынном, в лесу или в горах грозит тебе то *внутренней гордостью*: «Я свят», то унынием и отчаянием: «О, я погиб, я ни на что не годен; не хочу ни молитвы, ни рукоделья ни размышлений о Божестве!» – Жизнь в многолюдной обители угрожает тебе: – тщеславием. (Посмотрите, братия, и вы, мои добрые миряне-посетители, какой я набожный, смиренный, какой я примерный инок!); – завистью, при виде какого-нибудь малейшего предпочтения или внимания другому; – гневом, при каких-либо столкновениях, неизбежных в тесно живущем обществе. —

У свободного пустынножителя доброта душевная, желание раздавать милостыню нищим монахам или мирянам может тоже переродиться или в сребролюбие для себя, или в тщеславие и гордость вследствие лести и благодарений, которыми бедные начнут меня осыпать. – Под предлогом приобретения для раздачи *другим* я могу начать приобретать побольше и для себя и буду радоваться, как осужденный Христом фарисей, что *десятую* часть раздаю нищим. —

Во всем и везде нравственная опасность. – «Рассудительность, – говорят опытные иноки, – располагает к жестокости; снисходительность – к греховному потворству себе и другим; недостаточные телесные подвиги, слабый пост, малая молитва, неутомительный телесный труд дают в организмах сильных слишком много простора плотским страстям и сладострастной фантазии... И наоборот – чрезмерное утомление тела, не по силам природным, наводит духовную усталость, уныние, отвращение от начатого пути, располагает к фантазиям, характера более мистического, положим, но все-таки лживым и вредным для здорового и постепенного совершенствования в монашеской жизни». —

Такова постоянная внутренняя борьба, преследующая добросовестного инока иногда и до гроба. —

Если ты, читая мои первые письма, подумала, что монастырь есть всегда «тихая пристань» для нашего внутреннего мира, ты ошиблась. —

В монастыре или в пустыне ищут правды, спокойствия, но какого? —

Спокойствия христианской совести, сознавшей свои прежние проступки или испуганной еще при самом вступлении в жизнь водоворотом страстей, обманов, огорчений, водоворотом, который кипит и клоочет вокруг каждого человека со дня его вступления в эту горькую жизнь земную! —

В обители многолюдной, но стройной, дисциплинированной разумно и добросовестно, в скиту лесном с тремя-четырьмя товарищами, в хижине – старец вдвоем с покорным послушником или молодой послушник вдвоем с любимым старцем-повелителем – везде монахи ищут забвения мира и его борьбы, его горя и его наслаждений; – но лишь для того, чтобы, отдохнувши ненадолго, начать новую, иного рода внутреннюю борьбу, – для того, чтобы узнать новые горести крайне жгучие и новые радости, новые наслаждения, которых тебе и не понять, пока сама их не испытаешь! —

Знаешь ли ты, например, что за наслаждение отдать все свои познания, свою образованность, свое самолюбие, свою гордую раздражительность в распоряжение какому-нибудь простому, но опытному и честному старцу? – Знаешь ли сколько *христианской воли* нужно, чтобы убить в себе *другую волю*, светскую волю?

Я улыбаюсь отсюда, воображая твой гнев и твое удивление при чтении этих *моих* строк...

Неправда ли, ты восклицаешь: «Хорошо! Но какая же *польза* во всем этом?» —

На этот вопрос я отвечаю тебе тоже вопросом: «А ты знаешь, что такое *всеобщая польза*?» —

Если ты в силах ответить мне на это серьезно, *глубоко* и *научно*, если ты можешь сказать мне о пользе что-нибудь убедительное, *математически* точное, а не социально-чувствительное; что-нибудь такое ясное, перед чем бы я задумался, то я согласен не хвалить более ни того, что вы зовете *мистицизм*, ни монахов, ни Афонскую гору. —

А так как я знаю, что ни ты, ни вся стая ваших прогрессивных пустозвонов, все сотрудники «Вестника Европы», «Голоса» и «Дела» не в силах объяснить мне научно и точно, что такое *по-ихнему* *всеобщая польза*, то я предлагаю тебе избрать лучше путь смирения, молчать и *слушать меня внимательно*. —

Прежде всего, кончая это письмо, я спрошу тебя, понимаешь ли ты, что значит слово *эвдемонизм*? — Конечно, нет! —

У Греков для выражения идеи *счастья* есть два слова. Одно — *эвтихия*; — это значит *внешнее* счастье, удача, хорошая судьба; а другое — *эвдемония* — *внутреннее* счастье, субъективное довольство, *благоденствие*... Ты согласишься, что это огромная разница? —

Потрудись же запомнить, мой друг, слово *эвдемонизм*; я буду часто употреблять его, ибо так лучше всего назвать ту новую *религию*, которую проповедуют нам либералы и прогрессисты всех стран еще с XVIII века. — По-моему все остальные названия неверны; — они все менее широки и не касаются самой сущности, самого основного догмата этой новой веры *во всеобщее земное благоденствие*, которое отныне должно составлять *конечную цель* человечества. —

Реализм обозначает в науке лишь *методу*; — в искусстве — *любовь к осязательным мелочам* будней наших; отсутствие лиризма в приемах и духе. — Реализм сам по себе не отвергает и не принимает никакой религии, никакой социальной тенденции, никакой философии. Он *игнорирует* их; — с чистым реализмом ум наш *свободен за пределами явления*. —

Если мы скажем *прогрессизм*... Это будет неверно. — Прогресс — значит *движение вперед*. — Но я имею право спросить, что такое движение вперед? — Вперед можно идти к старости, к смерти, к разорению; — вперед можно идти не к лучшему, а к худшему. — Человек может верить в нынешний прогресс, не сочувствуя ему; — Француз умный может верить, например, *прогрессу своей Франции*... но куда?... К разложению... Так верил бедный Прево-Парадоль, который застрелился. — Он, конечно, не сочувствовал этому прогрессу Франции. —

Демократизм — слово одностороннее и выражает только юридическую или политическую сторону вопроса. — *Равенство прав* считается лишь одним из главных условий для торжества новой эвдемонической религии. —

То же самое и *либеральность*. — *Коммунизм* — экономическое понятие. — Коммунистами можно назвать и монахов общежительных монастырей; но они коммунисты для отречения, для *аскетизма*, а не для земной чувственной *эвдемонии*, которой аскетизм христианский есть *сильнейшая антитеза*. — *Матерьялизм* есть термин столь же односторонний, сколько и *демократизм*, например; — последний имеет смысл только юридический, а первый — только философский. — Можно быть материалистом и *не верить* в земное благоденствие и даже не любить его. Любопытно, что из *поэтов* многие были *материалистами*; — но *всеобщее-сухой эвдемонии* все они, видимо, терпеть не могли. — *Нигилизм* еще хуже; — во 1-х, Кельсиев еще прежде меня хорошо возражал, что это слово значит *отрицание всего*, а люди, которых прозвали *нигилистами*, имели хотя бы и ложный, или вредный идеал, но очень ясный, *положительный*: республика, атеизм, экономическое равенство... А, во 2-х, слово *нигилизм* соеди-

нилось в наших русских привычках и представлениях, с легкой руки Тургенева, с чем-то отчаянным, свирепым, всеразрушающим, Сибирским, революционным...

Но *нигилистов таких бурных мало* везде, а *эвдемонистов* – множество, и очень честных, скромных, везде таящихся, пишущих, служащих, торгующих, даже... даже... у нас, в России, я боюсь, в среде молодых людей, одетых в рясу иереев...

Эвдемонизм – это вера в то, что человечество должно достичь тихого, всеобщего блаженства на этой земле. —

Разве только революционеры и государственные преступники верят этому идеалу? Не служат ли ему тысячи людей везде полусознательно... подкапывая наивно то один, то другой оплот, то из честолюбия личного и моды, то из вялого и незоркого добросердечия. —

Прогрессист, пожалуй, в известном смысле может вовсе не быть *эвдемонистом*. —

Например, *Православный* человек может думать так: «За днем следует ночь, за ночью – опять утро. Теперь вечер... И так, если *поток* уже неотвратим, то пошли Бог, *чтобы скорее* уже настала ночь, чтобы я видел *зорю* возрождения той Веры, которую я считаю истинной. Ибо, даже говоря исторически, лучше ее не было и не будет на земле... Вперед! Вперед! Слава Богу...

Умеренные эвдемонисты ужаснулись горящего Парижа. *Либерал-эвдемонист Жюль Фавр* послал циркуляр, повсюду привлекая внимание *монархических* Правительств на замыслы международной ассоциации, желающей тоже *общего блага*, но не по-Фавровски.

Ренан простирает с отчаянием руки к *католическому* прошедшему Франции... Тем лучше. Вперед, вперед!

Запомни же, прошу тебя, это имя новой веры, обещающей всебуржуазный, всетихий и всемелкий Эдем на нашей, до сих пор еще, слава Богу, как будто бы капризной и причудливой земле. – Цель – *всеобщая польза*, понятая как *всеобщее, внутреннее, субъективное довольство*; средства – у дерзких – кровь, огонь и меч – словом, новые страдания; – у осторожных, лицемерных, или робких – проповедь однообразного реализма, всеобщего ограниченного знания, всеобщей бездарности и прозы! —

Если бы я хотел все это забыть здесь на Афоне, то не мог бы. —

Субъективный эвдемонизм есть в высшей степени *антитеза* христианского аскетизма, как я уже сказал. —

И тот, и другой имеют в виду прежде всего *личность, душу* человеческую (*индивидуума*); – но один говорит: *все на земле и все для земли*; – а другой – *ничего на земле; ничего для земли*. – «*Царство мое не от мира сего!*» —

И в то же время (какая странная игра идей! Какое переkreщивание исторических законов!) – в то же время аскетизм христианский подразумевает борьбу, страдания, неравенство, то есть остается верен *феноменальной* философии строго реализма, а эвдемоническая вера мечтает уничтожить боль, этот существенный атрибут всякой исторической и даже животной *феноменальности*... Христианство сообразнее на практике и с земной жизнью, чем эти – холодные надежды бесполезного прогресса!

Письмо 3-е Июль. 16; 1872

Я очень люблю отыскивать у наших светских поэтов православные христианские молитвы. – Ты уже заметила, я думаю, из моих прежних писем. —

У Кольцова, у Пушкина их много, но у Лермонтова – больше всех. – «По небу полуночи Ангел летел» – прекрасно, но христиански не совсем правильно. – В нем есть нечто еретическое; это идея *о душе, приносимой извне на эту землю* «печали и слез». – Это теория Платона, а не христианское понятие о появлении души земного человека *впервые* именно на этой земле. —

Зато «Молитва», «Ребенку», «Ветка Палестины», некоторые места из «Купца Калашникова», из самого «Демона» могут выдерживать самую строгую Православную критику и благоухающей поэзией своей могут сделать иному сердцу больше пользы (видишь, как это понимание *пользы* шатко; – статистик твой скверный сказал бы – *вреда*), больше пользы, я говорю, чем многие скучные проповеди.

Есть у Лермонтова одно стихотворение, которое ты сама, я знаю, любишь... В нем надо изменить, одну лишь строку... (и, мне кажется, он сам изменил бы ее со временем, если бы был жив) и тогда оно прекрасно выразит состояние моей души теперь. – Без этого изменения, созна юсь тебе, оно теперь было бы мне противно, обо напомнило бы мне все то, о чем я так рад забыть:

Выхожу один я на дорогу —
Сквозь туман кремнистый путь блестит
Ночь тиха; – пустыня внемлет Богу.
И звезда с звездою говорит...

Да! Для меня теперь жизнь на Афоне почти такова. —

В последнем письме моем я говорил о том, что и в обителях, и в пустыне человек не может достигнуть полного спокойствия. – Борьба и горе, ошибки и раскаяние не чужды ему везде. – Я говорил о той внутренней, духовной борьбе, которая есть удел каждого честного, убежденного инока. —

Но ты не думай опять-таки, что монастырь есть какой-то ад. – Это опять будет крайность. – Не Эдем нерушимого земного спокойствия, и не ад. – Монастырь есть жилище человеческое, с особыми горестями и особыми наслаждениями. – Человек, чтобы иметь эти особые радости, решается на особые, сопряженные с ними горести, стеснения, падения и подвиги. – Вот и все. —

Мне, как *непостриженному*, как гостю, достался пока еще один только *благой удел*... Созерцание, беззаботность обо всем внешнем, о материальных нуждах, например, по временам почти полное приблизительное спокойствие...

Уж не жду от жизни ничего я.
И не жаль мне прошлого ничуть,
Я ищу свободы и покоя,
Я б хотел забыться и заснуть.
Но не тем холодным сном могилы
Я б желал навеки тут заснуть.
Чтоб в груди дрожали жизни силы.
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь,

Чтоб всю ночь, весь день, мой слух лелея,
«Мне про Бога» сладкий голос пел;
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел. —

Не думай, однако, что и вид других, вид настоящих монахов внушает скуку, тоску или какое-нибудь постоянное сожаление. —

Есть минуты, в которые действительно на них тяжело смотреть. — Например — великим постом; и особенно в Страстную неделю. — Тогда в самом деле непривычному человеку страшно немного смотреть на эту нескончаемую службу в храмах, на эти бессонные ночи и на полное воздержание от пищи и питья в иные дни. Только певчим, для поддержания их сил, дают в такие дни по куску хлеба. —

Но когда вспомнишь, что этих людей никто здесь насильно не может удержать, что у многих есть даже и хорошие средства к жизни, которые они могли бы себе возвратить из кассы без всяких *юридических* препятствий (о нравственных я не говорю)... тогда и эти дни слишком тяжелого, хоть самовольного подвига, производят совсем иное впечатление. — Люди хотят этого сами; — они рады этим тягостям, они не хотят отказываться от них...

Воля твоя! Но презренны и смешны становятся рядом с такой идеальной жизнью, с такими идеальными радостями ваши «каскадные» увеселения, ваша нынешняя, средней руки, мелкая, дряблая роскошь из картона, бронзы и папье-маше.

Зато, как все веселы на Пасхе! — Впрочем, о Пасхе я уже прежде писал тебе.

В обыкновенное время многолюдная, хорошо управляемая киновия производит на посетителя успокаивающее и скорее даже веселое впечатление. — В киновии унынию мало места. — Взаимные примеры, обоюдное возбуждение; — довольные, спокойные лица; — каждый знает свое дело, у всякого свое разумно выбранное назначение. — Самый вещественный из трудов облагорожен своим духовным смыслом. — Дрова ли рубишь или землю роешь в саду и винограднике, комнату ли ты метешь, хлебы ставишь в печь, управляешь ли ты небольшим имением монастырским, даже за чертой Афона, и там входишь в сделки с мирянами, продаешь и покупаешь, нанимаешь работников и рассчитываешь их; быть может, иногда даже споришь и ссоришься с ними; — при всех этих трудах, вовсе не духовного свойства, тебе ежеминутно присуща мысль, что ты трудишься не для себя и не для труда самого (как советуют многие нынешние материалисты; — что за скука!), но для обители, которая тебя приняла в свою среду. — И если ты при этом хоть сколько-нибудь самосознателен, опытен, начитан в Писании, то тебе на ум легко при всякой работе может придти такой ряд мыслей: «Мой простой, рабочий, или торговый труд нужен обители, обитель нужна Церкви, ибо монастыри суть лучшие склады преданий и обычаев Церковных — они — средоточия, из которых обыкновенно исходят, по совершении общежительного испытания, и самые высшие аскеты в лесные хижины и пещеры; — монастыри суть неподвижные звезды Церкви, от которых далеко льется свет на весь Православный мир». — Свет этот может быть бледнее, тусклее по временам; монашество может слабеть и падать нравственно; оно может даже вырождаться и становиться грубым о порочным; но в этом виновато мирское же общество, не отдающее в обители лучших своих представителей; виновато большинство, не выносящее даже и подобие аскетической жизни, а не сам аскетический этот идеал и те немногие, которые остались ему верными слугами!.. И вот, когда случится мирянину, погруженному в «житейские попечения» до невозможности какого бы то ни было богомыслия, увидеть перед собой *в наше время* высокого подвижника в пещере или лесной хижине, подвижника, которого вся жизнь, — все попечения — только одно это богомыслие, — как бывает поражен и тронут этот далеко удалившийся от духовного настроения человек!.. Мне скажут на это: «Да, пустынный, быть может, и полезен в этом смысле; — но *обыкновенный* монах? Монах

рабочий, хозяйственный, практический монах, хлопотун по соборам и доходам обители? В нем-то какая святость?!» Пустынник этот (повторяю я) вышел на свободное пустынножительство, послуживши смолоду покорно или другому пустыннику-старцу, или многолюдной общине. – Аскет нужен, как путеводная звезда, как *крайнее* выражение Православного отречения и нам монахам-непустынникам, и многим мирянам, которых воображение требует сильных впечатлений. – Аскет нужен мирянам и Церкви; монастырь нужен аскету; – он изредка придет в обитель; – он причастится в ней, он побеседует с духовниками; – он и сам подаст им советы, если они его спросят. – Монастырь нужен и мирянину, как посредствующее звено между городской роскошью и сырой пещерой пустынника. – Богатый горожанин хочет видеть пустынника. – Он приехал издалека. – Где он успокоится и отдохнет? – Где ему будет ночлег, гостеприимство? – Где та беседа, которая ему нужна? Конечно, не в самой пещере или хижине аскета. – Строгие, истинные аскеты (какие и теперь существуют, слава Богу) не любят посещений. – Они, как огня, боятся репутации святости. – Придите, – они не прогонят вас, они будут и говорить с вами, но, конечно, не будут зазывать к себе. – Зачем им посетители? – Одно смущение! Денег они не берут; питаются иные от какого-нибудь рукоделья, посылая, например, послушника своего продать на базаре деревянные ложки своей скромной работы; – другие и того не имеют, а ожидают, чтобы им из монастыря соседнего дали сухарей. – Живут они на Афоне в таких местах, которые доступны не всякому человеку и не всякому здоровью. – Вот, например, как описывает один лично знакомый мне автор, человек очень правдивый и умный, образ жизни и жилище строгого Афонского отшельника.

«Испытавши все степени трудов и лишений пустынной, в диких местах, жизни, о. Пахомий, наконец, вселился в упоминаемой выше пещере, в которой никто из обыкновенных людей жить не может; – так, что самые строгие отшельники дивятся его необычайной решимости и самоотвержению. – Но нужно было о. Пахомию получить еще от духовника благословение на водворение в новой пещере. – Желая, чтобы духовник выслушал его без предупреждений и отечески, о. Пахомий стал говорить, что, проживая временами в такой-то пещере, не ощущает никакого вреда и проч. – и убедил, наконец, духовника пойти с ним и посмотреть его пещеру. – На месте, выслушав опять исповедные слова старца, – что он ощущает великую пользу от совершенного удаления от всяких попечений и что избранная им пещера вполне соответствует его духовному настроению, духовник соизволил его желанию и благословил водвориться ему в этой пещере, но только в виде опыта, а если не сможет жить, то переселиться вниз, – ближе к морю. – Много прошло времени, пока духовник окончательно благословил о. Пахомию водвориться в пещере. —

В этой пещере и тепло бывает только зимою, когда заметет ее всю совершенно снегом. Недавно кто-то снабдил о. Пахомию рубашкою, или двумя, обувью, постилкою, подрясником и рясою; все это вместе со священными книгами, какие он имеет, бывает сухо только, когда вывешивается на солнце, ибо в пещере сырость, и сырость всегдашняя. – Некоторые из ревнующих подражать жизни его решались проводить у него малое время; – но, как видно, не стяжали еще веры неколеблющейся, и все, при виде холодного и сырого камня пещерного, усумневались и пострадали различно: у одного иеромонаха в одну ночь все тело покрылось волдырями, как бы кто усыпал его горохом; – другой простудил половину тела с той стороны, какую лежал к стене пещеры, успокоившись после мирного ночного подвига; – а некоторые пострадали расстройством желудка и теперь боятся Пахомиевой пещеры как огня. —

Проводя подвижническую жизнь в таких местах, где неоткуда было достать хлеба, о. Пахомий приучил себя к такой пище, которую редко кто может кушать! – И до днесь он употребляет почти одно и то же: потолчет, например, камнем гнилых каштанов, прибавит, если есть, сухарей, тоже зацветших, положит все это в воду и, заболтав мукою, иногда варит,

а то и так, – и кушает себе на здоровье, прибавляя иногда дикие сухие плоды, которых никто не станет кушать и свежими, – и удивительно, остается здоровым!!

Удивительная в нем черта всецелой преданности Промыслу Божию! – Как бы в чем он ни нуждался, никому не скажет о своей нужде, оставаясь и теперь нередко без сухарей; – а если сам кто вызовется что дать ему, усмотрев его крайнюю нужду, то старец примет, как посылаемое ему от руки Божией. – Разительнее всего преданность воле Божией, как плод живой, действенной веры, обнаруживалась в о. Пахомии во время болезней; – тут ни лекарств, ни удобств больному никаких нет, да что говорить об удобствах, когда и воды подать некому и неминуемо приходится умереть от одного только голоду и жажды! – О. Пахомию только и зрится один Бог, Который послал ему болезнь, Который силен исцелить его, или призвать его к вечной жизни; он в руках Божиих как бы весь, выражаясь в словах, часто им произносимых: «Да будет воля Твоя! – Слава Тебе, Господи!» – Что бы с ним ни случилось, он все примет одинаково – с благодарностью и преданностью Господу. —

Родом о. Пахомий – Сербин; – говорит по-славянски, примешивая немного болгарских слов; – беседу его понимать русскому можно. – Но как сладка его беседа, выражаемая самым простым сердечным словом, – это можно только испытать, а передать почти невозможно. – Судя по настоящей обстановке о. Пахомия и неразвитости его в прежнее время, нужно бы заключить, что ему естественно дойти до состояния звероподобного и потерять самую способность мыслить по-человечески, но опыт показывает другое. – Господь может, видно, и без книги отверзать ум к уразумению таких тайн, кои навсегда останутся недоступными для мудрецов века сего. – Да и как же иначе? – Они, эти дикари, полужвери пустынные, верят от всего сердца всему сказанному Господом в Евангелии; – сомневаться по-ученому они не умеют и приступают в полном смысле слова – в простоте сердца ко Господу, сказавшему: «Научиться от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим!» —

Святая улыбка всегда сияет на лице о. Пахомия, как будто всем он обилует, все ему служат, над всеми он царь! – Да и в самом деле, о чем ему скорбеть и сокрушаться? – Нет у него сухарей, одежды, или обуви?.. – Что ж? – У него есть Бог, Который все это видит и, как Ему угодно, так о нем и промышляет. – В сем старец уверен так же, как и в том, что имя ему Пахомий. – Сыро и холодно в его пещере, и нечем защитить ее, по крайней мере от снега, так что все у него мокро и плесневеет?.. Зато у него есть терпение, в которое он облекся как в броню! – Постигают его существенные бедствия, скорби монашеские и искушения от злокозненного врага? – Зато у старца столько преданности воле Божией, что хоть пусть столкнутся небо и земля и все превратится, его ничто не потрясет и не поколеблет! В самом деле, что может поколебать эту адамантову душу, если он в Боге и Бог в нем?!

В Апреле 1869 года мы нарочно ходили к о. Пахомию. – О, как мы утомились, пока достигли его обиталища! – Это неизобразимо! – И ноги подламывались, вовсе отказываясь двигаться, и утомление было такое, что хоть ложись среди дороги! – К нашему горю, или испытанию, пришедши, мы не застали о. Пахомия в нижней его пещере, – он должен был находиться или в отлучке, или в верхней пещере. – При взгляде на подъем туда я и другие спутники окончательно отказались взбираться туда; – вызвался же сходить один пустынножитель-пещерник, бывший на этот раз нашим проводником. Как он взбирался туда, это нужно было видеть!.. Тут мы еще больше убедились в невозможности взойти туда нам, хотя бы мы вовсе были не утомлены; – ибо, кроме невероятной трудности подъема, угрожала еще опасность опрокинуться, скатиться вниз и жестоко разбиться. – Долго мы ждали, разместясь в нижней трехэтажной пещере о. Пахомия, где горела лампадка перед иконою Божией Матери, разливая свой тихий свет на мрачные стены сырой пещеры и проливая в душу иной, тихий и сладостный свет от Самой Благодатной Игумении Афона. – Желая рассмотреть, далеко ли протягивается пещера о. Пахомия, мы стали взбираться по камням

вверх, но свечи наши скоро потухли от густоты спертого сырого воздуха, и мы не могли потому дойти до конца пещеры. – После долгого ожидания я стал опасаться за целостность посла и отправился посмотреть, не увижу ли кого. – И что же? – В это время ожидаемые нами вдвоем спускались по скале: – старец был впереди и полз уже от места, где кончилась веревка, а проводник-пещерник спускался, держась еще за нее и подвигаясь к концу ее. – Ужас и оцепенение овладели мною. – Я смотрел на них несколько минут, и, пока они не стали уже твердою ногою на землю, у меня заболело сердце! – Что, если ради нас спускаюсь, старец или посланный за ним поскользнется и разможат себе головы?.. Я был между каким-то неизъяснимым страхом и радостным ожиданием, и упал бы в ноги старцу, прося простить, что мы его обеспокоили и подвергли опасности спускаясь для нас, если бы не знал, что выражением уважения и особенного внимания к его жизни можно оттолкнуть его от искренности и простоты обращения. – Почему, сдерживая слезы радости, начал я упрекать его, предваряя свидание свое с ним и говоря: «Зачем ты, отче, забрался в такую даль? – Мы так утомились, идя сюда, что сил не стало и едва добрались до тебя!» – Это я говорил, пока он приближался по тропе ко мне. – За плечами у него была торба; – одежда на нем была хоть худенькая, но полномонашеская; под ряскою виднелась ветхая схима, на камиллавке толстого сукна накинута худая наметка (креп). – Постническое лицо выражало строгость его жизни и невольно производило какое-то благоговейное впечатление. Приняв вину на себя, старец с удивительным сердолобием стал кланяться и просить прощение за утруждение нас. Говорил же это с такою убедительностью, что я уже и пожалел о высказанных вольно словах, видя как старец искренно испрашивал прощение, будто действительно был виновен».⁸

Вот каковы Афонские пустынники и вот как они живут! —

Разве может при таких условиях всякий мирянин, поклонник проникать к таким людям?

Поклоннику нужно гостеприимство обители, нужна литургия, иконы, мощи Святые, ему нужна еще прежде созерцания и оценки подвигов аскетических поэзия богослужения нашего и хоть немного – философия Православия, книга хорошая, разговор неспешный и досужный с знающими людьми... Вот это все он найдет в обители. —

Итак, если я служу лишь одним телесным или практическим трудом на вещественные нужды киновии, я косвенно служу всей Церкви, которая есть не что иное, как земное, реализованное в общественной жизни Слово Самого Христа. – Копаю виноградник, я служу Христу; – управляя имением, которое дает пшеницу и хлеб насущный братии монастырской, я служу Христу; – еду я через моря на острова Греческие покупать масло или машину для выделки того же масла дома из наших Афонских оливок, – переносу я бури и непогоды, торгуюсь с купцами, знакомлюсь поневоле и дружусь с мирскими людьми, волей-неволей иногда живу их жизнью, ем иногда и сплю не по-Афонски, говорю иное, чем на Афоне, вижу вещи, которые меня борят и оскорбляют... Во мне теперь как будто и следа аскетизма не осталось... Я в ужасе, я каюсь, я утомлен; – но воспоминание о том, что меня послал начальник, избранный братиею, ободряет и утешает меня. – Воспоминая о словах игумена и о нуждах братии, я и в шумном городе, где рядом с моей комнатой играет музыка и слышны песни и пьяные крики из дома терпимости, – могу, помолясь, успокоиться мыслью, что служу обители, одной из неподвижных звезд, рассеянных по миру православному и озаряющих его. – Монах нейдет на проповедь, правда; – но монастырь принимает набожных гостей, и несколько недель или месяцев жизни при хорошем благочинном монастыре поучает лучше всякой навязчивой проповеди на миру. – Прекрасно ходит со светильником между людьми; – но хорошо организованная обитель есть уже своего рода пропаганда не словом, а делом самим. – Монашество есть, положим, крайнее выражение христианства. –

⁸ См.: Письма с Афона о современных подвижниках Афонских. Соч. Пантелеймона, монаха. Киев, 1871.

Но сила крайности подразумевает неизбежно, *органически*, так сказать, и прочность чего-то среднего, однородного с ним; но не крайнего, *за сим* стоящего в порядке развития. —

С первого взгляда кажется, например, что монашество, открещивающееся от семьи, есть логическая антитеза семьи. — Однако на деле оказывается иное. Брак есть своего рода аскетизм, своего рода отречение. — Строгий, религиозный, нравственный брак есть лишь смягченное монашество; — иночество вдвоем или с детьми-учениками. Если отвергнуть *Таинство* в браке, если лишить его церковного смысла, то что можно противопоставить изящному Жорж-Сандизму, или вольным и веселым сходкам в хрустальных дворцах — Чернышевского, или дружеской аристократической сделке людей хорошего общества, подобной тому соглашению, которое, говорят, согласились помогать друг другу в карьере и не мешать друг другу в сердечных делах. —

С точки зрения счастья, *эвдемонизма*, — чем они были неправы? — Кому они мешали? — Они были довольны друг другом *приблизительно*, как только можно быть довольным на земле? —

Какую логику, какую идею мы противопоставим идее *эвдемонического согласия* двух лиц? — Долг? — Какой? — Против кого? — Противу светского *общества*? — Что ему за дело, если мы никого не оскорбляем? «Vivons et laissons vivre»⁹. Мы добродушны, с нами весело, мы изящны даже; — у нас в доме хорошо, еще приятнее от той *свободы*, которая в нем царствует... Не беспокойтесь, образованное общество ловких людей в этом роде не могло и не умело никогда казнить. —

Лучшие поэты их воспевали, мыслители считали за честь быть в их доме; — им никто не отказывал во внешнем почете, если они умели быть полезным государству или приятными народу...

Какой еще *долг*? — Долг относительно друг друга? — По понятием *эвдемонической*, прогрессивной религии долг состоит лишь в том, чтобы сделать избранную подругу *счастливой*; надо стараться, чтобы она как можно веселее и приятнее провела молодость свою. —

Что еще мы можем противопоставить идеалу такого веселого сожительства или требованиям фантазии, уже слишком широко необузданно развитой? —

Чувство *чести*? — Это чувство условно, и сколько мы видим людей высокообразных, но христиански неразвитых, которые за косою взгляд или грубое слово вызовут на поединок друга и в наше не рыцарское время, а скажи иному из этих светских людей в минуту полной искренности *о чести* его жены, и он, может быть, ответит тебе: «ах, батюшка, ну что за честь? Жена моя, к несчастью, не хороша и не ловка, на нее никто и не смотрит... Какая там честь! Что за предресудок!.. Est ce qu'un homme distingué peût avoir le mauvais goût d'être bourgeoisement jaloux de sa femme légitime?»¹⁰ — Это хорошо моему управляющему Карлу Федоровичу. — Он ничего лучше своей Шарлотты Егоровны и не видал. — Так, разумеется, ему и она в диво». —

Еще что? — Полицейские меры? — Государственные? — Гражданский брак? — Да, если мы хотим строить общество в *принципе* на лицемерии, на обмане, на внешнем формальном соглашении. — Но не будут ли правы коммунисты, когда скажут на это: «Хорошо и это пока; это еще шаг по нашей дороге; — Святыня убита в принципе. — Квартальный или мэр какой-то записывает в книгу, с какой именно женщиной вы желаете приживать таких детей, которых общество назовет *законными*». — Но так как везде уже права сословий более или менее сравнены и долго стоять на месте нельзя, то скоро не будет никакой особенной разницы

⁹ Разве благовоспитанный человек может обладать таким дурным вкусом и ревновать свою законную жену, как простой буржуа? (франц.).

¹⁰ Французский писатель Октав Фёйе (1821–1890), имеется в виду его роман «История Сивиллы».

между законным и незаконным ребенком. – Гражданский брак должен будет пасть, как бессмысленное, само себя пережившее учреждение...»

Octave Feuillet прав в своем романе «Sibylle»¹¹, утверждая, что только в религии, в идеале Церковном брак тверд и осмыслен... Частные, случайные ошибки и отклонения, увлечение страстью мгновенное – не разрушат ничего, если основа цела. – Церковь прощает; – и супруги могут простить друг другу... Но как? – «*Иди теперь и не греши!*» «Боже! Прости ему или ей! Прости так, как я простил!» —

Это другое дело. —

Об этом я мог бы еще много, много говорить. – Я воздерживаюсь, чтобы не забыть надолго Афон и монахов. —

Теперь, кончая это письмо, я скажу тебе только еще раз вот что. Для семьи нужна Церковь, для Церкви *Православной* необходимы примеры крайнего аскетизма; – для аскетизма нужны монастыри, – для монастырей необходимы не только духовники, богословы, иеромонахи, служащие в церкви, певчие, поющие псалмы, – для них необходимы и экононы, практические иноки, которые заботятся о хозяйстве монастырском, о приобретении средств на убрание храмов, на воздвижение жилищ, на утварь, на пропитание самое скромное и нередко даже – на угощение посетителей, из которых многие молиться желают и видеть постящихся очень рады, но сами поститься слишком серьезно не хотят. —

Итак, скажи доброму семьянину, которому судьба послала дом и хороших детей, чтоб он не оскорблялся, когда такой *практический* инок стучится в его дверь за подаванием. – Пусть он не возмущается тем, что этот инок ему не кажется строгим *аскетом*. – Строжайший аскет остается дома; он и не сумеет пойти на сбор; – монастырь вынужден на это благословлять людей иного рода. – И почему еще знает наш добрый семьянин, *каков* этот самый инок дома, в обители? – Какую жизнь он ведет там, возвращаясь в свою настоящую привычную среду?.. Быть может, – он и аскет высокой степени?.. Но он умен, и *здесь* он не хочет быть педантом, боится прослыть лицемером и испортить тем отчасти дела своей обители?..

Великое дело монастыри в Православной Церкви! Пусть в них есть свои недостатки, свои страсти и пороки...

Если войско страдает недостатками правителя и нации, – ищут исправить их, а не *распускают* армий. —

Без монастырей, без этих *скопищ*, так сказать, *крайнего отречения* пали бы последние основы для поддержки того *среднего отречения*, которое необходимо для хорошей семьи.

Сизигос (супруг) по-гречески значит *сожремник*, *сожремница*, если переводить яснее и ближе к современному языку. – Вот как понимала брак всегда Православная Церковь. —

И не вернее ли это аскетическое понимание, не ближе ли оно к действительности, чем всякая *эвдемоническая* идеализация брака? – Неужели все еще мечтать об игривом и тихом, о нерушимом счастье и согласии, после которых настают почти всегда разочарования и раздор или полная, ровная проза, если нет в углу *лампады пред образом*?.. Понимаешь? —

Для некоторых в других отношениях весьма благородных натур, брак сам по себе был и будет всегда прозаичен и скучен, если рассматривать его только с точки зрения наслаждения или полурамонтического сладострастия. —

Ведь это истина жизни. – Как ее отрицать? – И кого мы обманем, отрицая это? – Напротив того – поэзия брака и семьи необычайно возвышенна, когда каждый шаг семейной жизни, каждый обычай, каждая черта при воспитании детей озарены идеей Православия и украшены всеми милыми преданиями народной Святыни...

¹¹ Женщина должна быть религиозной (франц.).

Самая непривлекательная чета, если в ней сильно чувство религиозное, в иные минуты внушает такую глубокую симпатию всякому благородному сердцу, какую не может внушить никогда «рациональный» супруг, Бог знает почему верный своей «рациональной» супруге!..

Что ж сказать? – Видно вкус такой. – А мне бы давно надоело ее честное «рациональное» лицо; – у всякого свой вкус... и больше ничего!..

Письмо 4-е Июля. – 23

Я замечал в тебе не раз еще давно, когда ты только что начала выходить из детства, что монахини, особенно молодые, тебе нравятся, а монахи нет. – Я помню не раз, как ты сама, ничему не молясь, хвалила мне пение и службу в одном девичьем монастыре, как ты любила в него ездить, хвалила некоторых из этих «милых и бедных девушек» (так ты выражалась тогда). Я помню также, что ты очень обрадовалась тому романтическому окончанию жизни, на которое хотела было обречь себя одна особа царской крови; – мне кажется, что этот разговор был о супруге Неаполитанского короля Франциска. Когда ты прочла случайно в газете о том, что она намерена заключиться в женский католический монастырь (помнишь, мы сидели все в большой зале тогда?), ты сказала: «Как я рада, что эта королева решила быть монахиней! – Уж давно что-то никто в монастырь не шел!» —

О том, что Лиза Калитина была всегда любимой героиней твоей, я уже упоминал, кажется, прежде...

Отчего же ты не любишь монахов?.. Отчего ты мне однажды писала так: «Если бы я могла верить, что есть на свете *хоть один добросовестный*, верующий, хороший Православный монах, я поняла бы твое желание жить при монастыре... Но разве эти люди могут понять порядочного, развитого человека? Что они сделают из него... если он отдаст им себя в руки?» —

Положим, это ты писала мне семь лет тому назад, когда раз в минуту тоски я признался тебе одной, что мне следовало бы, кажется, кончить жизнь при монастыре Православном, если не монахом, то одним из тех вечных поклонников, которые доживают свой век при обителях. —

Отчего эта разница? —

Или ты находила (и, может быть, находишь), что религиозность женщинам *идет*, а мужчинам не пристала? —

Одна молодая католичка, красавица, воспитанная в Сирии почти в диких горах, ибо отец ее имел за городом заведение для шелка, рассказывала мне очень простодушно, что «папа всегда смотрел строго, чтобы все дочери его были религиозны... Он говорил нам часто «*Une femme doit avoir de la religion*¹², – мужчина – дело другое!» – он сам никогда не исповедовался и в Церковь почти не ходил». —

Молодая женщина эта и не думала шутить над отцом или осуждать его. В семьях тех *epiciers*¹³, которые воцарились во Франции на развалинах изящного и верующего феодализма, такой порядок очень обыкновенен. – Мужчина сам не верит ни во что, кроме «славы Франции, передовой нации вселенной», кроме своих прав на все выгоды и удобства и разумности демократии, но жену и дочерей он посылает в храм и на исповедь. – «Больше слушаться будут!» —

Ты так думать не можешь, как может, в пустоте своей и слабоумии, думать отец семейства из выдохшейся, современной нам Французской буржуазии. —

Такого порядка у нас в России нет; – у нас религиозность и безверие распределены как пришлось между женщинами и мужчинами. —

Эгоистических, тайных соображений у тебя при этом быть не может. —

Итак, остается одно: чувство твое, чувство просто эстетическое...

¹² Мещан, обывателей (франц.).

¹³ Целиком, полностью (лат.).

Быть может, и то, что тебе случалось знать несколько хороших монахинь; – а монахов (*я это знаю*) ты ни хороших, ни дурных до последнего времени не встречала, разве на улице и изредка, изредка в какой-нибудь Петербургской Церкви, в которую ты случайно заходила иногда от скуки или из-за какого-нибудь любопытства. —

Потом надо вспомнить, кем и чем ты была окружена с детства; ты была окружена газетами, в которых близкие тебе люди принимали участие; – газетами, в которых смеялись над И. Аксаковым за то, что он позволил себе назвать *«ароматом добра»* то чувство, которое объединяют на мгновение душу дающего милостыню и душу принимающего; – людьми, подобными тому седому родственнику твоему, который, узнавши, что я уехал жить на Афон, написал из приязни ко мне длинное письмо (помнишь, как я смеялся над этим письмом?) о том, что *в наше время* монахом может стать только идиот или мошенник, – что умнее расходовать лишние деньги на шлейфы и шляпки молодых любовниц, чем на рясы и клобуки *каких-то дураков*, – что *в наше время* нельзя ожидать, чтобы человек, который смолоду занимался естественными, реальными науками (это все я), чтобы этот человек в *здоровом* состоянии ума мог верить в пострижение, Православие и т. п. «При сильном воображении своем он увлекся эстетикой монашества, быть может, и раскается скоро!» прибавил твой седой мудрец. —

О, мудрец! О мой бедный продукт журнального Петербургского мира!..

В наше время!.. Что такое *наше время?* – *Его* время – вовсе *не мое* время, быть может... Он живет вчерашней *остылой новизной*, которая по закону инерции еще действует нынче и будет действовать и завтра, все расширяясь и расширяясь, но и *слабея* вместе с тем... А я?.. Если он, твой седой циник и любезный к дамским шлейфам утилитарист, признает во мне сильное воображение эстетическую развитость и даже некоторую долю этих знаменитых *реальных* знаний, с которыми нынче все нянчатся, как дурни с писаною торбой... если он все это придает и приписывает мне, то тем хуже для его взглядов... Разум мой, как видишь, что-то не слишком поврежден как будто бы... *Мое* время – не *его* эпоха...

У меня есть *мое* время во-первых и в настоящем, ибо «не о Петербурге едином жив будет русский человек», но «о всяком глаголе, исходящем из истинно русского сердца»...

Я даже не хочу утверждать здесь настойчиво (именно *здесь, в этом* письме), что идеал *эвдемонического прогресса* глуп и даже *ненаучен* (хотя это, по-моему, доказать нетрудно). – Сегодня я скажу только, что всякая философия, имеющая практические выводы для жизни, всякая цивилизация – *эвдемоническая*, или аскетическая; – религия *умеренного* всеобщего, плоского эпикурейства и религия христианских свободных ограничений одинаково имеют в числе слуг своих и мудрецов, и простых людей. – Так было до сих пор. Сравни, например, Иоанна Дамаскина и Павла Простого. – Оба причтены к лику Святых. – Иоанн Дамаскин – аристократ, вельможа, сын правителя города Дамаска, любимец своего Мусульманского Государя, философ, занимавшийся метафизикой христианства, публицист Православный, который боролся письмами противу Византийских Императоров, желавших уничтожить поклонение иконам... поэт вместе с тем, сложивший множество молитв...

Павел Простой, напротив того, был крестьянин. – Он давно хотел быть монахом, но он был женат; – жена изменила ему; – он обрадовался и убежал к Антонию Великому в пустыню. – Антоний не знал, как бы испытать его и каким делом сначала его занять. Он велел ему плести веревки. – Павел старательно свил их. – Антоний велел их расплести; Павел с радостью расплел их. – Антоний велел ему шить одежду; – велел распороть и снова сшить. – Павел все это исполнял охотно, не спрашивая даже, к чему эта бесполезная работа. – Антоний не давал ему есть; он не просил. – Тогда Антоний оценил и полюбил его. —

Павел был крестьянин и совершенный невежда. – Но разве Св. Иоанн и Св. Павел этот не были люди одной и той же идеи, одной и той же цивилизации? – Иоанн понимал все

in extensor¹⁴, в развитии; Павел знал только, что Христос – Сын Божий, что Его распяли за нас и нам хорошо и полезно за него распинать себя... Вот и все. – А до подробностей он и доходить не хотел и соглашался свивать и развивать веревки всю жизнь свою по указанию более знающих людей!..

Таких Павлов в России – еще довольно, и слегка грамотных, и вовсе безграмотных. – И я не нахожу, чтобы они были невежественнее Французского или Итальянского работника, бунтовщика и коммуниста, который в такой же пропорции состоит к Кабе, Фурье или Прудону *по экстенсивности* и логической выработанности своих мыслей, в какой Павел Простой состоял к Иоанну Дамаскину, или нынешний крестьянин-богомалец русский – к Филарету Московскому или Хомякову. —

Иоанн, Филарет, Хомяков – сознательные, философски развитые продукты Византийской, аскетической культуры; Павел Простой и сельский богомалец наш – наивные произведения той же цивилизации. – Сильная вера сердца в два-три раз и навсегда принятых положения, две-три идеи, нисшедшие в краткой и доступной квинт-эссенции из высших сфер этой цивилизации – вот их умственный запас. —

Фурье, Прудон, Базаров – сознательные, более или менее тоже философски развитые продукты не *всецелой* европейской цивилизации, а той *последней, вчерашней, эвдемонической, утилитарной* культуры, которая на всех углах кричит с XVIII века: «le bien être, le bien être des peuples»¹⁵ которая в лице Ламене бессовестно и подло искажает смысл Евангельского учения, уверяя простой народ каким-то лжебиблейским языком, что надо бунтовать против властей. – А работник, бунтующий и едва грамотный, – это наивный, гадко наивный, грязно наивный, но все-таки наивный (в смысле слабой сознательности) продукт того же *вчерашнего* эвдемонизма. Он знает одно: «Il n'y a ni Dieu, ni diable; tous les hommes sont e gaux»¹⁶ или «doivent l'être...»* И жжет Париж с твердой верой сердца в эти две-три фразы, дошедшие постепенно до него из книг, разговоров и газет. —

В России глубоко перемешаны и перепутаны теперь эти две культуры – Византийская – аскетическая и неофранцузская, эвдемоническая. Вот и все. – Живем мы, правда, *все в одно время*, но живем *не одним* и тем же...

Антиподы живут на одной и той же земле, но в одно и то же время одного из них освещает солнце, а другого – какая-то унылая, холодная луна! —

Твой седой родственник живет вчерашней новизной; – если он мне сам присвоил сильное воображение и эстетическое чувство, то пусть он вспомнит, что люди с сильным воображением всегда предчувствовали *заранее* то, к чему приходили четверть века, полвека, век спустя, толпами люди, менее их одаренные фантазией. – Робеспьер практической гильотиной несколько десятков лет спустя старался осуществить мечты *Руссо*. – Итальянское единство как бы оно ни оказалось бесплодно и для Италии и для человечества, но все-таки осуществилось как факт после стольких *мечтаний*, после стольких предтеч, одаренных фантазией... Германия в Бисмарке обрела реального истолкователя стольких прежних отвлеченностей... На худо или на добро для немцев в будущем – это иной вопрос. —

Поэты социализма – Сен Симон и Фурье не дожили до 48-го и 71-го годов. —

Я верю, что в России будет пламенный поворот к Православию, прочный и надолго... Я верю этому, потому, что у русских *болит душа*... Я верю этому, потому что нигилизм в сфере мысли *уже прожит* нами, и теперь вместо опасных Пыпиных или глупых Скабичевских каких-то, которые топорно валяют в своих критиках, что *Катерина Островского*, должна была обучиться естественным наукам и тогда бы все на свете было бы хорошо...

¹⁴ Благоденствие, благоденствие для народов (франц.).

¹⁵ Нет ни Бога, ни дьявола; все люди равны (франц.).

¹⁶ Должны быть таковыми (франц.).

Распространиться в низшие слои наши нигилизму было бы легко, ибо много мудрости не надо, чтобы из *аскетической* наивности перевести народ в *эвдемоническую* глупость... Но с Божьей помощью будем надеяться, что люди власти у нас не будет больше либеральничать, не будут *зря* спешить каким попало обучением народа из подражания соседям, которые еще не сказали *последнего слова своего* и у которых тоже, вопреки всей хвастливости их, есть много залогов *романской* анархии, особенно *после объединения*... Разделение Германии мешало, правда, иногда единству *порядка*, но оно мешало зато и единству *анархии*... *Это надо помнить!*..

И если у нас будут с Божьей помощью это помнить, то можно надеяться, что эвдемонические влияния у нас ограничатся не разгромом, а лишь *частными превращениями*, без которых жить в истории, конечно, нельзя...

Православие Византийское, как известно, имеет в себе между прочим две стороны: – для государственной общественности и для семейной жизни; – оно есть религия *дисциплины*. – Для внутренней жизни нашего сердца – оно есть религия *разочарования*, религия безнадежности на что бы то ни было земное. —

От некоторых мест Чайльд Гарольда мож но перейти без всякого усилия и почти незаметно к иным местам Давидовых Псалмов, а от Псалмов Давида – ко всей Христианской Церковности. —

Два величайших лирика всего мира могут легко примириться в больной и тоскующей русской душе. – И вольно же было сухим умам *мировую* тоску, тоску безграничную ненасытной и широкой души сводить на мелкое гражданское недовольство современностью вместо того, чтобы *разрешить ее в Боге?!!*..

Понял ли бедный Герцен перед смертью, *какой решимости* у него не достало? —

Хорошо и то, что он разочаровался в *чисто утилитарном прогрессе* и понял, что он и один он ведет или к ужасному кровавому безначалию или к отвратительной прозе всеобщего мелкого однообразия, предлагаемого Прудоном, или... (и это всего вернее), что, давши *кой-что* новое миру в *экономическом* порядке, этот утилитаризм *сопряжется разнообразно* с прежними историческими началами. – И только! *Благоденствия общего* и субъективного все-таки не будет. —

За эту *строку* об исторических началах Герцену многое прежнее и вздорное его можно искренне простить. —

Нет! Православие или, другими словами, культура Византийской дисциплины и земного аскетизма есть единственный противовес теории всеобщего мелкого удовольствия... И лучшая пища и отрада тому, кто разочарован и для себя, и за других, и за будущее друзей и близких своих, и за *будущее* всего человечества, понятое в смысле всеобщей пользы. —

Кто *графически* изобразил историю земного прогресса? – Кто скажет с *реальной точностью*, как вернее изобразить его: – как прямую лестницу, на верху которой приготовлены всем *равные* или приблизительно равные награды, так что и зависть станет невозможна... или в виде широких, все больше и больше расширяющихся кругов, неизбежно перевитых и душистыми цветами, и ядовитыми, нестерпимыми терниями?.. —

Сообразно с реальными фактами, с примерами самой природы, вне человека стоящей, с явлениями современной и прошедшей истории, с психологией нашей, которая требует попеременно отдыха и борьбы, которая жаждет разнообразия и перемены, надо думать, что бесконечные круги более похожи на историю земного прогресса, чем чертеж прямого утилитарного восхождения посредством реальных наук, обращенных на службу равенству людей и братству народов; – не сердечному и теплomu братству внезапного, личного, живого чувства, а братству юридическому, насильственному, предупредительному и всегосударственному!

Фу! Что за скука! С какой я стати буду насильственно брат какому-нибудь Немецкому или Французскому демократу, которого даже портрет в иллюстрации раздражает меня?..

Если я *христианин*, то я заставлю замолчать эту свою *художественную* брезгливость... А если я *не христианин*? – Тогда меня может заставить замолчать только страх перед толпой людей, менее меня развитых...

Хорош же прогресс!.. Если более развитой человек должен трепетать тех, которые тупее, глупее, грубее, пошлее его...

Довольно! Довольно!!!

Примечания автора:

Перевод иноязычных слов и выражений

Леонтьев К.Н. Отшельничество, монастырь и мир: Их сущность и взаимная связь. (Четыре письма с Афона).

По Афону в 1907 году (глазами русского паломника)

Славна в веках богохранимая святая гора Афонская – светильник истинной веры и неугасимая лампада молитвы. Судьба ее и история неразрывно связаны с судьбой всего христианского мира. Значение ее как светоча и оплота Православия определяется выбором этого святого места Самой Божией Матерью в Свой земной удел.

Из Священного предания Православной Церкви известно, что когда Пречистая Дева пожелала посетить Лазаря, друга Господня, бывшего епископом на острове Кипр, то корабль с Божественной Путницей чудесным образом пристал к полуострову Афон и Она, сопровождаемая апостолом Иоанном Богословом, сошла на берег.

Движимый Божественной благодатью народ во множестве собрался к пристани, прославил Богородицу и поклонился Ей. Когда же Владычица Пречистая произнесла евангельское слово благовестия о Своем возлюбленном Сыне, то многие уверовали в Господа Иисуса и приняли святое крещение. Мать Божия изрекла благословение Святой Горе: «Благодать Господня да пребудет на месте сем, – сказала Она, – и на пребывающих здесь с верою и благоговением и сохраняющих заповеди Господни. Всего у них будет довольно при малом попечении, и жизнь небесную они получают, и не оскудеет милость Сына Моего от места сего до скончания века, и Я буду теплая Ходатаица перед Сыном Моим о месте сем и живущих в нем».

В I веке на Святой Горе побывал апостол Павел, проходивший с проповедью через Апполонию Афонскую. Позднее, в IV веке, император Константин Великий устроил здесь три обители. Начиная с V века, иноки интенсивно, целыми общинами переселялись сюда из пустынь близ Святого Града, со знаменитой горы Синай и из других палестинских обителей, гонимые сначала нашествием персов, а затем – арабов и турок. К 676 году они заселили весь священный полуостров, и византийский император Константин Погонат передал святой Афон в вечную собственность населяющим его монахам. В то же самое время происходила активная миграция славянских народов на Балканы и в Грецию, и поэтому иноки славянского происхождения составляли немалую часть среди обитателей Афона. В VI веке Афон претерпел нашествие гуннов. А в 80-х годах VII столетия произошло первое запустение Афона вследствие нападения аравитян. Окончательно же выселил с Афона всех мирян царь Флавий Константин и отдал его во владение исключительно монахам. В то время было создано много монастырей, но в 830 году произошло второе запустение Афона. Однако с 850 года на Святой Горе начинается подъем монашеской жизни и вводится статус неприкосновенности Афонского полуострова как сугубо иноческого жилища. Затем, в 880/884 году, «кафедра старцев» переносится из Зигоса близ Иериса (Афонского перешейка) вглубь горы в Мегали Меси (Великая середина), в Карею – столицу Святой Горы. Здесь хранятся мощи преподобномучеников, обезглавленных латинянами. Тогда же вводится древний устав монашества. В X веке Афону были даны византийскими императорами охранные грамоты и святой Афанасий Афонский основал первую лавру. В это же время и русские иноки основали свою первую обитель.

Святая гора Афон – земной дом Владычицы Богородицы, здесь множество Ее чудотворных икон: «Иверская», «Достойно есть», «Скоропослушница», «Троеручица», «Отрада и Утешение» и многие другие. Отсюда исходят, наполняя всю вселенную, токи Ее благодатных сил.

Однажды, 11 июня 982 года, к послушнику в келлию пришел инок, назвавший себя Гавриилом. Они вместе стали совершать службу перед образом Божией Матери «Милую-

щая», и во время славословия в честь Пресвятой Богородицы гость добавил: «Достойно есть яко воистину блажити Тя Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную, и Матерь Бога Нашего», – и, перстом написав на камне эту дивную песнь, стал невидим. Это был Архангел Гавриил. Так через небесного вестника весь православный мир узнал и стал воспевать «Достойно есть» как Божественный гимн любви к Честнейшей Херувим и Славнейшей без сравнения Серафим Приснодеве Богородице.

С благословения Владычицы Святая Гора стала заселяться православными иноками самых различных стран и народов, так что в настоящее время под Ее пречистым омофором возносит пламенные молитвы за грешный и безумный мир большое, многонациональное братство, целая монашеская республика.

Величествен вид Святой Горы с моря. Среди девственной природы высятся прославленные, пропитанные духом молитвы и чудесных проявлений Божественной благодати монастыри, уходящие вглубь истории к первым векам христианства. Среди них – штатные и общежительные, которые управляются настоятелями. Жизнь там строгая.

По святогорскому Ориентику насчитывается двадцать главных монастырей, в которых около 2995 человек:

1. Пантелеимоновский, русский, общежительный, 1200 человек, настоятель архимандрит Мисаил;
2. Кутлумуш, греческий, общежительный, 75 человек, настоятель игумен Мелетий;
3. Есфигмен, греческий, общежительный, 100 человек, игумен Нифонт;
4. Зограф, болгарский, 200 человек, архимандрит Григорий;
5. Кастамонит, греческий, 100 человек;
6. Ксеноф, греческий, 60 человек;
7. Григориат, греческий, 120 человек, игумен Симеон;
8. Дионисиат, греческий, 50 человек;
9. Святого Павла, греческий, 80 человек;
10. Каракал, греческий, 50 человек, игумен Афанасий;
11. Ставроникита, греческий, 20 человек, архимандрит Феофил;
12. Пантократор, греческий, 80 человек;
13. Ватопед, греческий, 250 человек, проигумены;
14. Хилендарь, сербский, славянский, 80 человек, эпитропы;
15. Дохиар, греческий, 50 человек, эпитропы;
16. Ксиропотам, греческий, 75 человек, эпитропы;
17. Симоно-Петр, греческий, 60 человек, строитель игумен Неофит;
18. Лавра Афанасия, греческая, 150 человек, эпитропы;
19. Филофей, греческий, 45 человек, эпитропы;
20. Ивер, греческий, 150 человек, эпитропы.

Объезжая Афон с юго-запада, начиная от низкого полутора километрового перешейка, можно обозреть все обители.

При спуске с лесистой возвышенности виден знаменитый болгарский монастырь Зограф (что значит живописец). Он основан тремя болгарскими братьями-столпниками из царского рода в X веке, в царствование императора Льва Философа (Мудрого) (886–912). Братья построили церковь и решили в молитве Богу узнать, во имя какого святого освятить храм. Они приготовили доску для иконы и всю ночь провели в молитве, а утром увидели, что на ней живописно изображен святой великомученик Георгий Победоносец. Во имя этого небесного покровителя и был сооружен храм, в котором находится сама чудесная икона.

Налево от святых врат стоит памятник в честь 26 мучеников. В 1276 году во время папской унии латиняне-униаты вторглись в обитель и лестью и угрозами совращали иноков к злочестивой ереси. Но мужественный игумен Фома и с ним 21 инок и 4 мирянина заперлись

в высоком пирге (башне), они остались верными Православию. Униаты подожгли башню, и страстотерпцы Христовы мужественно скончались в огне и дыме. Всего в обители 22 храма, имеются чудотворные образы Богоматери «Услышательница» и «Акафистная», святые мощи святителя Игнатия Богоносца, священномученика Климента, архидиакона Стефана, мученика Трифона и мучеников Космы и Дамиана. Вся братия, 200 человек, исключительно болгары, с чувством глубокой благодарности к России вспоминают освободительную борьбу 1877 года.

Греческий монастырь Кастамонит. Обитель основана святым равноапостольным царем Константином (IV век). Главный храм освящен во имя архидиакона Стефана, в храме находится его образ, а также чудотворные иконы Богоматери «Вознесенская» и «Одигитрия».

Греческая обитель Дохиар (келарь) посвящена святым Бесплотным Небесным Силам. Дохиар – современник лавры святого Афанасия – основан в X веке его любимым учеником Евфимием. Он был келарем (экономом) в обители святого Афанасия, отчего и получила название обитель. Главная святыня обители – чудотворная икона Богоматери «Скоропослушница». Она покоится в массивной золотой ризе (дар московских почитателей). Имеются и другие драгоценные святыни: часть Животворящего Древа Господня, мощи преподобных Петра Афонского, Дионисия Ареопагита, Феодора Начертанного и других подвижников православной Церкви.

Далее следует монастырь Ксенофонтос, или Ксе ноф. Основан около IX/X века неким Ксенофонтом, отчего и получил свое название.

В соборном храме во имя Георгия Победоносца имеются чудотворные иконы Владычицы Богородицы и святого Георгия. В обители около 15 церквей и параклисов.

Минуя Русик (монастырь святого Пантелеимона), паломники направляются к древнему греческому монастырю Ксиропотам («На сухом ручье»). Основан греческой царевной Пульхерией, а позднее возобновлен Павлом Ксиропотамским. Главный собор освящен во имя Сорока мучеников, всего в обители до 27 церквей. Здесь поклоняются части Животворящего Креста Господня, частям святых мощей святителя Василия Великого, святителя Иоанна Златоустого, апостола Варфоломея и также древней иконе святого Димитрия, высеченной на зеленом мраморе.

Крутая винтообразная тропа, пробитая в скале, ведет нас к расположенной на высоте птичьего полета чудесной обители. Это знаменитый монастырь Симоно-Петр (Скала Симона), основанный в XIII веке святым Симоном. Соборный храм освящен во имя Рождества Христова, расписан древней живописью. Здесь имеются частицы святых мощей Марии Магдалины, преподобной Евдокии, мученика Трифона, честная глава Павла Исповедника и мощи других святых. Внутри монастыря 11 маленьких церквей и параклисов и еще 5 – вне монастыря.

Следующая обитель – Григориат – основана в XIV веке в честь святителя Николая Чудотворца преподобным Григорием Сербским. В соборном храме во имя святителя Николая Чудотворца находится очень древняя икона Богородицы. Всего же в обители 17 церквей.

Далее расположена висящая над самым морем обитель святого Дионисия (Дионисиат), основанная в 1365 году императором Алексием III Комнином по просьбе отшельника Дионисия. В соборном храме, посвященном Рождеству святого Предтечи и Крестителя Господня Иоанна – чудотворный образ Богоматери «Похвала Богородицы», перед которой в 626 году патриарх Сергий впервые читал акафист, составленный им в честь избавления Константинополя от скифов.

Имеется еще 26 храмов параклисов. Здесь тайно жил и подвизался под видом работника святой патриарх Нифонт, а также его ученики – святые мученики Макарий и Иоасаф, преподобный Филофей.

Монастырь святого Павла основан преподобным Павлом Ксиропотамским около X/XI века. С XIV века до середины XVIII-го здесь подвизались славяне. В одиннадцатиглавом соборе во имя Сретения Господня – крест, принадлежавший равноапостольному царю Константину, часть подарка волхвов – злата, смирны, ливана, – преподнесенных Спасителю-Младенцу, частицы мощей святителя Григория Богослова и преподобного Максима Исповедника. В обители еще 5 храмов и 13 – вне монастыря.

На самой южной точке Святой Горы – лавра святого Афанасия Афонского. Это знаменитая и первая по своим размерам и богатству святая обитель. Главный храм лавры – Благовещенский собор – основан, как и сама лавра, в 961 году преподобным Афанасием на средства Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия. В нем находятся гробница святого Афанасия, его жезл, вериги, камень с впадинами от частых коленопреклонений преподобного. Здесь же хранятся мощи святых угодников Божиих: честная глава святителя Василия Великого, мощи священномученика Евстратия, святых Александра и Иоанна Кукузеля, Андрея Первозванного, Иоанна Златоустого, Ефрема Сирина, святого Григория, просветителя Армении, великомученика Феодора Стратилата, а также части Животворящего Креста Господня и орудий страданий Христовых: губки и трости. В ризнице хранятся полупудовое славянское Евангелие, отпечатанное в 1758 году при императрице Елизавете Петровне, общежительный устав преподобного Афанасия и писанное золотой киноварью Евангелие, пожертвованное императрицей Ириной. В храме Введения во храм Богоматери имеется чудотворная икона Владычицы «Кукузелисса», перед которой пел акафист святой Иоанн Кукузель. Всего в лавре и около нее до 20 храмов и параклисов.

Далее путь лежит на север полуострова, и первая обитель – Каракал. Соборный храм освящен во имя апостолов Петра и Павла. В обители есть еще 6 параклисов (небольших церквей). Основатель монастыря – монах Антоний Каракал (X век) из Рима.

В живописной равнине красуется небольшой греческий монастырек Филофей, основанный преподобным Филофеем в 1046 году на месте древнего христианского храма. В соборном храме во имя Благовещения Пресвятой Богородицы стоит чудо творная икона Пресвятой Девы «Сладкое Лобзание». Всех церквей 17. В обители прославились святые: Феодосий, преподобномученики Дамиан и Дометий Молчальник.

На самом берегу, в равнине между двумя горными отрогами, расположен знаменитый Иверский монастырь. Обитель основана в X веке грузинскими полководцами, принявшими монашество, Иоанном Ивиром и Торникием на месте древней Климентовой обители. В одном из храмов в особом кивоте, перед которым мерцают огоньками молитвы около сотни лампад, стоит чудотворная Иверская икона Богородицы. Она сама прибыла по волнам в Климентову пристань, и преподобный Гавриил внес икону Пречистой в обитель. На правой ланите Владычицы заметна рана, нанесенная варваром-иконоборцем. Видя чудо, он раскался и стал монахом. Иверская икона является хранительницей Афона: по откровению 1854 года, как только исчезнет эта икона, то инокам также надлежит уходить со Святой Горы. В обители находятся мощи святых основателей: Иоанна Ивира, его сына Евфимия, ученого инока Георгия, просветителя Грузии. В алтаре собора также находится множество мощей: апостола Петра, евангелиста Луки, святителя Иоанна Златоустого, святых великомучеников Георгия, Пантелеимона, святителя Василия Великого и других святых. В обители богатейшая библиотека, в которой есть собственноручная подпись преподобного Афанасия Афонского. Ивер прославился множеством подвижников, здесь дважды уединялся патриарх Григорий V, зверски замученный турками во время национального восстания в 1821 году. В монастыре множество церквей, 12 параклисов, в Москве есть подворье – Никольский монастырь (с 1648 года).

На крутом морском берегу расположен греческий монастырь Ставреникита («Крест Никиты»). Когда-то здесь подвизался преподобный Никита, он поставил крест, а затем была

основана обитель во имя Иоанна Предтечи. В соборном храме во имя святителя Николая Чудотворца хранится главная святыня обители – чудотворный образ святителя Николая из мозаики. Этот древний образ извлекли из моря рыбаки, куда, по преданию, он был брошен иконоборцами. На лице святителя оказалась приросшей большая раковина; из одной ее половины сделали блюдо для части Богородичной просфоры, а из другой – панагию, которую подарили в 1594 году первому Российскому патриарху Иову. В соборе много частиц святых мощей: святой праматери Анны, святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого и других угодников Божиих. Всего в обители 5 параклисов и 11 – вне монастыря. В библиотеке особенно впечатляет написанная золотом изящная греческая Псалтирь, принадлежавшая святителю Иоанну Златоустому. Неподдалеку от обители, на большом холме, находится келлия, где подвизался и принял схиму с именем Иоанн вселенский патриарх Иеремия.

У самого моря, на каменистом холме, расположился монастырь Пантократор (Вседержитель). Он основан в XIII веке освободителями Константинополя от латинян Алексием Стратонедархом и братом его Иоанном Примикирием, впоследствии они приняли монашество и были погребены в обители. В древнем соборном храме во имя Преображения Господня вся фресковая живопись сделана знаменитым Панселином. Чудотворная икона Божией Матери «Геронтиса» (что значит Старица, Попечительница), на которой Богородица изображена Одна, без Младенца, в преклонном возрасте. Здесь же – часть Животворящего Древа Господня и частицы мощей святого Иоанна Предтечи, святых апостолов, преподобных Иоанна Милостивого, Иоанникия Великого, святого бессребренника Космы, как величайшая святыня хранится здесь пергаментное Евангелие, написанное преподобным Иоанном Кушником (V век). Всего в обители 8 параклисов и церквей. Здесь подвизались святитель Феона, митрополит Солунский, и преподобный Феофил Мироточивый.

Следующий монастырь – знаменитый Ватопед («Куст отрока»), настоящий монашеский городок. Соборный храм во имя Благовещения Пресвятой Богородицы основан, как и весь монастырь, при императоре Константине Великом. Стены храма расписаны знаменитым иноком Панселином (XI век). В храме хранится частица Животворящего Древа Господня и орудия страданий Господа Иисуса Христа – части хламида, трости, губы, – а также глава святителя Григория Богослова, глава преподобного Андрея Критского, святителя Модеста, патриарха Иерусалимского, часть святых мощей великомученика Феодора Стратилата, Иоанна Милостивого, священномученика Харалампия, великомученика Пантелеимона, новомученика Евдокима (XII век). Но самая главная святыня – пояс Богоматери в золотом ковчеге. В алтаре собора находится крест императора Константина, сделанный им по образу виденного на небе. На горнем месте – нежный образ Богородицы «Ктиторская», древнейший на всем Афоне. Есть еще чудотворные иконы Богородицы «Возвестительница», «Закланная» и «Утешение». В обители свыше 26 храмов.

Вся история обители пронизана чудесным покровом Владычицы. Так, она основана в честь спасения юного императора Аркадия (во время бури он упал с корабля в море и был найден спящим под кустом). А дочь Феодосия Великого Плакидия слышала голос Царицы Небесной, повелевшей покинуть ей, как женщине, Святую Гору (IV век). Не раз Пресвятая Дева защищала обитель от нашествия разбойников.

Между двух склонов горы расположен монастырь Есфигмен (что по-русски значит «утесненный»). Основана обитель в IV веке на средства императора Феодосия Великого и сестры его Пульхерии. В соборном храме во имя Вознесения Господня хранятся глава святого апостола Иакова Алфеева, частицы мощей равноапостольной Марии Магдалины, святителя Иоанна Златоустого, мученика Трифона, глава новомученика Агафангела (†1819). Известно, что в XIV веке святитель Григорий Палама был в одно время игуменом Есфиг-

мена, а в XI веке здесь жил и подвизался преподобный Антоний Печерский, основатель русского монашества. Неподалеку от обители сохранилась его пещера.

В глубине полуострова, неподалеку от административного центра Святой Горы Карей, расположился еще один монастырь – Кутлумуш («освобожденный»). Он основан в XII веке греческим императором Алексием Комнином на месте древней обители во имя Преображения Господня. В центральном соборе во имя Преображения Господня – золоченный резной иконостас, в серебряных ковчегах много мощей угодников Божиих: честная глава преподобного Алипия Столпника, рука святителя Григория Богослова, часть главы Анастасии Узорешительницы, частицы мощей великомученика Пантелеимона, мученика Кириака, священномученика Харалампия. Здесь же находится икона Божией Матери, именуемая «Акафистная». Божия Мать окружена на иконе ликами воспевавших ее пророков. В монастыре 18 церквей.

Ближе к перешейку расположился большой славяно-сербский монастырь Хилендарь, основанный в XII веке святым Саввой Сербским и отцом его, святым царем Симеоном. Величественный собор во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы большой и светлый, в нем 104 окна и 11 дверей. На правой стороне гробница, где покоились святые мощи царя Симеона Мироточивого, перенесенные позднее в Студенецкий монастырь (Сербия). Из гробницы через окно наружу тянется ствол виноградной лозы, гроздь которой обладают целительным свойством. Главнейшая святыня обители – чудотворная икона Божией Матери «Троеручица», от которой получил исцеление святой Иоанн Дамаскин. Святыня помещена на игуменской кафедре, и вся жизнь монастыря проходит под покровом небесной Игуменьи. Вторая чудотворная икона Пречистой – «Попская», названа так потому, что во время крестного хода ее несут священники. В обители имеется еще три чудотворные иконы Богородицы, а также частица животворящего Креста Господня, часть Тернового Венца, мощи угодников Божиих: святого пророка Исаии, Предтечи Господня Иоанна, преподобных Евтихия, Симеона Столпника, святителя Григория Богослова, великомучениц Варвары и Екатерины. В алтаре собора на горнем месте, под древним образом Спасителя, в ларце – большое двухпудовое Евангелие в золотом окладе, написанное на пергаменте крупным церковнославянским уставом, здесь же хранится написанное золотыми чернилами греческое Евангелие, принадлежавшее святителю Иоанну Златоусту (и написанное им собственноручно). С северной стороны храма – небольшая церковь во имя святых Апостолов, и здесь же, рядом – высокая колокольня в форме башни. На том месте, где была келлия царя Симеона, теперь сооружена башня с церковью во имя святых Архангелов. В монастыре и вокруг него до 40 храмов.

Далее путь паломника лежит по полуострову к русской обители во имя святого великомученика Пантелеимона. Своими громадными корпусами, храмами, колокольней, всевозможными постройками и хорошей гаванью монастырь напоминает небольшой портовый город. На самом берегу громадный шестиэтажный корпус с церковью посередине. Здесь помещаются больница, богадельня, иконописная мастерская и школа живописи, братские келлии и большие фондарики (гостиницы) для паломников. Во внутренней части монастыря находится громадная колокольня с часами, а под ней устроена трапезная на 800 человек, стены и потолок которой украшены живописью. В главном корпусе расположены помещения для высокопоставленных гостей, приемная, царская трапеза. Украшение обители – соборный храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы с большим приделом, освященным во имя благоверного князя Александра Невского. Невысокие иконостасы, ярко позолоченные, с прекрасно написанными иконами новоафонского письма привлекают особое внимание. Над резными царскими воротами находится небольшая чудотворная икона Богородицы, Иерусалимская. На северо-восточной колонне – чудотворный образ великомученика Пантелеимона. Это драгоценнейшая святыня обители, перед которой еженедельно совершается торжественное молебное пение. В алтаре собора находится древняя икона Усекновения

главы святого Иоанна Предтечи, а слева, в северной части собора – частицы честных мощей святого Иоанна Предтечи, великомучеников Пантелеимона и Георгия Победоносца, часть Животворящего Креста Господня.

Напротив трапезной – собор во имя святого великомученика Пантелеимона, построенный в 1826 году по типу древних афонских храмов. Крестообразная архитектурная форма собора с одним сферическим куполом в центре и сквозной стеклянной галереей, создает своеобразный, неповторимый вид. Все стены внутри храма покрыты живописью, а у столпов в золоченых кивотах стоят большие иконы Спасителя, Богоматери и некоторых святых, исполненные в суровом стиле древнего греческого письма. Главная святыня собора и всей обители, глава великомученика и целителя Пантелеимона, хранится в алтаре, в драгоценном ковчеге, там же – частицы Животворящего Креста Господня и частицы святых мощей святого Иоанна Предтечи, апостола Фомы, Иосифа Обручника, великомученика Георгия, священномученика Харалампия. Семисвечник выполнен из крупного осколка священного камня, отваленного Ангелом от Гроба Господня. Неподалеку от этого собора находится храм во имя святителя Митрофана Воронежского, несколько далее – небольшая церковь во имя Успения Божией Матери, а за ней – длинное и большое здание, которое занимает огромная, более чем в 20000 томов, библиотека. Здесь много древних книг, рукописей, Евангелий старинного издания. В обители, кроме вышеназванных храмов, имеется еще 18 больших и малых параклисов.

Параллельно главному корпусу обители расположена двухпредельная церковь-усыпальница. Здесь покоятся кости почивших иноков и паломников, которые по афонскому обычаю выкапывают через 3 года и, если прах подвергся тлению, переносят в усыпальницу (бледно-желтый цвет костей считается признаком праведности). Но если труп покойного не истлевает, то его вновь закапывают на три года и иноки усиливают молитву.

Насельников в обители свыше 1000 иноков, причем более 100 из них – иеромонахи. Вся братия по окончании ранних литургий трудится в течение дня на различных послушаниях: в хлебне, в трапезе, в двух больницах, двух аптеках, на пристани, на строительных работах, в канцелярии, в слесарных и столярных мастерских, на кожевенном заводе и на парусном монастырском судне, на пароходе, в типографии, где издается журнал «Душеполезный собеседник» и «Афонские листки».

Обычный день афонского подвижника таков:

№	Время	Послушание	Место
1	0.30–1.00	Полунощница	Покровский храм
2	1.00–5.00	Утренняя	Покровский храм

3	5.00–7.00	Ранняя литургия (после нее все — на послушан.)	В параклисах
4	7.00–11.00	Поздняя литургия и молебен (поет старшая брат.)	Храмы
5	11.00–11.30	Общая трапеза	Трапезная
6	11.30–13.30	Отдых	По келлиям
7	13.30–16.15	Продолжение послушания	В разных мастерских
8	16.15–17.00	Отдых (желающие пьют чай без хлеба)	По келлиям
9	17.00–19.00	Вечернее богослужение	Храм
10	19.00	Вечерняя трапеза (по понедельн., средам, пятницам не бывает)	Трапезная
11	19.30–20.30	Повечерие (с акафистом по дню седмицы)	Покровский храм
12	20.30–24.00	Келейное правило и сон	Келлии

Всенощные бдения в Пантелеимоновом монастыре совершаются в двенадцатые, великие и Богородичные праздники и в воскресные дни. Всенощное бдение продолжается с 7 часов вечера до 5 часов утра, а в 7 часов утра, после короткого отдыха, начинается литургия, которая длится три часа. Во время всенощного бдения читаются поучения, вся служба совершается без сокращений, один только предначинательный псалом поют около часа.

Некоторые ревностные иноки с благословения игумена и духовника налагают на себя усиленные, суровые подвиги. Так, некоторые из них живут только одним хлебом и водой (или чаем), не посещая трапезы, другие совершают неусыпное чтение Псалтири и непрестанную молитву за весь мир и за почившую братию, некоторые священноиноки берут обет

совершения ежедневной Божественной литургии. Все схимонахи, а их в Пантелеимоновом монастыре чуть ли не половина, несут послушания наравне со всеми братьями, отличаясь только удвоенным исполнением монашеского правила и тем, что причащаются дважды в неделю святых Христовых Тайн, тогда как монахи причащаются раз в неделю, а послушники – раз в две недели.

С середины X века совершают на святой горе Афон свой молитвенный подвиг русские иноки. Преподобный Антоний Печерский принял постриг в обители Русика, а несколько позднее в Панагии Ксилургу подвизался русский монах Феодул с братией (в 1030 году Панагия Ксилургу была передана ему в вечную собственность). В 1169 году мы уже видим русских монахов хозяевами обители святого Пантелеимона (во главе с игуменом Лаврентием). Между Россией и святым Афоном устанавливается прочная, вековая связь духовного преемства, раскрывшаяся в жизни многочисленных монастырей и скитов, основанных иноками-святогорцами. Так, уже в середине XIV века на Онежском озере несут спасительный подвиг посланцы святой горы Афон – преподобный Лазарь Муромский (1286–1391) и его сподвижник Феодосий. Преподобный Арсений Коневский (†12 июня 1444 года) три года подвизался на святом Афоне, откуда привез чудотворную икону Пресвятой Богородицы и общежительный афонский устав. Святой Дионисий Святогорец, с 1418 года архиепископ Ростовский (†1425), был основателем оплота афонского иночества в Спасо-Каменном монастыре, что на Кубенском озере, в Вологодском крае. Преподобный Сергей Радонежский (†1392), великий печальник и молитвенник земли русской, и святитель Алексей, митрополит Московский, состояли в духовном общении и переписке с иерархами-исихастами, Константинопольскими патриархами Каллистом, Филофеем, Нилом – учениками и преемниками великого афонского миссионера-подвижника святого Григория Синаита, певца Иисусовой молитвы.

Святейший патриарх Филофей прислал в благословение преподобному Сергию в 1372 году крест, параман и схиму и благословил ввести в Свято-Троицкой обители афонский общежительный устав. Известный литургист, переводчик и выдающийся духовный писатель, митрополит Киевский и всея Руси Киприан († 16 сентября 1406 года) также был выходцем со святой Афонской горы.

Незримыми духовными узами все лучшее в афонской святоотеческой традиции – круг исихастов святителя Григория Паламы – тесно связывается с обителью великого аввы Сергия и его учениками. Из обители Живоначальной Троицы на Афон ходили Епифаний Премудрый (1390-е годы) и иеродиакон Зосима (1420). Позднее преподобный Нил Сорский (†1508) после подвигов на Святой горе вернулся в 1490 году в Россию и учредил скитское жительство по афонскому уставу.

Когда в конце XVI – начале XVII века над Западной Русью нависла хмурая туча латинского засилья (Брестская уния 1596 года), то в первых рядах защитников Православия выступили иноки-святогорцы Христофор, Феодул и Иоанн Вышенский.

Святая гора Афон стала славиться как школа благо чести, православной духовности и богословия. Афонские иноки обогащали Святую Русь пись менной святоотеческой традицией. Так, в 1623 году афонский старец Иосиф перевел «Толкования святителя Иоанна Златоустого на послания святого апостола Павла», «Толкования святителя Иоанна Златоустого на Деяния Апостольские». В 1654 году старец Арсений Суханов (Троице-Сергиев монастырь) приобрел и доставил с Афона в Россию свыше 198 рукописей (среди них – много уникальных списков XII–XIII веков).

В свою очередь, Русская Православная Церковь на протяжении столетий духовно и материально поддерживала святую Афонскую гору. Так, в XIII–XIV веках, в период засилья латинских униатов, каталонского погрома, турецких набегов, Россия неоднократно помогала инокам Святой горы. В 1274 году Русик поддерживал зографских и других монахов в испо-

ведническом подвиге против латинских униатов. А в 1311 году русская обитель за укрытие преследуемого хилендарского игумена Даниила была сожжена каталонцами.

После падения Константинополя (1453) и перехода Афона под власть турок русское правительство берет Святую гору под свою непосредственную опеку и покровительство. В это время выходит ряд великокняжеских и царских актов об обильной милостыне и щедрой помощи святогорским обителям. Для нужд всех афонских обителей цари Иоанн Грозный, Феодор Иоаннович, Михаил Феодорович, Алексей Михайлович традиционно оказывали значительную помощь в виде пожертвований. В то время в Москве были размещены подворья афонских Хилендарского (в 1571 году) и Иверского (в 1651 году) монастырей.

В XVIII веке произошло запустение русского святого Пантелеимонова монастыря, да и всей Святой горы в целом. Это случилось вследствие русско-турецкой войны, вызвавшей ухудшение отношения турецкого правительства к афонскому монашеству, в особенности к славянскому, а также антицерковных реформ Петра I и последующих императриц.

Это привело в 1735 году к захвату Русика греками, а с 1800 по 1830 год русская обитель была в совершенном запустении. В 1830 году был заключен Адриопольский русско-турецкий мирный договор, вследствие которого в Свято-Ильинском скиту Святой горы поселилось много иноков во главе с иеромонахом Аникитой (Ширинским-Шихматовым). В 1839 году русские иноки во главе с иеросхимонахом Иеронимом (Соломенцевым) в течение двух недель совершали усиленное моление (с всенощными бдениями), испрашивая благословение свыше на переход в Русик. Господь благословил их начинание через скитского духовника: «Есть воля Божия, – сказал он, – перейти вам в Русик, ибо там хочет Бог нечто сотворить».

Таким образом, русские иноки перешли в обитель святого Пантелеимона, а в результате активной деятельности архимандрита Макария (Сушкина) при помощи Божией благосостояние обители резко улучшилось, авторитет утвердился и число иноков стало быстро возрастать. К 1866 году были покрыты огромные долги (свыше 800 тысяч пиастров), созданы новые великолепные церкви, монастырские корпуса, келлии, отремонтированы древние здания.

Однако грекам не по душе пришлось улучшение благосостояния русских иноков, да, к тому же, дипломаты западных держав пугали греков призраком «панславизма», приписывая русским инокам стремление русифицировать весь Афон. Кроме того, грекам особенно не понравилась публикация иеромонахом Азарией (в 1873 году) древних Актов, свидетельствующих, что русский Свято-Пантелеимонов монастырь является таковым в силу исторического происхождения, непрерывной юридической преемственности и постоянной духовной и экономической связи с Россией. Все это привело в 1874 году к резкому обострению отношений между греками и русскими. Но в этом же году последовала кончина игумена Герасима, и, согласно его завещанию, новым игуменом стал русский архимандрит Макарий (Сушкин), а Вселенский патриарх Иоаким выдал документ (патриаршая и синодальная грамоты), согласно которому какое-либо нарушение порядка и благочестия с целью национального шовинизма каралось отлучением от Церкви. Таким образом русские иноки-святогорцы получили возможность спокойно и мирно совершать свой спасительный подвиг за мир в обители Русика и многочисленных скитах, которые по существу являются небольшими монастырями и составляют вторую группу монашества. Эти скиты находятся на земле больших монастырей:

№	Название скита	Нация	Кол-во иноков	К какому монастырю приписан
1	Андреевский	русский	500	Ватопед
2	Ильинский	русский	300	Пантократор
3	Ксилургу	болгарский	25	Пантелеимоновский
4	Кромица	русский	250	Пантелеимоновский
5	Новая Фиваида	русский	150	Пантелеимоновский

6	Карейский			Протат
7	Св. Пантелеимона	греческий	50	Кутлумуш
8	св. Димитрия Солунского	греческий	30	Ватопед
9	Черный Вир	греческий	сторож	Зографский
10	Ксенофский	греческий	90	Ксеноф
11	Лак	греческий	100	Св. Павла
12	Св. Анны	греческий	40	Св. Афанасия
13	Рождества Богородицы	греческий	80	Св. Павла
14	Каруля	греческий	40	Св. Афанасия
15	Кавсакадит	греческий	150	Св. Афанасия
16	Св. Иоанна Предтечи	молдавский	60	Св. Афанасия

Всего около 1865 иноков.

Из вышеуказанных скитов следует обратить внимание на русский Свято-Андреевский скит, знаменитый Серай, что значит «красивый дворец». Первоначально святителем Афанасием Пателарием Лубенским (Сидящим) здесь была поставлена небольшая келлия во имя святителя Антония Великого. Но затем патриарх Софроний (тоже умер в России и погребен у ног святителя Афанасия в Лубенском монастыре) построил два храма, во имя Покрова Пресвятой Богородицы и святого Андрея Первозванного, а так же красивый трехэтажный корпус. Русские иеросхимонахи Виссарион и Варсонофий и писатель А. Н. Муравьев обстроили келлию и оформили ее с правами скита.

В скиту примечательны колоссальный собор во имя апостола Андрея Первозванного, над вратный храм во имя Святой Троицы, храм во имя святителя Петра, митрополита Московского, и собор Богородицы «В скорбех и печалех Утешение», в котором находится чудотворная икона на Владычицы. Всего в скиту 14 храмов. Вокруг скита обширные огороды, виноградники, масличные рощи. В Санкт-Петербурге, Одессе, Ростове-на-Дону и Константинополе расположены подворья скита. Скит издает ежемесячный журнал «Наставления и утешения святой веры христианской» и множеств книг, брошюр и картин духовного содержания.

На высоком холме расположен еще один русский скит – во имя святого пророка Илии, основанный в 1757–1759 годах знаменитым старцем Паисием Величковским. В центре строится новый собор во имя пророка Илии; кроме того, имеется церковь во имя святителя Николая и святителя Митрофана Воронежского. Святыни обители – чудотворные иконы Богородицы «Млекопитательница» и Тихвинская, а также частицы святых мощей архидиакона Стефана, священномученика Игнатия Богоносца и святителей Григория Богослова, Василия Великого и Иоанна Златоустого. Скит имеет свои литейные, кузнечные, столярные, слесарные, токарные, иконописные и другие мастерские, паровую мельницу, больницу, издает духовно-нравственную литературу. Ильинский скит имеет свои подворья в Константинополе, Одессе, Таганроге и Ростове-на-Дону.

Для престарелых русских иноков-пустынников существует скит «Новая Фиваида». Пустынники живут здесь по одному или двое, а по воскресеньям и праздникам собираются в большом храме во имя Всех преподобных афонских. Пантелеимонов монастырь доставляет старцам продовольствие и все необходимое.

Кроме того, на Кавказе, на берегу Черного моря, на развалинах старого храма во имя святого апостола Петра, с помощью императора Александра III был основан в 1870-х годах величественный Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь.

На Афоне существует также много келлий – так святогорцы называют небольшие в 30–40 человек, монастыри с домовою церковью. Они относятся к третьей группе монашества на Афоне и управляются старцами монастыря. Всего на Афоне около 600 келлий, из них 66 заселены русскими монахами. Список русских келлий.

На земле Хилендарского монастыря:

- 1) Святителя Иоанна Златоустого;
- 2) Святителя Иоанна Богослова;
- 3) Святителя Иоанна Предтечи;
- 4) Благовещения;
- 5) Трех святителей;
- 6) Священномученика Игнатия Богоносца;
- 7) Святой Троицы (1-й);
- 8) Святой Троицы (2-й);
- 9) Святителя Николая;
- 10) Рождества Иоанна Предтечи.

На земле Иверского монастыря:

- 11) Святителя Иоанна Златоустого;
- 12) Святых Петра и Онуфрия;
- 13) Положения пояса Богородицы;
- 14) Святой Троицы;
- 15) Святителя Николая;
- 16) Святителя Иоанна Богослова.

На земле монастыря Ставроникиты:

- 17) Покрова Пресвятой Богородицы;
- 18) Святой Троицы;
- 19) Введения во храм Пресвятой Богородицы;
- 20) Казанской иконы Богородицы;
- 21) Святого Иоанна Предтечи;
- 22) Трех святителей;
- 23) Святого апостола Андрея Первозванного;
- 24) Мученика Климента;
- 25) Успения Пресвятой Богородицы;
- 26) Вознесения;
- 27) Архистратига Михаила.

На земле монастыря Филофей:

- 28) Святого великомученика Георгия;
- 29) Вознесения;
- 30) Преображения Господня;
- 31) Рождества Пресвятой Богородицы;
- 32) Святителя Николая
- 33) Евфимия Великого; Иверской иконы Богоматери.

На земле монастыря Кутлумуш:

- 35) Великомученицы Варвары;
- 36) Святителя Николая Чудотворца;
- 37) Святых Феодора Тирона и Феодора Стратилата.

На земле лавры преподобного Афанасия:

- 38) Святого Артемия;
- 39) Святого Георгия (Кераши);
- 40) Святителя Иоанна Богослова (1-й);
- 41) Святого Иоанна Предтечи;
- 42) Святителя Иоанна Богослова (2-й);
- 43) Усекновения главы святого Иоанна Предтечи;
- 44) Преподобного Макария;
- 45) Святого великомученика Георгия;
- 46) Святого Иннокентия;
- 47) Рождества Богородицы.

На земле монастыря Пантократор:

- 48) Святителя Тихона Задонского;
- 49) Рождества Богородицы;
- 50) Успения Пресвятой Богородицы;
- 51) Святителя Митрофана Воронежского;
- 52) Святителя Димитрия Ростовского;
- 53) Преподобного Сергия Радонежского;
- 54) Введения во храм Пресвятой Богородицы;

- 55) Святых Космы и Дамиана;
- 56) 12 апостолов;
- 57) Скоропослушницы Божией Матери;
- 58) Сретения Господня;
- 59) Святителя Николая Чудотворца;
- 60) Святителя Николая;
- 61) Святого Димитрия Солунского;
- 62) Святого Саввы Освященного;
- 63) Святого апостола Андрея Первозванного и святой равноапостольной Нины;

На земле монастыря Симона-Петра:

- 64) Благовещения.

На земле монастыря Каракал:

- 65) Воздвижения Креста Господня.

На земле монастыря Григориат:

- 66) Благовещения.

Четвертую группу монашества на Афоне составляют каливиты. Они живут в маленьких домиках без церкви по одному или по двое-трое. Каливиты для пропитания занимаются ремеслом. Всего калив около 300, и в них насчитывается около 500 каливитов-монахов.

К пятой группе относятся кавиоты, или сиромахи, которые не имеют ни жилья, ни пропитания, а живут милостынею, большей частью от русских келлий и скитов. Среди кавиотов около 1000 русских.

Кроме того, есть еще отшельники в местности Каруля в неприступных горах.

На земле Хилендарского монастыря находится русская обитель святителя Иоанна Златоуста. Здесь 100 монахов. В скиту имеются фотографическая, иконописная и живописная мастерские. Храм святителя Иоанна Златоуста освящен в 1894 году. Монастырь имеет свое подворье в Константинополе, где в 1902 году обитель открыла школу для русских.

В пределах Хилендарской лавры расположена русская обитель во имя святого апостола Иоанна Богослова. Русские иноки восстановили ее из развалин. В обители имеется много чудотворных икон. Братии – до 80 человек.

Большая русская обитель Благовещения находится также на земле Хилендаря. Здесь – большой четырехэтажный корпус с храмом во имя Христова Воскресения. Главная святыня обители – чудотворная икона Божией Матери «Скоропослушница», имеется много святых мощей. Есть мастерские: столярные, кузнечные, слесарные, иконописные. Братство составляет 70 человек.

На земле Хилендаря расположена русская обитель во имя священномученика Игнатия Богоносца. Она была основана в XI веке, и поскольку пришла в полное запустение, то греки передали ее русским. Иеромонах Моисей, собравший братию, возобновил старый храм, устроил корпус для жилья, построил храм во имя священномученика Игнатия Богоносца.

При сходе с Карей находится русская обитель во имя святителя Николая Чудотворца (Белоозерка), расположенная на главной дороге. Иеромонах Петр со своими учениками приобрели полуразвалившуюся, заброшенную келлию и произвели большие постройки. В обители имеется церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, много мощей и часть Древа Животворящего Креста Господня. Братии в обители до 50 человек.

С правой стороны, неподалеку от тропинки, стоят корпуса русской келлии во имя Трех святителей (также на земле Хилендаря). Обитель имеет свою иконописную мастерскую. Братии до 40 человек.

На землях монастыря Симоно-Петра расположена русская обитель Благовещения Пресвятой Богородицы. Существует обитель 450 лет.

Неподалеку от греческого монастыря Каракала расположена русская обитель во имя святого великомученика Георгия, приобретенная русскими совершенно развалившейся в 1815 году. В обители есть храм во имя святого Георгия со многими мощами и чудотворной иконой Божией Матери «Милостивая». Имеется церковь во имя святых Николая и Матроны Солунской, количество братии 30 человек.

Между Каракалом и Филофеем расположилась русская пустынная келлия во имя Вознесения Господня. В 1855 году эту обитель приобрел у греков старец Паисий. Братства в обители 28 человек.

Немного дальше, в пределах Филофеевского монастыря, на высокой горе стоит большая обитель во имя Преображения Господня, переданная русским в 40-х годах XIX столетия. В обители – храм Преображения Господня, церковь во имя Успения Богоматери. В обители хранятся часть Животворящего Креста Господня, 25 частиц мощей угодников Божиих и 3 чудотворные иконы. Братии 30 человек.

Еще одна русская келлия – святителя Николая Чудотворца. Раньше она принадлежала молдаванам, а потом ее приобрели русские. Братии 10 человек.

В русской обители во имя святого великомученика Артемия до 1863 года жили греки. Имеется храм святого Артемия и церковь Покрова Богородицы. У моря имеется собственная пристань со своими судами для рыбной ловли и выгрузки товаров. Хранятся мощи святых угодников, чудотворные иконы. В обители 40 человек братства.

На земле Иверского монастыря, на северо-восточной стороне Афонской горы, в 15 минутах ходьбы от городка Кареи, расположена русская пустынно-общежительная обитель святителя Иоанна Златоустого. К русским инокам обитель перешла в начале XIX столетия. Братии 23 человека. Храм святителя Иоанна Златоустого. Богослужение совершается строго по афонскому уставу. Когда в январе 1905 года началась русско-японская война, настоятель обители иеромонах Константин пожелал идти братом милосердия на поле битвы. Он организовал монашескую дружину для санитарной службы на Дальнем Востоке среди русских иноков в количестве 58 человек. Иноки-добровольцы отправились через Одессу на Харбин. Чуть позже отец Константин собрал вторую дружину в 50 человек. Он также отправил на фронт много продуктов питания. Афонские монахи трудились на поле брани санитарями. Все они вернулись на Святую Гору и продолжали молитвенный подвиг.

В местности Мугула, между Иверским и Филофеевским монастырями, находится старинная русская обитель во имя преподобных Онуфрия Египетского и Петра Афонского. Здесь подвизались преподобный Григорий Синаит, святитель Григорий Палама и святой патриарх Каллист. Сохранились пещеры, где раньше жили отшельники. В одной из них жил преподобный Гавриил Иверский, принявший чудотворную икону Божией Матери, когда она приплыла морем к монастырю. Братство насчитывает 26 человек.

Неподалеку расположена русская обитель Положения пояса Богоматери. Она также основана тремя великими исихастами: Каллистом, Григорием Синаитом и Григорием Паламой. Братии в обители 20 человек.

В местности Капсаль, в получасе пути от Кареи, расположена примерно с 1830 года славянская обитель «Достойно есть». Здесь было явление Архангела, который воспел: «Достойно есть...», – и на каменной скрижали записал слова небесного славословия. После этого события келлию стали называть «Достойно есть». Братии до 15 человек. Служба совершается на славянском языке ежедневно по строгому уставу.

По дороге в Ильинский скит рядом с келлией «Достойно есть» расположена русская с середины XIX века келлия святителя Николая Чудотворца. Около келлии протекает источник преподобного Феофила Мироточивого. В обители жил Никодим Святогорец, писатель прологов и духовных сочинений.

Между лаврой преподобного Афанасия и Мор фино на небольшом косогоре находится живописный источник преподобного Афанасия, изведенный им по повелению Божией Матери. Вода источника прозрачная и очень хорошая, она вытекает из скалы. Здесь устроены небольшая церковь во имя Богоматери и беседка для отдыха.

Путешествие по Святой Горе завершается посещением Кареи. Это настоящий монашеский городок, где сосредоточена административная власть Афона. Управление Святой Горой лежит на Протате – выборном органе от 20 монастырей. Здесь разбираются все возникающие в среде монашествующей братии вопросы. В самом городке возвышается храм во имя Успения Богоматери. Работают почта, телеграф и телефон. Здесь же, в Карее, размещается отделение полиции, а также сосредоточены управление портом и таможня.

С целью благоустройства и взаимопомощи 14 мая 1896 года русские старцы объединили пустынные келлии и каливы в «Братство русских обителей-келлий». Устав братства предписывает:

- 1) Оказывать помощь бедным пустынноикам, отшельникам и келлиям.
- 2) Защищать право бедных перед духовной властью, турецким и другими правительствами.
- 3) Избирать доверенных лиц для ходатайства внутри Афона и вне его.
- 4) Издавать духовно-нравственную литературу.
- 5) Устраивать на Афоне приюты и лечебницы для престарелых монашествующих келлиотов и пустынноиков и оказывать им медицинскую помощь, открывать на Афоне духовные школы для образования монашествующих и для обучения рукоделию и мастерствам.
- 6) Содействовать сбыту произведений русских обителей, келлий, пустынноиков и отшельников: икон, крестов, четок, ложек, оливкового и других видов афонских масел и всего прочего от их труда.

19 декабря 1902 года состоялось открытие братством первой школы. Совет братства помещается в обители святителя Иоанна Златоустого. Время на Афоне считается по-восточному, то есть первый час ночи начинается с захода солнца. Особенности относительно пищи на Афоне: в постные дни (понедельник, среду и пятницу) в течение всего года монахи не едят масло, вино и рыбу, весь Великий пост, кроме воскресенья и субботы, – трапеза один раз. В некоторых монастырях вообще не употребляют вина и масла.

Гора Афон, гора святая... Покидают паломники твои священные пределы и отправляются в обратный путь – на родную русскую землю. Но навсегда сохранится в сердце каждого память о тебе – благословленном уделе Богоматери, духовном оазисе православного мира.

Использованная литература:

Германов С. На Афон и Святую Землю. М., 1912. Ч. I: На Афон.

Павловский А. А. Иллюстрированный путеводитель по святым местам Востока. СПб, 1903. Кн. I.

Павловский А. А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону. Н. Новгород, 1907. Ч. 2: По Афону.

Проповеди монаха Иосифа Ватопедского, ученика старца Иосифа Исихаста

О покаянии

Братия и отцы, снова призываю вас задуматься о нашей общей цели – постоянном покаянии. Если мы вспомним о сотворении человека, о том, как Бог обновил нас Словом о высоком пределе Божественных обетований, которые даровала нам Его вселюбовь, и о том, что всего этого мы лишаемся, неся при этом вину вечного осуждения по причине нашего невнимания и нерадения, – то нас поистине душит отчаяние.

Но благословен Бог всегда, ныне и в вечности, сжалившийся над нами и даровавший нам покаяние, через которое мы взыскуем потерянное нами, вновь обретаем наше положение и наследуем то, что Его вселюбовь и благодать обещают нам.

Покаяние – абсолютная обязанность нашей монашеской жизни и ее особенность, обретение утерянного нами; исцеление растленных; погашение долгов наших; воскрешение отмерших членов, обезображенных грехом, предательством и отречением; надежный спасательный круг для тонущих в море этой суетной жизни; главная и подлинная цель и предопределение для погрязшего в грехах своих человека.

На основе житий, проповедей и указаний Отцов наших шествуем мы беспрепятственно, и все, хотящие преуспеть, исходят из этих целей. Обозначим вкратце систему такой деятельности.

Через начало благое – священные слова: *Начало премудрости – страх Господень* (Прит. 9, 10), *страх Господень отводит от зла* (Прит. 16, 6), – тронемся со страхом Господним, уклоняясь от зла по пути нашего воскресения. Полное покаяние определяется как «Лествица», которая всех падших на земле возводит на небо, где находится истинное наше отечество.

Страх Господень порождает трезвение и внимание. При соблюдении заповедей они порождают ревность, облегчающую тяжесть деятельного трудолюбия. Если ревность не рассеивается нерадением, они способствуют трудолюбию. Так вызывается пришествие благодати, таинственно утешающей и ободряющей ум в точности выбора и настойчивости в битве с расслабленностью.

Для тех, кто подвизается на многоболезненном поприще трудолюбия, полезный помощник и сопредстоятельница – это воздержание и точность соблюдения иноческого древнего устава. Оба эти средства необходимы. Слова Апостола: *... все подвижники воздерживаются от всего* (1 Кор. 9, 25), – вот образец поведения, с которым мы постоянно встречаемся в житиях Отцов наших. Только воздержание в конце концов низвергает наслаждение – мать смерти.

Упорство является спасительным средством в нашей духовной борьбе за соблюдение воздержания. Не будем забывать, сколько ложных доводов выдвигаем мы, чтобы не соблюдать воздержание. Пример нашего Господа в пустыне как Наставника поста убеждает в необходимости трудолюбия в подвижничестве. Если и говорит Священное Писание, что наш Господь *взалкал* (Мф. 4, 2), Он, тем не менее, не уступил возбуждению чувств якобы жизненной потребности, но остался хранителем аскетического подвижничества. С верой в Божественный Промысел Он справился и с казавшимся непреодолимым голодом. Вот пример, чтобы никогда не иссякал арсенал нашей духовной стойкости.

Как противостоям мы в брани с грехом в чувственном мире, так будем противоборствовать ей и в мире мысленном. Здесь битва бывает не менее тяжелой, но нам здесь оказывает большую пользу опыт святоотеческих трудов, из которых ум черпает силу и обороняется в напряженной и невидимой умственной брани. От этого просыпается память Божия и приводится в действие вся Его всеблагость, постоянно нас окружающая.

Отсюда берет начало и наше всемогущее оружие – молитва, без которой невозможно достигнуть успеха ни в чем. Преподобные отцы, толкуя слова Давида: *Воутрия избивах вся грешныя земли* (Пс. 100, 8), – указывают с похвальной настойчивостью на значение борьбы. Она изначально должна происходить с понуждением, прежде чем ум рассеется на воспоминания прошлого по причине грехопадения. Первая обязанность в духовном поприще невидимой и многообразной брани – это делание в уме, откуда невыразимые мысли исходят из «утрия», то есть от начала. Это достигается памятью Божью *от стражи утренния* (Пс. 129, б) и настойчивым призыванием всесвятого Его имени, чем выявляется расположение к подчинению Его Божественной воле.

В мысленный Иерусалим, к которому стремится внимание ума, еще до того, как он обретет безмолвие, входим мы через молчание уст. Второй шаг в этом направлении – воздержание в еде. Да устремимся мы посильно к избежанию насыщения. Следующим шагом да будет изучение текстов Священного Писания и творений преподобных Отцов наших, а за этим последует и память смертная.

О, как полезна эта работа! Она наиболее осязаема, поскольку и прародители наши, и ежедневно наши близкие оставляют эту жизнь. Блажен тот, кто сумел пожизненно избрать себе в супруги память смертную. Он преуспел изначально, сумев избежать многообразных смертельных ловушек.

Поскольку после грехопадения мы обрели переменчивость и легко изменяемся в соответствии с нашим окружением, – очень полезным явится старание обрести добрые привычки, которые удержат нас при давлении на нас разнообразных обезображивающих нас греховных побуждений. Когда деятельные добродетели – безмолвие, воздержание – станут нашими привычками, труд удержания ума в постоянной молитве станет легким для нас.

Мы советуем проявлять ревность в деянии. Ум наш в силах сохранять Божественную ревность и воздействовать на отрицательное окружение, препятствующее нам в достижении наших намерений и целей. Внимание к соблюдению ума не допускает ни ослабления, ни чрезмерности. И то, и другое колеблют равновесие, а это мешает соблюдению ревности.

Святоотеческий опыт свидетельствует, что за внимательной и ревностной деятельной жизнью последуют искушения. Это является, некоторым образом, проверкой неподдельности подвижничества. Однако испытания искушениями не вызывают упадка духа, страха и отступничества. Требуется упорство духа, мужество, вера, с помощью которой Божественная благодать приводит человека к послушанию и подчинению его духовным отцам.

Молитва всегда является необходимым условием для подвижничества. Особо настоятельно она необходима в часы искушений. Никакой иной способ – если молитва проникнута покаянием и смирением – не одолеет искушений, в которых ощутимо присутствует сатанинская энергия. *Призови мя в день скорби твоя, и изму ты и прославиши мя* (Пс. 49, 15), – говорит Псалмопевец.

Подобно тому, как смерть, согласно Священному Писанию, улавливается нашими чувствами, тем же способом вытесняется и уходит благодать. Яснейший пример этого растления – невоздержание уст и многословие. Что мы приобретаем болтливостью за всю нашу жизнь? Кто не знает ущерба, вызываемого небрежно сказанными словами, из которых возникают недоразумения, ненависть, обвинения, разлучение друзей или даже родственников? Еще горше опечаливание Духа Святого, Который отвращается многословия. Справедливо

сказано, что *при многословии не миновать греха* (Прит. 10, 19), и опять, согласно изречению, *лучше ниспасть с высоты, чем пасть от языка*.

Ты, боголюбец и трудолюбец, в душе которого говорила благодать, и ты уже занимаешься своим спасением, как хочешь работать двум господам? *Послушаю, что скажет Господь Бог* (Пс. 84, 9), – говорит Давид. Но как услышать то, что будет говорить Господь, когда язык и ум человека странствуют бездумно...

О блаженное молчание, врата мудрости и Божест венного ведения; умный свет и огонь Божественной ревности, неутомимое трудолюбие от него происходящее.

Даждь нам, Всеблагой Господи, блаженное молчание, образец преуспевания, который Ты установил перед правителями века сего, а нам дал спасение и воскресение как Первый и Единственный Победитель лжи, лицемерия, тления и смерти.

О соблюдении ума

Соблюдение ума – это всё для монаха. Это источник всего. Поэтому и вменяется монаху иметь строгую устремленность, соблюдать свой ум, надзирая за ним, ибо отсюда исходят как вся благая, так и прегрешения и пороки. Употребление и злоупотребление мыслей рождает всё остальное. Разберитесь в своих мыслях, обратите все ваше внимание на созерцание и изучение ума.

Есть прекрасный способ соблюдения ума – это постоянная память Божия. Если внимание обратится к этой цели, то человек не согрешает. Человек, сотворенный *по образу и подобию Божию*, редко становится порочным по произволению. Можно сказать, что даже совершенно развращенные люди, которые не могут противостоять своим страстям, постоянно соблазняясь и согрешая, – и те не всегда согрешают умышленно, но зачастую по немощи. По собственному произволению здравый человек не станет порочным; то, что он соблазняется, происходит из-за того, что ум его, хотя бы не заметно отстраняется от цели и становится жертвой сатанинского лукавства либо страстей, присущих ветхому человеку. Следовательно, будучи не в силах иметь правильное мышление, правильное видение, чтобы рассуждать вещи, он обманывается невыразимыми предложениями и предпочитает зло вместо блага. Но когда ум обретается на должном месте, и хорошо ведаёт свое назначение, он ощущает присутствие Божие – потому что *одесную нас есть, да не подвижится*, так и он не движется ко злу, но отвращается от него.

Особенно мы, монахи, имеющие особое призвание и оставившие мир, будучи самоизгнанниками, если имеем это в виду, то уже должны быть убежденными в нашем успехе. Ибо если ум находится на должном месте, он никогда не заблудится. Потому что грех неразумен и не в силах убедить, он только обольщает. Но ему возможно соблазнить людей, чье ведение ослаблено, а привычки зависят от окружения. Греховное не может так легко прельщать монахов, ибо они ощущают действие особого Промысла Божиего и ежедневное действие Его благодати. Монаху, не склонному наедаться досыта, чурающемуся отдыха и праздности, – как возможно ему стать порочным? Если же он таковым становится, это знак, что он забыл свою цель, а ум его сошел со своей основы. Страж покинул свой пост, и, поскольку войско не имеет часового, противники приходят и окружают его. Если бы часовым был на посту и вглядывался вдаль, он подал бы условный сигнал и враг не смел бы и приблизиться.

Вот какое огромное значение имеет соблюдение ума. Вы это знаете и от преподобных Отцов наших. Святой Антоний Великий, когда его попросили разъяснить, что означает монах, сказал: «Монах есть соблюдающий ум». Конечно, без Божественной благодати это дело бессильно добиться успеха. Но мы, имея с нами благодать в одном этом легко можем добиться успеха, так как это и является центром нашей цели. Это является и причиной, по которой наши преподобные Отцы поступали каждый по-своему. Арсений Великий взывал по имени: Один препоясывал себя вервием, другой – веригами, иной помещал на своей одежде символы, иной писал на стенах, иной на своем рукоделии. Все это как раз имело этот самый смысл. Преподобные Отцы наши достойно оценили значение ума и изобретали искусственные средства, чтобы те укрепляли их в достижении успеха.

И каждый из вас пусть по-своему добивается того же. Если вам это удастся, вы несомненно шестуете беспрепятственно по направлению святых преподобных отцов, и успех очевиден; в противном случае, если не добьетесь этого, то будете страдать, потому что станете легкой добычей многообразных греховных отговорок и будете попадаться то в один ошибочный шаг, то в другой. Тогда внутри вас будет действовать ветхий человек, а он ваш противник и враг. И это будет происходить потому, что ум уклонился от своего предна-

значения. Соблюдению ума очень способствует Божественная ревность, а ее поддерживает неуклонное соблюдение совести. Именно оно записано в нашем уставе.

Итак, *Горе имеем сердца*, то есть одесную Отца, там, где сияние славы, там, где центр любви, наш Иисус, ожидающий нас. Когда мы очнемся от нашего бесчувствия и призовем с болью, со смирением Его благодать, чтобы она снизошла освободить нас от ветхого человека?

Вопрос о приемах, используемых монахами для сосредоточения ума обсуждался еще во время святого Григория Паламы. Его враги, желая с нападками обрушиться на отшельничество, чем тогда был богат Афон, выпятили некоторые стороны нашей жизни, и насмешливо говорили, что мы, дескать, «пупосозерцатели» и многое иное. А святой Григорий Палама поднялся во весь рост и сказал: «Да, преподобные отцы используют различные способы, содействующие нам с большим удобством соблюдать ум, но для нас это не догмат».

Мы не останавливаемся на этих способах, нас занимает точное соблюдение заповедей Божиих, всецелая наша любовь к Нему, а также и к нашему ближнему, посредством которых принимаем посещение благодати. Сегодня мы слышим, что повсюду идет речь об умной молитве, и внутриобращении посреди мира, и о многом другом, что с этим связано. Если и нас, наших монахов, занимают эти способы, то мы не полагаем в них никакого центра тяжести. Центр тяжести – это строгое хранение нашей совести в том, чтобы соблюдать волю Божию, хранить все Божии заповеди, и именно этим способом принимаем действие благодати. Мы не возлагаем надежды на способы, применяемые нами для удержания ума, потому что наше делание не является магическим, будто мы через внешние образы ожидаем приход благодати. Имея сыновние связи с Богом Отцом, мы доказываем наше к Нему обращение через абсолютную веру, и любовь, и, следовательно, преданность. И так обретаем ответ – какой мерой мерим, отмерится нам. Как любим Бога и всецело простираемся к Нему, соблюдая Его волю, согласно Его собственному изречению: *Не любящий Меня, не соблюдает словес Моих* – (так и Он) приходит к Нам. И общение становится органичным, а встреча – личной. Если соблюдение воли будет стоять и нашей жизни, мы и это ревностнейше исполняем. Тогда и происходит сказанное: *Вселюся в них и похожду, и буду им Бог, и они будут Мне людьми*.

Этот способ разъяснил великий Просветитель Церкви святой Григорий Палама, когда западные рационалисты мутили воду, чтобы найти повод обвинить православных. И всегда это современно, особенно в современной неразберихе отрицания всего и в путанице широкого рационализма. И мы готовы дать ответ каждому вопрошающему о наших упованиях – это наше обращение. Мы любим Бога, в Которого безоговорочно верим и Которому посвящаем все наше бытие. Все желание, все расположение, вся наша энергия простирается к соблюдению Его святых заповедей. И делаем мы это не потому, что ожидаем от Него награды. Нет! Мы верим в Бога потому, что только в Него достойно верить. Любим Его потому, что Он – абсолютная Любовь, потому что мы всецело принадлежим Ему. Для нас Он Господь и Владыка, потому что Он сотворил нас из праха, а после грехопадения обновил нас и заново воссоздал нас Своей персональной жертвой. И согласно Павлу, *мы впредь не живем себе, но за нас умершему и воскресшему*. И как Сам Он исповедует: *Соблюдающий заповеди Моя возлюблен будет Отцом Моим, и Я и Отец Мой придем и обитель в нем сотворим*.

О духовном ведении

Братия и отцы, святые и преподобные Отцы наши настаивают и учат нас тому, что внутриобращение является необходимым средством в духовной борьбе. Для этого от нас требуется не вознерадеть об этом полезнейшем средстве для нашего преуспевания, являющемся крепким оружием в умной брани.

Как призыв слышится наказ одного великого старца, аввы Алония, которым он непосредственно вводит нас в самую суть внутриобращения, которое является главной целью, которую мы желаем быстро достичь. «Если не скажет человек, монах, внутри своего сердца, что в мире я один и Бог, то не обретет он покоя». Краткое и емкое изречение, извещающее каждого подвизающегося, что это и есть содержание подлинного подвижничества ради избавления и освобождения от мыслей и вещей мира сего.

Две причины и два предлога, или вещества, движут изнутри весь наш мир, внутренний и внешний, и посредством их возникает наше собственное делание и брань против противоборствующего закона и лукавого. Одна причина внешняя: она заботится о нашем соприкосновении с миром и поддержании тела. Другая, внутренняя, – это страсти, приобретенные нами после падения; она препятствует добродетели.

Для того, чтобы душа увидела и ощутила это внутреннее искажение, нам надо освободиться от внешних воздействий и пленений. Это определил Господь наш, *если всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником* (Лк. 14, 33): внешнее вещество, или предлог, состоит в воле человека, которой он распоряжается, если хочет. Внутреннее вещество – это плотская тень, воздействие внешних энергий воли. Это причина, согласно которой, Господь, как истинный Целитель нашего же искажения, настоятельно рекомендует отвергнуться нашей воли. Сам Он показал нам на деле, это самоотвержение, послушаясь во всем Своему Отцу.

Если воля человека обращена к внешнему и суетному, то ум, улавливающий мысли и намерения мира, умерщвляется и отмирает. Если же человек пробудится от бесцельного самолюбия, он станет ограничивать страсти, спрятанные внутри из-за предшествующего пленения. Человек противостоит и противоборствует им, отстраняя поводы и предлоги, бесцельные орудия самолюбия. После того, как с помощью этого способа ум освободится от причин, связывающих его, он становится хозяином самого себя и призывает благодать нашего Господа, слушающуюся его после того, как ум дал свидетельство через победу над самолюбием. Тогда благодать укрепляется, и удаляет страсти одну за другой, и освобождает душу из плена. И не только это, но и предохраняет его, чтобы он не был введен в заблуждение лукавым, пытающимся прельстить его.

Возможно, что теория описываемая нами, сложна, но нашим долгом было раскрыть последствия внутриобращения и безразличия. Чем же является, наконец, монах, как не созерцающим и внутриобращающимся поскольку он считается «новым Израилем», то есть умом, зрящим Бога? Не говорили ли наши предки: ум зрит, ум слышит? *Бог есть Дух: и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине* (Ин. 4, 24). К тому же, строжайший и упорный подвиг нестяжания наших отцов что другое предусматривал, как не удаление от предлогов и причин, пленяющих волю и ум? Затем, целиком свободные, они могли в совершенстве осуществлять Павлово побуждение молиться «непрестанно».

Многие из мудрых века сего стали приверженцами нестяжания и беспопечительности, чтобы свободно посвятить себя своим отречениям. И наши отцы, истинные философы, в точности передали нам практику и метод внутриобращения и то, что оно осуществляется через самоотречение и умерщвление желаний. Если человек не освободится от суеты, вызываемой порочностью самолюбия, то он не может приблизиться к любви Божией, являющейся

центром нашего усердия и стремлений. Святой Диадок в своих поучениях говорит: «Душа, не освободившаяся от суетных мирских желаний и вещей, ни Бога не возлюбит чисто, ни от диавола отвратится так, как он того стоит». И наши великие отцы подчеркивают: если кто-либо возмечтает победить страсти, не отвергая материальное, он подобен пытающемуся потушить огонь, забрасывая его соломой.

Необходимое правило и предписание – это свобода ума от внутренних страстей. Крепкое желание умертвит самолюбие, поддерживающее положение безрассудства, которое есть сила и ворота врага. Когда диавол найдет монаха, без нужды или заповеди занимающимся телесными вещами мира сего, то он похищает трофей его ведения – рассуждение, и затем отсекает упование на Бога. Это очень просто, ибо, по слову Господню, не может человек *дум господам работать* (Мф. 6, 24).

Значит, вместо того, чтобы любить суету мира, мы любим Бога, и боговдохновенные отцы учат нас, как достигнуть успеха на практике. В действительности, человек – это ум, поскольку и животные имеют остальные части тела. Обращая все наше старание на хранение ума и подчиняя каждую мысль в послушание Христово, мы призываем сопредстательство и соратничество Божественной благодати, и с Ней *все можем в укрепляющем нас Христе* (Флп. 4, 13). Однако, этому предшествует умерщвление и упразднение страстей, которых обитает безрассудство. Нам рекомендуется терпение в отсечении нашей воли и в послушании, которое является главным средством умерщвления воли, на которой держится весь ветхий человек. Преподобные Отцы наши настаивают на том, что для соблюдения ума надо избегать ведения мыслей и вещей мира сего, чтобы наступило забвение прошлого, поскольку для нас «древнее прошло, теперь все новое» (2 Кор. 5, 17) и нас не занимает ничто новое. Для нас *жизнь – Христос, и смерть – приобретение* (Флп. 1, 21), потому что *не имеем здесь постоянного града* (Евр. 13, 14), ни места, ни воли. Если мы так размышляем, то мы недалеко от Царствия Божиего.

Знать надо, где и как наши отцы стяжали добродетели, низложили страсти, облеклись во Христа и сейчас вместе с Ним соцарствуют в вечности. Не читаем ли мы постоянно о сверхъестественных подвигах в пустынях, о совершенной нестяжательности, о полном уединении, которыми они учат нас удалению от вещей и мирских похотей? Наш Господь учит тому, что сын подражает отцу, и то, что делает отец, делает и сын. Если мы являемся продолжателями и духовными чадами наших отцов, то нам полезно слушаться их и подражать им, поскольку мы чествуем их, пишем их иконы и изучаем их подвиги.

Преподобнейший и рассудительнейший из наших отцов Ефрем Сирин в своих изречениях учит: «Монах, втянутый в житейские дела и обращающий свой помысел на попечение о мирских, похож на того, кто производит вскрытие самому себе». «Взыскующий наследства родных по плоти после удаления от мира и начала монашеского жития впадает в искушения». Пример восьми братьев по плоти, один из которых был знаменитым аввой Пименом, не вразумляет ли нас? Они не соблаговолили увидеть свою старуху мать, посетившую их и плакавшую. А когда родная сестра аввы Пимена позвала его выступить посредником для освобождения из под стражи ее ребенка, он не пошел на уступки и заявил ей, что «Пимен не рождал детей». Быть может, он был жесток и бесчеловечен – тот, чья жизнь была абсолютной любовью? Нет, но как образец монаха, он научал нас, что нам не полезны ни воспоминания, ни размышления, ни связи с прошлым, от которого нас отрезал Господь. *Выйдите*, – говорит Священное Писание, – *из среды их и отделитесь*, говорит Господь, *и не прикасайтесь к нечистому; и Я приму вас. И буду вам Отцем* (2 Кор. 6, 17–18).

Примеры приводят нас к теме этого огласительного слова, суть которого внутрьюобращение и хранение ума, дабы мы, с помощью благодати, смогли отсечь лукавые привычки, а затем и страсти. Совлечем с себя ветхого человека, *истлевающего в обольстительных похотях* (Еф. 4, 22) и облечемся в нового, станем богоподобными, как того желает наш Господь.

Для нас, общежительных монахов, устав приносит пользу и плодотворность, подобно тому, как то же приносят аскетам и отшельникам их собственные установления. Те укротили страсти строгим трудолюбием и внутри обращением и умертвили ветхого человека, – вещь, осуществляемая и в нашем собственном уставе и программе. Подчинением, послушанием и самоотречением мы добиваемся того же результата.

Дополнительно имеем и выгоду взаимовыручки, когда «носим немощи слабых», не порабощаясь самодовольству. *Снисходя друг ко другу любовью Христа* (Еф. 4, 2; Флп. 1, 8), вынуждаем Божественную вселюбовь исполнить обещанное. *Какой мерой мерите, отмерится вам* (Мф. 7, 2).

Когда претворяется в жизнь любовь, являющаяся действительным свидетельством христианской жизни, тогда «она покрывает множество грехов» и без труда вызывает наше «по подобию», поскольку *Бог Любовь есть, и пребывающий в любви, в Боге пребывает, и Бог в нем* (1 Ин. 4, 16). Сколько облегчаются нашим приношением и служением? Не только наши собственные старцы и больные, но и наши ежедневные посетители. Для верующих, с которыми мы вступаем в контакт, мы становимся примером веры, самоотвержения и любви – необходимых составляющих для уравновешенности общественной соединенности и взаимовыручки. Без особого усилия – только живя нашей собственной программой – мы укрепляем их, не уходя с нашего места, поскольку они приходят к нам. Не это ли имеет в виду Господь, говоря: *Вы – соль земли; вы – свет миру* (Мф. 5, 13, 14).

Более легкой является борьба с людскими страстями, чем с лукавыми и злобными демонами, которые напряженнее борются отшельников, чем киновиатов. Сопредстательство братии – немалая помощь; подобное напоминает и Священное Писание: *Брат получающий помощь от брата, как крепкий город* (Прит. 18, 19), и: *Горе тому единому, егда падет и не будет второго воздвигнута его* (Екл. 4, 10).

Долготерпеливо претерпевая в нашем служении, в немощах больных и трудноисцелимых, исполняйте закон любви и терпения и приобретете награду преуспевания и совершенства. Однако, настаиваю на снисхождении и сострадании к ошибкам и соблазнам немощных и пребывающих в неведении. В самом деле, наш Всеблагий Спаситель Христос умягчается от милосердия, ибо Он есть Вселюбовь и Милосердие. Следовательно, вот способ, как нам воспользоваться Его милосердием, поскольку Он Сам говорит нам стать щедрыми подобно Ему Самому.

О созидании нового человека

Когда Отцы наши касаются «противоестественного закона», они раскрывают обширное развращение, вызванное падением и последующим отступлением человека. Но беспредельное милосердие нашего Господа через Его воплощение и Его присутствие среди нас исцелили нашу собственную рану и вновь привели нас в равновесие.

Нарушением и преслушанием Божией воли мы выдвинули нашу собственную волю, породившую смерть. Наше освобождение от сего наказания – это отказ и оставление нашей собственной смертоносной воли и выздоровление человека путем возвращения его в «естественное» состояние.

Упорством в своей воле человек изменил естественные силы ума в «противоестественные». Тогда одерживает верх безрассудство. Приведем несколько примеров.

Естественная сила ума – это здравый смысл и рассуждение. Когда ум работает «по естеству», оно производит стремление к Богу, любовь и, вообще, всякое боголюбивое и благородное стремление. Враг же подменяет эту силу непристойным и лукавым вожделением, и человек предпочитает всякую нечистоту и скверну.

Ревность – естественная сила ума. Без ревности о Боге не происходит преуспеяния. *Ревнуйте о дарах больших* (1 Кор. 12, 31), – побуждает апостол Павел. И тут враг преобразовал здравую ревность о Боге и добродетели в «противоестественную» и сделал так, что мы завидуем, ревнуем и злопамятуем между нами самими.

Естественная сила ума – рассуждение, самовластие и порыв. Без них нам не достичь чистоты. Человеку свойственно гневаться на врага, сеющего свои лукавства. Но от нашего нерадения и эта естественная сила преобразовалась в против естественную. Гнев наш обратился против ближнего и произвел столько бесполезного и вредного.

Естественная сила ума – ненависть ко злу. Без ненависти к многообразному пороку не раскрывается честь в душе и никакое исповедничество не имеет завершения, а оно является центральным намерением и нашей целью. И здесь враг обратил эту силу в противоестественную – ненависть к ближнему – и опустошил душу, довел человека до степени дьяволоподобия и сделал его образом сатаны.

Есть в нас вожделение, ревность, ярость, порыв, ненависть. Эти естественные свойства в нашей природе сотворены целостными и чистыми. Их переменяло и обезобразило преслушание. Наш враг скрывается за ними и через бессмысленное использование наших собственных сил отдаляет нас от Бога. Все это и всю систему искажения и тления изменил и исцелил Своей вседобродетельной жизнью и Своим учением наш Господь.

Одним из способов практической пользы и преуспеяния в духовной борьбе является избегание и удаление от причин зла. Надежный способ избавления от причин и предлогов – это умножение любви Божией. Где благодатию Божией преумножается Божественная любовь, там упраздняется стремление к телесному покою.

Первой стадией преуспеяния в Богопознании является победа подвижника над тщеславием. Тот же кто тянется к скверне этой коварнейшей страсти, лишается мира и становится жертвой жесткости и беспокойства, имея лицемерие и ложь как покрывало своей наготы.

Кто здравым покаянием отринул телесные страсти и прочие недостатки ветхого человека, тот честно приуготовил свою душу и стал сосудом благодати или, вернее, храмом Божиим.

Тому, кто со смиренномудрием и благодатию Христовой завоевывает эту добродетель, Бог открывает его грехи, чтобы он научился их одолевать. Если ему помогут слезы покаяния, то из души изгоняются восемь коварнейших демонов, являющихся сплетением ветхого

человека. Тогда душа питается от сладости ее собственных добродетелей. К подвижнику этому не приблизятся ни лесть, ни поношения.

Если человек на слова ближнего ответит тем же, в совести его восстанут брани и одержит верх пленение беспокойства. Вновь приносит мир лишь молитва со страхом, а любовь и долготерпение уничтожают «противоестественный» гнев. Если в душе пребудут мир, любовь и долготерпение, ненависть обратится не против ближнего, а против страстей и демонов; в духе же пребудут слезы покаяния и смиренномудрие.

Тот, кто сможет перенести грубое слово строптивного и неразумного человека ради Бога и ради мира своих помыслов, тот назовется «сыном мира» и сможет стяжать мир душевный, телесный и духовный. Если будут обретены эти три качества, враги прекратят воевать против закона ума и упразднится телесное пленение. Человек тот наречется «сыном мира», и Дух Святой поселится в нем и никогда не уйдет от него.

Одним из коварнейших духов, борющихся нас неутомимо, является дух робости и малодушия. Он препятствует любому благому начинанию. Особо, когда ум предается терпеливому ожиданию по Богу, тогда он привносит в него нерадение, чтобы согнуть его тяжестью трудов добродетели. В том случае единственное спасение – возбуждение любви, терпение, воздержание и, конечно, то, если подвижник установит, что нерадение – это причина вреда.

Требуется многое трезвение против духа печали, вызывающего разочарование и то, что борец оставляет борьбу. Как тогда ему достичь великих добродетелей, которые в том, чтобы не считать самого себя добродетельным, невозмутимо переносить досаждение и бесчестие и не соприсчислиться в чинах мира сего?

Господь сказал нам: *Не можете Богу работать и маммоне* (Мф. 6, 24). «Маммона» определяется отцами как мирское мудрование, пленяющее приверженцев «мира сего», не знающих Бога. Две причины обступают душу. Одна внешняя и одна внутренняя. Внешняя состоит в попечении «века сего», в покое плоти. Внутренняя подвигает страсти, препятствующие добродетелям. Душа не ощущает внутреннюю причину страстей, если не освободится от внешнего пленения.

Наш Господь учит, как освободиться от этого пленения: *Всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником* (Лк. 14, 33).

Зная, что воля является причиной двойного пленения, наш Всеблагий Владыка повелел отсечение ее. Когда человек осуществляет свою волю, он умерщвляет ум, и пока душа заботится о внешнем, до тех пор внутренние страсти действуют свободно. Если душа уверится в заповеди Господней и отсечет волю, тогда пробуждается ум и методично отвергает страсти и организует добродетели. Господь хочет, чтобы Его люди были здоровыми от видимого вещества, то есть от бессмысленных прихотей, и от скрытого вещества в душе, то есть от страстей. Их Он как раз упразднил Своим вочеловечением. *Пребудьте во Мне, и Я в вас* (Ин. 15, 4), – побуждает нас наш Господь. *Пребудем в Нем* через делание перво-наперво и Он будет пребывать с нами через чистоту, насколько мы можем.

Отцы наши определяют три добродетели, необходимые для просвещения и отрезвления ума: естественный порыв, мужество и работоспособность. Если ум приобретет три вида преуспевания, он ощущает, что достиг бессмертия: рассуждение, предвидение и твердую уверенность от Божественного просвещения.

Три добродетели вызывают в уме Божественное просвещение: то, чтобы кто-либо не считал своего ближнего лукавым, благодетельствовал всем обижающим его и злоторящим ему, переносил без смущения и ропота все находящее. Эти три добродетели рождают другие три, большие их. Не считать своих ближних лукавыми – порождает любовь; через то, чтобы благодетельствовать злоторящим, приобретается мир, а претерпевающему безропотно все находящее – приносится кротость. Удостоит нас, Всеблагий Владыка, Иже еси Сокровище благих, стяжать ее! Аминь.

Четыре добродетели делают душу девственно чистой: молчание, соблюдение заповедей, воздержанность, строгая умеренность и смиренномудрие. Ум имеет нужду в нижеследующих четырех добродетелях: непрестанная молитва к Богу со смирением, чтобы считать себя виновным перед милосердием Божиим, избегать суждения о любом человеке и совершенно презреть страсти, докучающие ему.

Четыре добродетели ограждают душу и упокаивают, когда та находится в брани: милостыня, отсутствие гнева, долготерпение и противостояние многообразным греховным прилогам. Но противостояние против забвения восполняет все эти добродетели.

Четыре добродетели очень нужны в молодости: постоянное поучение, неленость, бдение и смирение, – чтобы кто-либо не считал самого себя за человека добродетельного.

Существуют четыре причины плотского восстания: многоспание, чревоугодие, острословие и украшение тела. Другими четырьмя причинами помрачается душа: ненавистью к ближнему, унижением, ревнивостью и ропотом.

Через четыре вещи опустошается душа: от бесцельного перехода с места на место, от отвлечения внимания, от любви к вещественному и от сребролюбия.

Три вещи с трудом приобретает человек, но они сохраняют добродетели: плач покаяния, слезы о грехах, постоянная память смертная.

Три больших порока всегда мешают стяжанию добродетелей: пленение, лень и забвение. Это проклятие, называемое забвением, борет человека до последнего его издыхания.

Мы кратко обозначили дела «нового» и «ветхого» человека. *Любяй душу свою, погубит ю* (Ин. 12, 25), подвизается, чтобы сохранить дела «нового» человека. Желаящий упокоения в сей краткой жизни исполняет и поступает по делам ветхого человека и губит душу свою.

Наставления монахам и мирянам о молитве

Проистекание умной молитвы: непрестанно понуждать творение молитвы устами. Вначале быстро, чтобы в уме не успевали образовываться помыслы рассеянности. Внимать только словам: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!»

Когда это утвердится, продолжает и творит молитву ум, и услаждаешься как бы имея мед в устах своих. И хочешь все время творить. Если же оставишь молитвословие, печалишься.

Когда ум насытится и хорошо познает дело, он посылает молитвословие в сердце. Так как ум – питатель души, то все хорошее, что увидишь или услышишь, – он посылает в сердце, где центр духовных и телесных сил человека и седалище ума.

Итак, молящийся да внимает уму своему, чтобы не помышлял ничего, но внимал только словам молитвы. Тогда, вдыхая легко, с некоторым понуждением и желанием спускает в сердце и придерживая там, говорит ритмично молитву: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя».

Сначала молящийся говорит несколько раз молитву и берет один вдох. Затем, когда ум его утвердится в сердце, он произносит с каждым дыханием одну молитву, то есть вдыхает: «Господи, Иисусе Христе» и выдыхает: «помилуй мя». Это делается до тех пор, пока душу не посетит и не начнет действовать внутри нее благодать. Следующим этапом является просвещение, видение.

Итак, всегда творится молитва: сидя, лежа, ходя, стоя. *Непрестанно молитесь. За все благодарите* (1 Фес. 5, 17–18), – говорит апостол. Необходимо борение с самим собой. Твори молитву стоя, сидя. Устанешь, садись, а потом опять стой, чтобы не захватил сон.

Это так называемое делание. Но все нужно возлагать на Бога, все от него, Он дает молитву. Господь – начало и конец. Во всем действует Его благодать, это двигательная сила.

Нужно выполнять заповеди. Увидишь больного, вдовицу, сирот, старцев, помоги им, чем можешь, тогда ты Господа возлюбишь и Он полюбит тебя.

С каждым дыханием молитва. Внимай, чтобы не принимать мечтаний, потому что Господь безвидный, бесцветный, сверхсовершенный. Не принимай помыслов.

Умиление приходит, когда подумаешь, сколь опечалил ты Господа, такого хорошего, доброго, милостивого, благого, полного любви, распятого за нас. Сколько пострадал Господь, когда будешь рассматривать, приносит умиление.

Итак, если можешь, говори молитву устно, непрестанно, и в два-три месяца она утвердится. Посетит благодать и утешит. Только произноси устно и непрестанно. Когда воспримет и ум, тогда отдохнет язык произносить, и опять, когда оставит ум, начнет язык. Все понуждение нужно для языка, но поначалу. Когда образуется навык, тогда уже во все годы своей жизни ум говорит без труда.

Твори непрестанно молитву языком и умом. Когда язык устанет, пусть начинает ум. И опять – устанет ум, говори устами. Только не прекращай. Делай много поклонов, и если возгорится огонь в сердце твоём и любовь к Богу и будешь искать безмолвия, потому что пошла внутри молитва и не можешь уже находиться среди мира.

Сначала, когда ум не имеет навыка, он забывает о молитве. Поэтому нужно творить то устами, то умом, пока не насытится ум и не возникнет энергия.

Итак, когда воспримет ум молитву и бывает эта радость, о которой пишу тебе, тогда молитва творится непрестанно, без усилия с твоей стороны.

Человек ест, ходит, спит, стоит, а внутри его непрестанно творится молитва, и обретает он мир и радость.

Имеются три степени духовных состояний, подобно которым действует и благодать в человеке.

Первая степень очистительная, которая очищает человека. Она ведет человека к покаянию, и всякое желание человека к духовному есть действие благодати. Твоего здесь ничего нет. Во всем действует тайно благодать. Эта благодать, когда понуждаешь себя, пребывает с тобой определенные годы. И если преуспеет человек в молитве, то получает другую благодать, отличную от первой.

Первая, как мы сказали, называется чувственная энергия, она есть очистительная, когда молящийся ощущает движение Божественной энергии внутри себя.

Другая называется просветительная. Здесь молящийся получает свет знания, входит в созерцание Бога. Не освещение, не фантазии, не изображения, но здравие ума, чистота помыслов, глубина разумений. Чтобы прийти в это состояние, необходимо молящемуся иметь многое безмолвие и путеводителя незаблудного.

Третье состояние – осенение благодати, благодать совершенства, которое есть дар великий.

Помни, что как человек от человека отличается, так же отличается и монах от монаха. Есть с мягким характером, который слушается легко. Есть с жестким характером, который подчиняется с трудом.

Различие между ними, как между ватой и железом. Вата требует только помазания словом. Железо же требует огня и искушений, чтобы можно было с ним работать. Так нуждаются в терпении в искушениях, чтобы совершилось очищение.

Пока ты еще в начале, постарайся узнать самого себя, чтобы положить хорошее основание во смирении. Научись послушанию, чтобы обрести молитву.

«Господи, Иисусе Христе, помилуй мя» – да будет дыхание твое.

Не оставляй ум свой праздным, чтобы не научиться плохому. Не смотри на недостатки других, потому что сам того не понимая, станешь сотрудником лукавого и не успеешь в добре.

У нас война не против людей, но против начальств и властей тьмы.

Итак, чадо, постарайся войти узкими воротами, потому что только они вводят в просторный рай. Отсекай каждый день и час свою волю и не ищи другой дороги кроме этой. По ней шли стопы преподобных отцов. Открывай старцу помыслы свои, и он уврачует их.

Не скрывай помысла своего, этого желает диавол, чтобы ты скрывал, когда объявишь – исчезает.

Не открывай падений другого, как бы себя оправдывая, иначе благодать откроет и твои недостатки.

Сейчас ты вышел на поприще испытаний различными видами искушений и приготовься все терпеть. Молись непрестанно, и Господь поможет Своей благодатью.

Никогда искушения не были сильнее благодати.

Если будешь внимать тому, что пишу тебе и будешь понуждать себя, обрящешь большую пользу. Все это случается с тобой из-за того, что не понуждаешь себя к молитве. Итак, понуждай себя. Твори непрестанно молитву, чтобы не сходила она с уст твоих. Так образуется навык и воспримет его ум. Не внимай помыслам, потому что тогда ты смущаешься и оскверняешься.

Понуждай себя к молитве и увидишь, сколько обретешь благодати.

Внимай, чтобы не осуждать. От этого теряется благодать.

Когда приходит благодать, тогда всех любим, имеем умиление, слезы, теплоту души. Когда удаляется благодать, для испытания человека, тогда делается все плотским и падает душа. Тогда, однако, ты не падай духом, но вопияй непрестанно молитву: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя».

И за все благодари Бога: и за хорошее и за плохое. Слава Тебе, Слава Тебе, Боже мой! Такая смена состояний бывает, пока мало-помалу очистится человек и становится духовным. Подвизайся.

Монах должен перенести насмешки, поношения, падать, вставать, пока станет человеком. Но возле матери этого не бывает. Нужно вопиять день и ночь ко Христу. Подавляй гнев и похоть и терпи во всех искушениях.

Молитва без внимания и трезвения – потеря времени.

Похвала вредит и совершенным. Только поношения и напраслины помогают возрастать духовно.

Когда тебя поносят – терпи. Если будешь оправдываться – теряешь.

Знай, что монах должен быть образцом для мирян, а не соблазном.

Если будет нужда выйти в мир, пойдешь, но будь весь зрение, весь внимание, чтобы и самому не повредится и никого не соблазнить. Молодым монахам, однако, лучше воздержаться выходить, так как ходят посреди сетей.

Есть деятельная жизнь и созерцательная, поэтому не одевайся только листьями.

Войну враг обычно начинает после трех – четырех лет. До этого благодать все покрывает. Что сейчас прекрасно и поистине прекрасно, может показаться позже нехорошим, черным и помраченным.

Не одевайся только листьями, но пусти корни глубоко, чтобы найти глубинные источники, как делает дерево, чтобы, когда наступит засуха, тебе ничем не пострадать.

Прежде всего – всеконечное, без рассуждения послушание. От этого рождается смирение. Признак смирения – источник слез, три – четыре года. От этого рождается непрестанная молитва, так называемая умная молитва. Слезы тогда являются при воспоминании имени Иисусова и Божией Матери. От этого рождается тишина во всем теле и совершенный мир в душе.

Если обретишь эти истинные слезы, тогда можешь не бояться изменения, потому что делаешься другим человеком. Не потому, что меняется природа, но потому что преображается от Божественной энергии.

Все остальное «обычное» – нужно, чтобы покрывало существенное, как листья деревьев покрывают плоды.

Псалмопение со смирением. Чтобы ум улавливал смысл тропарей.

Тело должно быть в подчинении у души. Что ни делаешь, молитва не должна прекращаться.

Когда молишься, ум должен внимать, о чем молишься, что говоришь. Если не внимаешь тому, что говоришь, как тогда это поймет Господь и даст тебе то, что просишь?

Хорошим обращением и любовью можешь многих исправить, умирить. И если кто имеет хорошие предрасположения, можешь того в малое время обратить в Ангела Божия.

Никогда с гневом не ищи, кого исправить, потому что гнев гневом не исправляется, но смирением и любовью истинной. Когда видишь кого гневающимся, оставь в настоящее время исправить его. Когда умирится и придет в нормальное состояние, тогда можешь сказать полезное.

Никогда не было исправления с гневом, но всегда с любовью. Так и делайте. Возьми пример с себя, когда успокаиваешься: когда поносят или когда обращаются к тебе с любовью?

Помните слово в Отчнике одного старца, что злой и гневливый человек, хотя мертвого воскресит, не войдет в Царство Небесное.

Не думайте, что если освободитесь от одного испытания, не придет другое. Обязательно придет. И если будешь мужественен в первом, то и другие испытания выдержишь.

Искушение внутри тебя. Не видишь разве, что кратчайшая дорога преуспевания – терпеть все находящее.

Верьте, отцы и братья мои, что за каждую душу, которой кто помогал как-то, переносит тот искушения, которые она имела.

Терпи немощи братий, да потерпят и они твои, люби, и тебя полюбят. Будь добрым, и тебе все будут казаться добрыми.

Подчиняй страсти свои и увидишь, как будут почитать не только слова твои, но и взгляд твой.

Ничто так не помогает уменьшить гнев и прочие страсти, как любовь к Богу и ближнему. Любовью легче победишь, чем другими средствами.

Но и когда подвизаешься, не ощущаешь боли, если умом обладает любовь. И чтобы не случилось, вопиешь: «Ради Тебя, Иисусе мой! Ради любви к Тебе, переношу оскорбления, поношения, укоризны, скорби, труды». И когда это помышляешь, тяжесть боли облегчается и горечь демонов исчезает.

Однажды из-за многих тяжелых скорбей возобладала мною тяжелая печаль и возопил я к Богу, изнемогая. И в этой скорби невыносимой услышал я сладкий глас, полный симпатии и сострадания: «Не потерпишь ли все ради любви ко Мне?»

И вместе с гласом полилось у меня множество слез, и раскаялся я в своем малодушии, которое возобладало мной.

Не забуду никогда этого сладкого голоса, вместе с которым водворился мир в душе моей.

Итак, не скорби в печалях и искушениях. Малая скорбь очищает тебя от многолетней болезни. Еще не много и исчезнет.

Искушения, чем меньше терпения у человека, тем более кажутся великими. И чем более утверждается человек их перенести, тем более уменьшаются.

Итак, терпи. Это сейчас тебе кажется тяжелым обрести терпение. Но пройдут годы, и это придет в руки твои, это придет, как твое собственное имущество, ты даже и не поймешь, как это случилось.

Трудись с молодости, не вопрошая «зачем» и «почему». И когда состаришься, пожнешь с избытком от трудов своих.

Мужайся. Многожды падает праведник, но не унывает, встает, опять Господь увенчает его. Нужно потерпеть все это, чтобы смирилась душа.

Мы имеем опытного противника, изобретателя зла, всякого вида прелести, который день и ночь стережет нас, который из света стал тьмой и знает все. Он враг Божий, хочет и нас обратить во врагов Богу. Дух нечистый легко смешивается с духом, который нам даровал Бог, и берет наши силы и движет их, как хочет. Смотрит, что нравится душе и каким образом ей помогает Бог, и тут же подстраивается.

Есть искушения, которые знает человек и их избегает; но есть такие, которые не знакомы человеку, брани мысленные, которые не всякий рассудит легко. Это душевные также изменения, мысленные движения, болезни тела и перемены различные.

Когда Создатель сотворил человека, то вложил в него четыре стихии: сухость, влажность, теплоту, холод, и поэтому при изменении этих стихий страждет человек. И если одна из стихий берет в избытке, больше, чем нужно, заболевает человек.

Иссушается от жары тело, страждет и ум. Увлажняется от дождя тело и страждет, и также и ум. Мерзнет при холодном ветре тело, помрачается и ум.

Знает эти изменения, бывающие в нас, и враг-диавол и тут же действует сообразно изменению. Сообразно с сухостью ожесточает тебя, деля подобно камню, чтобы прекословил, не слушался. Сообразно холодом облекает и тебя в холод ко всему Божественному, рав-

нодушному. Сообразно с жарой – усиливает гнев, похоть в тебе, сотрясет, смущает, чтобы не смог отличить истину от лжи. Так и в другом действует: страждет тело, страждет и душа.

Но в подобных случаях действует и благодать, только наоборот, изменяя все к лучшему, исправляя, восполняя, укрепляя.

Познай, что ты тленный, бедный, нищий и раздетый. С болью и слезами да взыщешь милости Божией, и если Господь дарует благодать, то также со слезами радости и благодарения, со страхом Божиим нужно хранить ее; с теплотой и понуждением себя привлекаешь ее, с расслабленностью и леностью теряешь.

Познав свою немощь, не будешь осуждать и других. Будешь говорить, увидев согрешающего: «Не имеет благодати Твоей, Христе мой, поэтому и согрешает. Если оставишь и меня, то сделаю еще хуже. Стою, потому что Ты меня поддерживаешь, брат не видит, потому и делает так. Открой ему очи внутренние, Господи!»

Три врага воюют против человеческого рода: демоны, сама природа и привычки – кроме этих, других противников нет.

И если хочешь видеть ближнего, как он есть, отними этих трех противников, воюющих на него, сотвори о нем усердную молитву к Богу, чтобы Он помог ему Своею благодатью. И тогда вы будете согласны друг с другом.

От делания человек получает просвещение. «Делание» само по себе слепо; «просвещение» же есть глаза, которыми ум начинает видеть вещи, которых раньше не видел.

Теперь имеют светильник и глаза и видят вещи по-другому. Сначала была благодать деятельная, но теперь она преумножена, теперь ум стал небесным. Видит далеко, однако отсутствует видение. А искушения – как приуготовления к принятию благодати, ибо за благодатью следуют искушения.

«Делание», так называемое, – это не то, что попробовал и бросил. Но «делание» – это шествие на поприще брани, чтобы победить и быть побежденным, приобрести и потерять, упасть и встать, пребыть в борьбе до последнего дыхания.

Когда поднимаемся до неба, нужно ожидать, что ниспадем и до ада.

Когда приходит благодать, ожидай и искушения. Охраняй двери души, исповедывайся каждый вечер, послушание старцу во всем, смирение и любовь ко всем. Этим облегчишь брань.

Благодать разделяется на три степени: очистительная, просветительная, совершенная.

Три великих дарования – видение, любовь, бесстрастие.

«Деянию» содействует благодать очистительная, подвигающая к покаянию. И все, что делается на этой стадии, совершается этой благодатью, хотя человек и не подозревает. Она питает и путеводит. И согласно преуспеянию, которое проявляет человек, восходит, или нисходит, или пребывает в том же состоянии.

И если имеет понуждение и самоотдачу, то восходит к видению.

Итак, молясь, просит оставления грехов, просит милости Божией.

И если ищет великого, когда еще не пришло время, не дает ему Господь. Потому что все приходит в свое время по Божественному порядку.

И если настаиваешь на своем, то попускает духу прелести искушать тебя. Потому не проси сверх меры.

Итак, пребывай в покаянии и послушании ко всем, а благодать придет в свое время и без твоего прошения.

Демоны, когда приближаются, чтобы сотворить с нами брань, подходят не с той стороны, где ожидаешь, а с другой, где имеешь слабость; именно с этой слабой стороны побеждают нас.

Просишь благодати у Господа? Вместо благодати приходит искушение. Не выдержишь искушения, ропщешь – не дается тебе вкусить благодати. Опять просишь? Опять при-

ходит искушение. Опять не выдержишь. Опять становишься недостойн благодати. Необходимо, чтобы ты вышел победителем. Преодолевай искушение до смерти. Падая к бою, кричи ко Господу: «Иисусе мой, Сладчайший! Не оставлю Тебя и ради любви к Тебе претерплю все до смерти!»

Итак, не бойся искушений. Упал, вставай. Не теряй самообладания. Не отступай. Как облака, пройдут искушения.

И когда благодать через искушения очистит тебя от всех страстей и пройдешь все то, что именуется «деянием», тогда вкусит ум просвещения и входит в «видение».

Первое видение есть видение существующего.

Как все премудро устроил Господь для человека, и Ангелов приставил для служения ему!

Какая ценность, какое значение, предназначение человека – это дыхание Божие! Не для того, чтобы жить здесь немногие дни в изгнании своем, но жить вечно вместе со Творцом своим.

Видеть Божественных Ангелов, слышать мелодичное пение их. Какая радость! Какая честь!

Только придет конец этой жизни, закроются глаза эти, сразу откроются другие, и начнется новая жизнь, и радости не будет конца.

Размышляешь об этом и водворяется в уме мир, и великая тишина окутывает тело, и забывает человек обо всем, что есть в этой жизни.

Такое видение сменяется другим не от фантазии, а от движения благодати.

Приходит благодать, и восхищается ум в видение. Изменяется, просвещается, все открывается ему и исполняется мудрости.

Знает, что он ничто, творение, однако и сын Царя. Ничего не имеет, но всем обладает. Истинно богословствует – вот истинное предназначение человека, для этого он и сотворен.

Итак, мужайся, чадо, и этой надеждой превозмогай всякую боль и скорбь, немного и удостоишься этого.

Всё нам открыто, все мы чада Божии. День и ночь Владычица Богородица, Сладчайшая Матерь наша, молится и просит о нас.

Прийдя на Святую Гору, я обрел многих отцов «деяния» и «видения» – людей, стяжавших святость.

Был старец Калинник, истинный подвижник, в затворе подвизался сорок лет; делатель умной молитвы, вкусивший восхищение ума.

Был старец Герасим, крайний безмолвник, родом из Хиоса. Подвизался в умной молитве. От роду 90 лет. Подвизался на вершине горы пророка Илии 17 лет. Боролся с демонами, был столпом терпения, имел дар слез.

Высокий по жизни был старец Игнатий. Был он духовником много лет. 95 лет от роду. Имел молитву умную непрестанную. Имел благодать благоухания из уст своих.

Был иеромонах Даниил, подражатель великого Арсения. Крайний безмолвник. 60 лет без перерыва служил Божественную литургию. В великую Четырдесятницу во все дни делал Преждеосвященные. До конца своих дней ни разу не болел. Литургия продолжалась 3,5–4 часа. Весь он был погружен в Божественную литургию. От слез старца, увлажнялся пол храма, в котором он служил. Поэтому не хотел он, чтобы кто посторонний присутствовал на службе. Но я упросил его с большим трудом, и он согласился. И каждый раз, когда я приходил на эту необычную литургию (три часа нужно было идти к нему ночью), он говорил мне два-три слова кратко, выйдя из алтаря и потом скрывался до следующего дня. Он имел непрестанную умную молитву и ежедневное ночное бдение. От него же и я перенял устав этот и обрел большую пользу. Ел старец очень мало.

Были многие другие, которых я не удостоился видеть, так как они скончались за год-два до моего прихода на Афон. И мне много чудесного о них рассказывали. Много я обошел пещер и гор, чтобы обрести таковых. Старец мой был добр и давал на это благословение.

Сегодня не слышится слова об этих подвижниках. Мир утопает в заботах и вещественном. Охватило людей полное небрежение о умном делании. Не хотят узнать, исследовать, поучиться умному деланию. Но если и услышат о таковых, ополчаются против них, потому что служат страстям своим.

Ум не может находиться в одном состоянии. Особенно у того, кто еще слаб духовно. Нужно его занять в одно время чтением, в другое – псалмопением, в третье – молчанием.

В состоянии молчания ум переваривает то, что узнал из Священного Писания.

И когда питать его новым, хорошим, укрепляется точно так же, как тело, когда принимает здоровую хорошую пищу.

Если дашь ему не хорошее питание, то вместо просвещения помрачается ум. Так же, как и тело, ум устает и хочет отдыха.

Так приобретает опыт отличать хорошее от плохого. Тогда ум становится весь свет, весь здоровье. Видит чистоту души, видит соринки. Терпит искушения. Умножается благодать. Очищается тело от страстей. Умиряется душа.

Тот, кто имеет полное послушание, имеет полную беспопечительность ума.

Итак, ум есть эконо́м души, который носит пищу, какую ему дашь, и спускает ее в сердце.

Сначала ум очищается от всего, что приобрел в миру. Уходит от житейских попечений и, произнося непрестанно молитву, очищается совершенно от мечтаний. И тогда понимаешь, что очистился. Потому что больше не занимается лукавством и нечистотой, которые видел и слышал в мире.

Затем он с молитвой, входя и исходя в сердце, очищает дорогу от всякой враждебности, нечистоты, лукавства – очищает сердце мало-помалу. Начинает ум войну против страстей и демонов, живущих в сердце много лет, о которых и не знал, и не подозревал даже.

Теперь, когда ум приобрел первоначальную свою чистоту, он начинает видеть врагов, воевать против них, как господин в стране – разумной части души. Держа, как оружие, имя Иисусово, он бичует им врагов до тех пор, пока не выдворит их вон, вращающихся и обитающих в области сердца, как диких псов.

Начинает ум очищать смрад и всякую нечистоту, которой осквернили сердце демоны. Затем, как добрый хозяин, приносит хорошую здоровую пищу, которая просвещает и оздоравливает душу.

Во всем этом сопутствует благодать очищающая.

Когда демоны будут изгнаны совсем и очистится сердце, тогда ум воцарится в сердце и возрадуется, как жених с невестой в брачном чертоге.

Творит молитву без труда. И тогда благодать действует свободно, и ум в мире и тишине простирается в видение.

Этому сопутствует страх Божий, вера, крайнее послушание, самоотдача.

И простирается человек к блаженной любви и бесстрастию.

Только бы не принимал ум плохого, но непрестанно из глубины взывал: «Возжажда душа моя к Тебе, Боже мой!»

И смерть ожидает с большой радостью. Когда закроются эти глаза и откроются другие, когда увидят радость непрестающую.

Понуждай себя, чадо мое, к блаженному послушанию, в котором сокрыты все эти блага. И освободится (отдохнет) и старец твой, и с большим желанием и большей радостью будет молиться о вас.

А если не слушаетесь его, то вы получите ущерб, потому что утомляется его душа от скорби за вас.

Это все я испробовал и плодов от этого вкусил, и они сладки. Не видел я большего отдохновения, чем в полном послушании. Похоронил я доброго моего старца, и обрел безмолвие молитвами его.

Итак, трудитесь пока вы молоды, да пожнете плоды бесстрастия в старости. И не только в старости глубокой, но и через двадцать лет, если будете себя понуждать, увидите то, о чем говорю. А если не будете трудиться над собой, то, если и проживете столько, сколько прожил Мафусаил, ничего не достигнете.

Благодать не определяется временем.

Безусловно, послушник быстрее получит благодать, чем безмолвник, только бы не вознерадел. И когда в человека вселится Христос, то может и один и со многими безмолвствовать, и всегда иметь мир в себе.

Благодать Божия не определяется временем, но от образа жительства и от милости Господней.

Опыт деятельный обретается со временем, благодать же – дар от Бога и дается в зависимости от горячности веры, смирения, доброго предрасположения.

Соломон получил благодать двадцатилетним, Даниил в тех же годах, Давид, пася овцы отца своего, подобно им и другие, старые и новые.

Как только истинно покается человек, к нему приближается благодать, с понуждением себя она возрастает.

Ищущий благодати Божией должен претерпеть искушения и скорби, какие бы его не посетили.

Тот, кто познал, что скорби – это дар Божий, то нашел истинный путь Господень. Пришествия их он ожидает, знает, что ими очищается, терпя их, просвещается и обретает Бога.

Велико поистине таинство послушания.

Берегись о помысле против старца твоего. Этого помысла бойся больше всего, бегай от него, как от ядовитой змеи. Имеет он силу великую в нашем роде.

Это изобретение лукавого приносит помыслы против старца, чтобы удалит от тебя благодать, которая покрывает тебя, и сделать тебя виноватым, чтобы потом бичевать безжалостно.

Итак, сохрани слово мое и никогда не принимай помысла против духовного отца твоего, да не поселится он в сердце твоём. Выброси его, как ядовитую змею тотчас же.

Так хранись и в малом и в великом, что без благословения духовного отца твоего ни молись, ни давай милостыни, ни что другое делай.

Так как Саул, которого избрал Господь от всякого колена Израилева и помазал во царя, не соблюл полного послушания Самуилу и удержал лучшее от жертвоприношения, он был отринут Богом.

Поистине велико таинство послушания.

Если Сладчайший наш Иисус, первый в этом проложил дорогу, в образ подражания, поэтому долг наш в этом Ему последовать.

И я, чадо мое, стараюсь жить в таком любезном мне послушании. И поэтому искренне исповедую со всей силой и полной уверенностью, что другой дороги спасения, стоящей вне всякого заблуждения и энергии диавола нет, как эта. И всякий, желающий спастись и найти кратчайшую дорогу к Иисусу Сладчайшему, должен оказывать послушание. В старце своем нужно видеть самого Христа.

Старайся, чадо мое, ни в чем не преслушаться духовного отца своего. И если опечалится на тебя Господь, имеешь старца своего предстателя за себя, а если опечалишь старца своего, кто помолится за тебя ко Господу?

Постарайся по силе своей облегчать труды старца твоего, чтобы иметь и тебе облегчение и терпение в скорбях твоих.

Сколько страдает старец, чтобы душа послушника очистилась и вошла в рай, а если она еще трудного характера?

Всякое слово грубое, которое скажете в момент искушения (а происходит оно от диавола), наполняет горечью как ядом душу духовного отца, сушит и топчет его как цветок.

Когда же послушники действительно послушны, то старец их больше возвышается, просвещается от Господа для пользы и утверждения своих подопечных.

Если хочешь быстрее преуспевания, постарайся отсекай волю и разум свои.

Все, что скажет старец, принимай как из уст Божиих, исполняй то без ропота и храни мир.

Не скрывай помыслов от старца своего. Лови каждое слово от уст старца и сразу исполняй, не исследуя хорошо то или плохо.

И не слушай помысла, советующего в трудное время оставить обитель свою.

Знай, что неподчиняющийся подчинится многим и пребудет до конца неисправным.

Итак, оба вида молитвы хороши: устами и умом. Второй более трудный, но и более плодотворный.

Я оба образа использую каждый вечер. Сначала начинаю устами, и когда устану и не найду больше плода, тогда заключаю ум в сердце.

Знал, я одного брата, 28–30 лет, который погружал ум с молитвой в сердце, и не позволял выйти ему оттуда с 9 часов вечера до 3 часов ночи; чтобы знать время пользовался будильником. Так трудясь в молитве, он покрывался потом. В остальное время он исполнял прочие свои обязанности.

Молитва своими словами, умно, без голоса, как прошение, просьба.

«Боже невидимый, Отец, Сын и Дух Святой, едина сила и помощь всякой душе, един Благ и Человеколюбец, жизнь моя, радость и мир».

И действует благодать, открывается дверь и достигает врат небесных, как огненный столп восходит молитва, и в это время бывает благодатное изменение.

Если же не действует благодать и происходит рассеянность ума, тогда нужно погружать ум в сердце, заключать как в норе и безмолвствовать от всякого помысла.

По опыту знаю, что если благодать Божия не просветит человека, то и слова, сколько бы не говорил, не принесут пользы.

Если же вместе со словом действует и благодать, то в это время бывает изменение в человеке, и если он имеет доброе предрасположение, меняется чудесно жизнь его в тот час. Это бывает с теми, кто не ожесточил слух и совесть.

Для других, слушающих и в не послушании пребывающих, но и своим похотям ходящих, для них хоть и день и ночь говори и всю мудрость отцов приводи, и чудеса твори перед очами их и течение Нила повороти вспять – они не получают и капли пользы.

Потому что молитву Господь всегда слышит, тогда как от празднословия всегда отвергается, хотя и кажется, что с виду это духовная беседа.

Опыт не покупается. Есть личное достояние по трудам каждого, и кровь свою нужно дать, чтобы его приобрести.

Не бойтесь болезней, хотя бы пришлось всю жизнь страдать.

Господь вблизи, зачем смущаться? Им живем и движемся. В объятиях Его находимся, Богом дышим. Куда не повернешься, куда не помотришь, везде Господь: на небе, на земле, в бездне, в деревьях, в камнях, в уме твоём, в сердце твоём. Итак, разве Он не видит, что страдаешь?

Молитва, вращающаяся внутри сердца, никогда не связана с обольщением. Для других образов молитвы существует опасность прелести, потому что легко к ним приближается воображение и входит в ум обольщение.

Испытал я всё, все образы молитвы, с помощью Божией.

Итак, этот образ сердечной молитвы используем, чтобы держать ум в сердце. И когда посетит благодать, восхищает ум в видение и возгорается сердце Божественной любовью и весь исполняешься любовью.

Тогда ум обретается в полном единении с Богом. Как железо, раскаленное в огне, становится единым с огнем. Не меняется естество железа, и когда огонь прекратится, опять возвращается в естественное свое состояние и жесткость.

Это называется созерцание, видение, и водворяется тишина в уме, и умиряется все тело. Тогда и словами, и своими молитвами молится молящийся и восходит в созерцание без погружения ума в сердце.

Умная молитва способствует приходу благодати. Когда посетит благодать, ум не рассеивается и тогда все виды молитв использует, испытывает все.

Демоны это духи, которые имеют некоторое сходство с нашим духом, с умом.

Ум, как питатель души, всякое духовное движение – образ и помысл – направляет в сердце, сердце же передает это разуму.

В нашем примере ум, как источник, если он возмущается нечистым духом, то эту нечистоту передает в сердце, сердце, помрачившись, сообщает это разуму. И помрачается и затемняется тогда вся душа.

И тогда место созерцаний занимают мечтания. Таким-то образом и родились все заблуждения и ереси.

Когда же человек вкусил благодати, постоянно внимателен к себе, имеет страх Божий, тогда, если приближается лукавый, видит: что-то не так, как нужно. Тогда ум, сердце, разум и все силы души обращаются к Тому, Кто может спасти. От Того, Кто в состоянии разделить простую воду от соленой воды, от горячего со слезами прибегания к Нему исчезает обольщение и узнаешь способ, как избежать прелести.

Тогда приобретаешь опыт. И славословишь и благодаришь Бога, просвещающего ум познавать и избегать сетей и уловок лукавого.

И я поистине говорю, что побывал во всех убежищах, норах врага, борясь жестко в борьбе с ним с помощью благодати Божией. И сейчас, если случается какой больной, того врачевываю благодатью Божией от болезней помыслов и обольщения прелести. Достаточно того, чтобы был послушен.

Если вы любите умную молитву, плачьте и рыдайте, ища Иисуса.

Все святые прибегали и к Богородице нашей. И я, грешный, вопию не преставая: «Матерь моя, Сладчайшая Матушка моя, в руки Твои душу мою предаю».

Прежде, чем нашел я старца своего, имел я обычай в глубине пустыни Афонской, где только звери, сидеть два – три часа и плакать неутешно так, что земля намокала от слез, и устами творил молитву. Творить умом не умел еще, но просил Всесвятую Матерь и Господа, да даруют мне благодать умной молитвы, как пишут в «Добротолюбии» святые отцы.

В один день случились мне многие искушения. Весь день этот я вопиял ко Господу со многой болью. К вечеру, когда заходило солнце, обессилил я от поста и многих слез. Смотрю на церковь Преображения на вершине и прошу Господа, уязвленный и обессиленный, и почувствовал я как некое дуновение изошло оттуда и наполнило душу мою не изреченным благоуханием. И ощутил я, что сердце, как часы, начало творить умную молитву.

После этого, опустив подбородок на грудь, я начал творить умную молитву.

Произнеся несколько раз, был восхищен умом в созерцание. Пребывая в пещере при закрытом входе, обрелся я вне, на небе, в месте чудном с большим миром и тишиной в душе.

Полное отдохновение. И здесь просил я Господа, да не вернусь я обратно на землю, в мир этот, но да пребываю здесь.

Затем, после утешения Господня, опять пришел я в себя и обрелся внутри пещеры. Только молитва умная не перестала твориться внутри меня.

После этого начались искушения непрерывные день и ночь. И часа не мог я отдохнуть.

Шесть часов проводил я сидя в молитве, не позволяя уму выйти из сердца. Пот лил ручьями. Болезни и слезы. Пост непрерывный и бдения всеобщие. Потом падал в изнеможении.

Восемь лет мучений. Ушли демоны и кричали: «Нас опалил! Опалил нас!» Одну ночь случилось их услышать одному ближнему брату, спросившему: «Кто они, что они так кричат?»

Однако в последний день по поущению Христову больше обычного потерпел я от них так, что думалось, что они меня сожгли, а не я их, так сильно действовали в мертвенном моем теле страсти, как в совершенно здоровом.

Дверью затворенной вошел кто-то и начал разжигать меня к похоти. Вижу перед собой демона в образе вонючего козла. Схватил я его и ощутил, как щетину кабана, и стал он невидим. Осталось ощущение щетины и сильного зловония.

С этого времени в душе моей водворился мир и полностью прекратили действовать нечистые страсти в теле.

Обычай мой: вкушение пищи один раз в день, немного. С мерой хлеб и варево. И на Пасху, и в заговенье одно было блюдо у нас раз в день.

Во весь год всеобщие бдения.

Этот обычай переняли мы с отцом Арсением от одного безмолвника и святого старца иеромонаха Даниила. В то время много было святых старцев.

Был один русский старец. День и ночь проливал он непрерывно слезы. Удостаивался откровений. Превзошел многих древних святых. Говорил: «Когда увидит кто Бога, не может говорить, только плачет от многой радости». Имел дар предвидения, потому что провидел приходящих.

Здесь на Афоне земной рай. И если кто положит начало жизни жесткой, возвышенной, делается святым. В противном случае, если начнет жизнь немного пространную, затем, позже, спускается по наклонной. И иной раз делается хуже мирского.

Одно время, когда благодать помогает, монах чувствует себя, как в раю, делается как Ангел в теле.

Главное значение молитвы: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя» – в очищении сердца. Господь сказал: «Блаженны чистые сердцем, яко тии Бога узрят». Не сказал: блаженны видящие видения, откровения. Поэтому не надо этому радоваться, хотя бы они были и от Бога, но радоваться, когда видишь ум пребывающим в сердце и чисто молящимся.

Отсюда умиряется тело от страстей, погружается в тишину душа, происходит взыграние сердца, ум управляет всеми силами души, бегут слезы умиления.

Все может произвести лукавый, подражая, но то, что мы сказали выше, не может совершить. И если ум видит что-то при этом, не нужно говорить никому, но только одному старцу и духовному отцу, но никому другому.

Поэтому нужно большое внимание и смирение, считая себя последним червем земли. Только нужно точно все говорить духовному отцу об этом, и что он скажет только, то принимать за истину, иначе заболит духовно, потому что доброе состояние преобразуется в демоническое.

Все нужно совершать в своем чине, тогда дело пойдет хорошо.

Прежде всего, нужен крайний пост, чтобы утончилась кровь, смирилось сердце, в котором пребывает непотребная сласть. К этому добавить нужно ночные бдения, чтобы помочь молитве.

Затем нужно внимать уму, чтобы не опускался в нижнюю часть сердца, имеющей сообщение с подгревными органами.

Не принимать никаких образов. Но удерживать ум недвижимым вверху сердца.

Когда посетит благодать, тогда разрушатся все планы лукавого.

Приходит она, как тонкое дыхание, как тончайший благоухающий воздух. Но прежде этого плоть умерщвляется, а душа воскресает. Ум тогда просвещается.

Собирать ум и придерживать в сердце и говорить медленно, медленно молитву.

С вдоханием ум спустится в сердце. Затем с дыханием молитва входит и исходит, а ум пребывает внутри.

Понуждай сдерживать. Да не будет исход ума из сердца частым. И если он там утвердился, то придут все добродетели любовь, радость и прочие.

Но нужен труд и пот в начале делания молитвы.

Умная молитва, как писали ранее: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Она произносится так: с дыханием низводим ум в сердце, как говорят все отцы-безмолвники, и сдерживай дыхание сколько можно больше, внимая словам молитвы.

Вначале большой труд, потому что ум еще не имеет привычки не рассеиваться, но через некоторое время он научается пребывать в сердце нерассеянно.

Видел я брата, который держал ум в сердце без всякой мечтательности целый час, а иногда более.

Трудом добывается молитва, но затем произносится без труда и с чудным изменением.

Чтобы возрастал внутренний человек, умирились бы страсти, появился бы плод благого труда твоего, необходимо все связывать непрерывной молитвой.

Когда трудишься, твори постоянно молитву устно и умно.

Когда творишь постоянно устами, затем продолжит ум. Затем ум сообщает сердцу. Здесь также труд и дело трезвения. Содержи с понуждением там ум пленником, чистым, внимая только движению молитвы при вдохе и выдохе вне сердца.

Тогда ум не успевает образовывать помыслы рассеянности, очищается благодаря молитве в течение времени. И не находит больше удовольствия в лукавых пожеланиях и не желает пребывать праздным. Но горит желанием памяти Божественного имени и любви ко Спасителю Христу.

Итак, дитя мое, твори тайное поучение, и будет рай в душе твоей.

Монах, который не знает умной молитвы, не понимает, зачем стал монахом.

Чтение просвещает ум и помогает в молитве. Телесный труд, если он умерен и не сообщает беспокойства, очень полезен и ведет ко смирению.

Когда кто привыкнет говорить каждому «прости» и во всем укорять себя только и не взыскует правды ни от кого, и своей воли не творит, быстро начинает вкушать от плодов смирения. Достаточно, чтобы имел только терпение.

С любовью и простотой, без многих помыслов быстро достигнешь вышней пристани.

Облобызай в объятиях своих икону Божией Матери, как живую, как маму свою, когда был маленький. Говори всю боль твою, плачь со слезами чистыми и невинными перед ней и проси постоянно.

Она будет предстательствовать перед Сыном Своим, Который так Благ и любит благих и милует плохих и прощает кающихся грешников.

Он откроет умные очи души твоей и наполнит сердце твое любовью и Божественным желанием.

И тогда станут очи твои двумя источниками слез. Этого я тебе и желаю.

Когда видишь, что утомляется ум, твори молитву устами, а затем опять умом.

Сначала это трудно, но пройдут годы, – и молитва пойдет сама. Она постоянно очищает человека от всех страстей.

Молись своими словами Господу, чтобы простил, вразумил, просветил, наставил на всякую истину, покрыл, защитил от всяких козней лукавого, ниспослал свою милость и благодать.

Из бесед с афонским монахом Иосифом Ватопедским

Старец Иосиф соблюдал тот образ молитвы, который восходил к Паламитскому богословию. Неким сокровенным образом вновь возникли условия для его возрождения на Афоне. Старец свидетельствовал, что он страдал от этого в одиночестве, так как многие монахи осуждали его, как впавшего в прелесть. Старец же Иосиф следовал по пути святоотеческого богословия и подвизался за то, чтобы обратить путь Афона к Паламитскому богословию, к внутреннему обращению.

– Ведь для нас, монахов, реальностью является то, что монах есть ум, зрящий Бога. И остальные добродетели мы рассматриваем, как орудия, необходимые для очищения и просвещения, они – средства для достижения полноты. Однако, монах как ум, должен усовершенствоваться через внутреннее обращение, и тогда приходит соприкосновение человека с Богом, когда происходит просвещение или очищение сердца. Именно это сказал самарянке Господь наш: «Бог есть Дух и ищет поклоняющихся Ему в духе и истине». И, собственно говоря, монах занимается именно этим. Итак, видите, что именно ум есть способ нашего общения с миром. Следовательно, если мы хотим отринуть все безрассудства и извращения, и снова соединиться с Богом, то мы это делаем через ум. А извращения, в свою очередь, влияют на наши чувства и ум, и если ум не сопротивляется, то пленяет его и приводит к безрассудству. Однако если ум здоров, он не позволяет чувствам приближаться и желать неразумия. Ум контролирует их, поэтому монах действительно рассматривается как ум, зрящий Бога. И поэтому подлинное делание монаха – соблюдение ума. Когда ум испытывает чувства, это происходит так. Ум стоит на должном месте, запрещает безрассудному приближаться, а разумное заставляет молить о единении с Богом. Мы приходим в соприкосновение с миром, как с чувственным, так и с разумным через помыслы. Если ум здоров, он схватывает мысли и судит их. Если же он не бодрствует, тогда приходит безрассудное, пересиливает и одолевает. Внимание ума – необходимая обязанность для всех христиан, но для мирских людей это – трудно, потому что они имеют обязанности, для нас же монахов это – дело легкое. Та свобода, которую мы имеем от внешнего окружения, позволяет нам держать ум. Первая стадия, которую, как вы знаете, проходили и ваши отцы, состоит в том, что монах полагает начало в памяти Бога, держа имя нашего Господа Иисуса, давая работу уму через это имя. Имя Господа нашего Иисуса Христа – не просто слово, это – энергия, это – сила. Итак ум, держа имя Христово, пребывает постоянно бодрствующим, и не позволяет прилогам приближаться, он схватывает их, испытывает и спрашивает: *Чей ты, наш, или враг?* Вы это, наверно, знаете сами, так как вам об этом достаточно говорили ваши преподобные отцы.

Действительно, ваш народ и ваша Церковь пережили много страданий из-за коммунистического режима. Сейчас от вас, от ваших монахов требуется вновь начинать все сначала. И вы можете научить и наш, и другие народы, потому что для Православия не имеют значения территориальные и языковые различия. А у нас, монахов, двойная обязанность – обрести самих себя и передать собранное в нас, то, что называется практическим учением народу. Христианство свидетельствует – и это вы должны передать вашему народу – что мы находимся при последних днях, и существует множество обольщений. Надо постоянно напоминать народу, что христианство есть Откровение, оно не принимает никаких прибавлений, или изъятий. Ибо придет Тот, *через Которого все*, мы познали Его лично, практически и следовательно, как Церковь, не нуждаемся ни в приложениях, ни в изъятиях, ни в развитии, поэтому народ наш пребудет с Богом, именно поэтому так беснуются те, кто чужд Церкви. Вот это и надо объяснять. Мы не учим человеческим учениям и не выдвигаем на первый

план человека. Мы приближаемся непосредственно к Самому Богу, и умоляем Его простить наши прегрешения, даровать Свою благодать и соединить нас с Собою. Таким образом, вы можете собрать народ, научить его не обольщаться уловками и обманами века нынешнего. Вы видите, что Господь наш ясно говорит: *Не всякий, говорящий мне «Господи, Господи», войдет в Царство Небесное, – не тот, кто повторяет, что Я есмь Бог, но тот, кто соблюдает Мои заповеди и любит ближних.* Христианство есть практический личностный жизненный опыт, а не абстрактная идеология.

Требуется усилие, для того, чтобы обрести молитву, легкость в молитве, пока – без того, чтобы мы могли держать ум, но чтобы мы научились терпению способом молитвы. Один из наших паломников написал книгу «Терпение в молитве», о молитве произносительной. Устная молитва нужна для того, чтобы ухо слышало то, что говорит ум. Если ты обретешь внешнюю молитву, тогда молитва пойдет изнутри, тогда призываемый Господь даст тебе молитву. Здесь у меня подвизаются молодые люди, они пришли два года назад. Мы сразу погружаем их в молитву, и через два-три месяца они обретают в самих себе чувство боготворящей любви, и молитва их не прерывается даже тогда, когда они спят. Это зависит и от характера. Люди с более простыми характерами легче схватывают молитву. Более жестким характерам требуется больше усилий. Но необходимо терпение в молитве для того, чтобы в ней появился навык, и тогда невозможно, чтобы не была дана благодать, да не будет. Далее самое сильное оружие для того, чтобы достигнуть успеха в молитве – личное стремление к обретению благодати. Самая большая польза для монаха – в его келье. Потому что каждый должен иметь жесткую программу, чтобы удержать свое личное молитвенное усилие в келье, чтобы сосредоточиться в самоукорении, и основание этого – смиренномудрие, благодаря которому он сможет упорно держаться молитвы. Весьма помогает исповедальный способ молитвы, когда вы в своей келье обращаетесь к Христу, с болью, смирением и покаянием, умоляете: «Молю Тя, Всеблагой, стражду, помоги мне, Ты меня избави, сам я не могу». Этот способ молитвы очень полезен. Если же этот способ молитвы не помогает (ибо если человек не хочет, то и Божественная благодать ему в этом не пособляет), – возвращайтесь к обычной молитве, а если и это не помогает, займитесь размышлением – чтением святоотеческих книг. К этому вообще необходимо обращаться во всех случаях жизни и не оступится тот монах, который изучает эти творения.

Существует общий устав обители, который мы сохраним – с послушаниями, служениями и т. д. Но не забывайте, что монах – один. Когда он остается в своей келье один на один пред Богом, сосредотачивается, предстоит пред Христом нашим, и начинает говорить. И мы тогда чувствуем нашу немощь, наше недостойнство, мы плачем, с покаянием терпеливо взываем к Нему. Много раз нисходит на нас благодать и помогает нам, и долго мы говорим с Ним. Как вы знаете, исповедальный способ молитвы самый совершенный для того, чтобы удержать ум, чтобы тот не рассеивался. Потому что рассеяние возможно и при Иисусовой молитве, и в слушании проповеди, и во время богослужения, но во время исповедальной молитвы присутствует, потому что сам ум и рождает слова. Поэтому очень прошу вас, упражняйтесь в этом способе и начинайте с исповедальной молитвы. Если же в исповедальном молении благодать не снисходит либо мы не находим слов и чувствуем сухость, немедленно меняйте способ молитвы, начинайте Иисусову молитву. С терпением взывайте: «Господи Иисусе Христе», – и понуждайте ум, удерживая его насколько можно. И если это не помогает, и еще не закончилось время вашей молитвенной программы, то тогда занимайтесь поучением в святоотеческих мыслях. Все это равноценно по своим результатам, и монах, идущий таким путем, не преткнется.

Как монахи мы размышляем о том, что такое монашеское житие, мы размышляем и над писанием, но в особенности жития отцов есть наше собственное богомыслие для познания истины.

Необходимо, чтобы монахи навыкли молитве, чтобы они стяжали молитву, научились ее искусству, чтобы молитва вошла внутрь, чтобы они научились терпению. Требуется усилие, употребляющие усилие восхищают его.

Наши монахи употребляют усилие. С большим усилием, с большим напряжением они вопиют целый день: «Господи Иисусе Христе, Господи Иисусе Христе!» Они привыкли. Сейчас они не могут не говорить этого, потому что молитва вошла внутрь их. Потому что они непорочные, чистые дети и смиренные. У них нет своей воли, и они пребывают в послушании. Всегда требуется усилие, не разочаровывайтесь: кто пытается, тот обогатится. Вот книга, в которой проведено сравнение опыта, о котором я говорю, с опытом древних отцов. Она называется «Деяние и созерцание», она очень полезна. Есть прекрасная богословская работа. Она называется «Афонское свидетельство: Деяние и видение». Это другая книга. В ней много разных слов – праздничные, богословские, умозрительные. А вот – пророчества преподобных Отцов наших о конце мира и об Антихристе.

Мы исследуем приближение этих времен из Откровения Иоанна Богослова. И недавние отцы здесь, в Греции, изрекли те же самые пророчества о наших временах. И сейчас знамения времен являются явными в том, что конец приближается. Мы сами ничего не говорим о себе, но сравниваем то, что говорили отцы наши, с Апокалипсисом, и приближаемся к тому, что увидим и как все это явится. Поэтому не мы говорим, но отцы говорят, и, видя знамения времен, я свидетельствую, что приближается время пришествия. Говоря вкратце, замечу, что мы почти находимся в сфере конца света, мы уже приближаемся к ней и уже многое проявилось. Но не это занимает нас, потому что жизнь для нас – Христос, а смерть – приобретение. Нас интересует не приближающееся время, а мы сами – чтобы мы очистили наши сердца и стяжали Бога.

Отец Иосиф поучает, что смирение есть деяние нашего произволения.

– Взвизывая на Начальника спасения Иисуса Христа, мы должны помышлять о том, что Он смирен сердцем, и что имеет Христос, то должны стяжать и мы. Поскольку Христос есть образ смирения, то и мы должны быть смиренными. И тогда мы понуждаем нашу самость к смирению, но это требует усилий. Покаяние также весьма помогает в обретении смирения. Человек виновен не только тогда, когда совершает преступления. Монах виновен тогда, когда его оставляет святость. Мы восприняли благодать освящения от крещения и от схимы. От пострига. Где же наша святость? Откуда у нас скверные мысли и страсти? Пусть об одном этом думает монах, и это приведет его ко смирению. Действительно, самоукорение – это самое совершенное орудие для того, чтобы достигнуть смирения. Сейчас я пишу огласительное слово «Деяние и созерцание». В результате большой работы я собрал из всей патрологии весь опыт наших отцов от Альфы до Омеги, от деяния до видения. Надеюсь, это поможет вам.

Далее отец Иосиф говорит, что мы пытаемся с чувством нашего недостойства и греховности вызвать состояние умиления, и о том, что нужна благодать.

– Но если благодать не приходит, это не означает, что мы потеряны. Монах скорбит по причине своей греховности. Если же благодать принимает его приношение, то есть его скорбную печаль, она дает ему и слезы благодати. Но если и слезы ему не даются, то это еще не означает, что монах потерян. Потому что слезы от него не зависят, от него зависит состояние скорби. Он понуждает себя к скорби, чувствуя, что огорчил Бога. И, если он будет упорно держаться этого делания, придет и благодать, и, наконец, умиление. Очень полезно молчание. И пусть он не слушает бесполезные для него разглагольствования и не обращает внимания на помыслы. Они внешне устойчиво держатся потому, что ум не имеет деятельности, не имеет молитвы. Поскольку мы не даем работы уму, его захватывает в свои тенета диавол и терзает его. Поэтому надо пребывать в упорной молитве. Много раз когда чувствуется сила помысла, тогда монах пытается уйти своим умом от помышления, которое мучает

его и направить свой ум на что-то другое – на вещь, крест, память смерти, сделать перерыв, а затем – иметь время, чтобы воззвать ко Христу. Это – самое начало борьбы. Важна молитва. И ее количество и качество зависят от нашей собственной настойчивости. Но все это упорядочивает благодать Божия. Поэтому вначале к молитве должна быть привычка, чтобы в нас царствовало стремление к молитве. С первого раза это не получается. Поэтому мы должны очень стараться. Чтобы приобрести привычку к молитве. Должен быть большой, многолетний навык к молитве. Тогда ум становится свободным от страстей и он привыкнет к молитве. А вначале требуется значительное усилие, чтобы извести ум из страстей. Молитва должна быть непрерывной. Она должна совершаться в непрерывности ума, во взирании на Начальника и Совершителя нашего спасения – Иисуса Христа, в постоянном помышлении о Христе. Для нас, монахов, не существует ничего, ни небо, ни земля, ни Ангелы, ни рай, существует только Один Единственный Центр нашей любви, наше Стремление, наше Желание, наш Ум, наше Деяние – Иисус Христос.

Старец Иосиф Ватопедский. Слова и собеседования. Салоники, 1989 [На греческом языке]. Перевод схиеродиакона Кукши.

Борис Константинович Зайцев (1881–1972) АФОН

«Светлые воды Архипелага»... да, светлыми водами этими встретил меня Афон, больше сорока лет назад. Афон греческо-русский, сербский, болгарский, румынский, всегда православный – для меня, конечно, прежде всего русский.

Я был путник, пилигрим, «поклонник», как там говорят. Жил в русском монастыре св. Пантелеймона, одном из крупнейших на Афоне. Оттуда совершили мы с незабвенным иеромонахом Пинуфрием объезд всего Афона – на лодке до южной оконечности полуострова и самой горы Афон, венчающей его, дальше пешком до Лавры св. Афанасия, опять на лодке вдоль берега на север до Ватопеда, затем на «осляти», переваливая через хребет лесистый, узкую тропинкою (на Афоне нет дорог), вновь в родные края русские – в монастырь кроткого Юноши-Целителя и мученика св. Пантелеймона.

Немало он претерпел при жизни, но не окончена его страда. Суждено мучиться ему – в творении своем – и ныне. Кому мешал, кого обидел безобидный Пантелеймон? Не нашего ума дело.

Вот и дошла до нас весть: старец в монастыре св. Пантелеймона затопил вечером печку. Все там ветхое, как и сами насельники. Накопилась ли в трубе сажа, труба ли попортилась, только загорелось где-то на чердаке во время утрени (начинается на Афоне в час ночи), запылало под крышей. Ночь осенняя, бурная, ветер ворвался, раздувает, куда справится старикам с пламенем бушующим!

Пожар пожирал детище св. Пантелеймона. «Иеромонах Серафим от скорби внезапно заболел и его немедленно отправили в госпиталь в Салоники». А пожар не унимался. Надеюсь, не весь монастырь погиб, – все же дело серьезное, это чувствуется по вестям здешним и из Америки. Еще удар по православию русскому, и так уже многострадальному.

* * *

В 1927 году на Афон отправился молодой поэт Дмитрий Шаховский, пробыл там сколько надо и вернулся монахом, там и принял постриг (ныне он архиепископ Сан-Францисский Иоанн). По литературе, да и лично я его знал. Теперь встретились мы несколько необычно: это был не редактор литературного журнала «Благонамеренный», а инок в рясе, все для него – Афон. Вслед беглой встрече я захотел углубления. Он назначил встречу в Сергиевом Подворье, в 7¹/₂ ч. утра. Я покорно встал в шесть, и в полуподвальном, полутемном закоулке Подворья он подробно рассказал мне об Афоне. Значит же, хорошо рассказал! Денег не было ни гроша, но они явились – знаменитое слово профессии нашей: аванс. В мае плыл я уже «по хребтам беспредельно-пустынного моря» к таинственному этому Афону.

В книге, вышедшей через год, путешествие мое описано. Событием оказалось оно для меня. Сейчас горе Афона всколыхнуло бывшее, столь незаслуженно прекрасное.

Как и что там теперь, на смиренном «Земном Уделе Богоматери»? Что погибло, что уцелело из тех зданий монастыря св. Пантелеймона, где я провел некогда «семнадцать незабываемых дней»?

Пешком входил в монастырь, поселился в гостинице монастырской – огромном корпусе, где бесконечными коридорами можно прямо пройти в церковь Успения Божией Матери (главный действующий храм обители). Гостиница чуть не на двести номеров. Мы жили в ней вдвоем, турист-немец да я.

Такой жизни я никогда не знал, ни до, ни после. Состояла она в чередовании служб церковных, чтений у себя в номере, беседах с монахами, небольших прогулках и пятидневном объезде других монастырей и скитов.

Службы на Афоне длинные. Утренняя начинается в час ночи, до шести. Затем ранняя обедня, потом поздняя. Завтрак. Отдых. Вечерня... – и так далее.

Только несколько суток отдал я полному обороту богослужений (а другие дни – поздняя литургия и вечерня).

Не забыть мне таинственного хода по длинейшим коридорам гостиницы, из моего номера прямо в церковь, в конце, мимо уже монашеских келий. Выползают из них, как ветхие жучки, седенькие монахи, тоже бредут в храм, там смиренно будут полудремать в стасидиях своих, пока вычитывает бесконечно канонарх. Для «мирского» непривычного, да и нелегко. Но торжественность и величие есть в этом утреннем безмолвном стоянии слабых телом, полуголодных людей перед лицом Бога, ночью, на пустынном полуострове страны древней. Рассвет застает в церкви. Из окна смутно белеет серебристо-синеватое море. Помню, донесся гудок пароходный – голос «мира» – и иеромонах Иосиф возгласил как бы ответ из алтаря:

– Слава Тебе, показавшему нам свет!

На что хор, скромно-старческий, отвечает великими словами: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!»

Усталый, но и легкий возвращаешься к себе. Гостинник, о. Иоасаф, монах неразговорчивый, но умный и внимательный, подает чай. Движения его медлительны и музыкальны, точно выходит он из алтаря со св. Дарами. Так же торжественно и уносит свои чайники. Начинаешь читать.

Что читаешь? Не газету и не фельетон. «Мир» и его дела временно за бортом. А есть нечто и более интересное: например, о св. Ниле Мироточивом, из Афонского Патерика.

Был такой отшельник Нил, и за святую жизнь получил свойство, что когда умер, из тела его истекало целительное миро. Ручейками струилось оно в море. За этим миром приплывали издали многие верующие на каиках, так что самое место под утесом получило название «корабостасион», стоянка кораблей.

«И при этом рассказывают, что ученик, оставшийся после св. Нила, бывший очевидцем скромности и глубокого смирения своего старца при земной жизни, не вынося молвы от множества стекающих мирян, тревоживших покой св. Горы будто бы решил жаловаться своему прославленному старцу на него самого, что он, вопреки своим словам – не имеет и не ищет славы на земле, а только на небесах – весь мир скоро наполнит славою своего имени и нарушит чрез то спокойствие св. Горы, когда во множестве станут приходить к нему для исцелений. И это так подействовало на св. мироточца, что тогда же миро иссякло».

Патерик не утверждает – («рассказывают») – передает как бы легенду. Типично в ней, однако, что Афон более созерцателен и молитвен, чем действителен. Молитва за себя и за мир – выше реального врачевания. Прославление божества, в тишине благоговейной, как бы выше действий на пользу ближнему земному.

Но тогда, а афонской гостинице, я размышлениям не предавался. Владело мной очарование поэзии, природы, надземного. Я вдыхал мир особенный и высокий. Над-жизненный, хоть проявлялся он будто в обычных, земных об ликах.

* * *

Вдоль всего ряда наших комнат тянулся снаружи балкон, перила его увиты виноградным листом, какие-то цветы под окнами моими розовели и белели. По этому балкону я любил бродить, как бы по некоему воздушному мосту, с которого широко раскрывался вол-

шебный мир афонский, мир Божий в ласке солнца майского. Ниже – купол собора (гостиница как-то выше расположена), здание библиотеки, где застенчивый и нервный иеромонах Виссарион разыскивает для меня книги. Вдали море в дымно-синеватом тумане, соседний полуостров Лонгос, и еще дальше воздымается в небо полумистическая призрачно-белая глава Олимпа снегового – обиталище побежденных богов. Христос низверг Громовержца. Терновый венец победил Силу.

Но и в Зевсе этом, и во всем сонме богов выражалось все же (предшественно) надземное тяготение человечества. И сейчас восстает этот Олимп побеждено-вечным призраком белоснежным как-то не зря, как не напрасен этот сияющий и волшебный майский день. Он и «сам по себе», и выражает нечто высшее, чем просто полдень на афонском полуострове.

Недалеко от меня, на том же уровне, приемная зала монастыря – для посетителей, в прежние времена не таких, как я: митрополитов, архиереев, великих князей, генералов и адмиралов.

После прогулки по балконам можно зайти и сюда, мне дали ключ от залы.

Тоже старина и пустыньность. Но это недалекий век – девятнадцатый (хотя кажется он теперь дальним, особенно его начало).

Портреты, диваны, кресла, ярко начищенный паркет, через него дорожка коврика, фикусы, напоминающие детство, сладковато-затхлый воздух нежилого помещения – и вот бредешь по коврику диагональному, среди признаков, сам, может быть, тоже призрак...

А внизу, недалеко отсюда, есть странное помещение, называется «гробница».

На Афоне такой обычай: хоронят как раз не в гробах, а обертывают тело пеленами и кладут в землю *временно*. Через несколько лет выкапывают, собирают скелет, отделяют череп, и все это складывается в некую как бы часовню: это и есть «гробница». Черепа на одних полках, кости отдельно. Есть и оценка: если рано освобождается кость от плоти – это хорошо. Если не совсем, кладут вновь в землю, «дозреть».

Хорошо, если кость светла, блестяща: признак высокой духовности усопшего.

Все это древность уже не девятнадцатого века. Ее истоки – нерусский восток. У нас так не хоронили.

* * *

Может быть, старец, от скорби заболевший, был именно тот, кто затопил печку... – во всяком случае, горе невольного поджигателя разделяешь всемерно – не дай Бог оказаться в его положении.

Он моих строк не прочтет, все равно, говорю, как по радио, в пространство, но и для него. Он не при чем, он орудие. Значит, надо было еще пострадать делу духовному в земном облике. Все это область высшего Плана. Афон же был и есть, он существует, пожары и несчастия могут его уязвлять; как и всем, ему суждено страдание – тут выражено оно в форме резкой, отчасти и примитивной. Но Афон независим от пожаров, нашествий иноплеменных, иконоборцев и атомных бомб – мало ли что может придумать наш милый век...

Афон есть образ духовный, никаким бомбам неподсудный, а, как все живущее, бедам подверженный.

Беды проходят, вечное остается. Афон остается.

1969

Русская мысль. Париж, 1969, 9 января; *Зайцев Б. К.* Собрание сочинений в 11 тт. М.: Русская книга, 2000, т. 7, с. 422–426.

Вместо послесловия

Более 900 лет существует на горе Афон в Греции православный Пантелеимонов монастырь – одна из значительных исторических, духовных и культурных ценностей русского народа. Когда-то он процветал. Последние 70 с лишнем лет медленно, но неуклонно разрушается и уже практически пришел в упадок.

«...В определенной мере такое положение стало возможным в результате незаинтересованного отношения к его судьбе со стороны соответствующих органов в СССР...» К такому выводу пришли в мае 1986 года работники отделов ЦК КПСС (пропаганды и международного), описывая бедственное положение Пантелеимонова монастыря. Их предложения были приняты 28 мая того же года Секретариатом ЦК.

Но, как свидетельствуют документы, благие намерения так и не переросли в реальное дело.

Ниже публикуются имеющиеся в Центре хранения современной документации (ЦХСД) постановление Секретариата ЦК КПСС от 28 мая 1986 года. И приложенные к нему уже упоминавшаяся записка, справка «Русский Пантелеимонов монастырь на Афоне», подготовленная, видимо, Советом по делам религий при Совете Министров СССР, и информация Совета по делам религий и МИД СССР от сентября 1986 года О ходе выполнения постановления Секретариата ЦК.

Хочется, чтобы эта публикация помогла привлечь внимание правительства России, всех россиян к делу спасения Пантелеимонова монастыря на Афоне – частицы нашего национального богатства.

Совершенно секретно

**Выписка из протокола № 9 Заседания Секретариата ЦК КПСС от 28 мая 1986 года
О сохранении Пантелеимонова монастыря на горе Афон (Греция)**

Согласиться с предложениями по данному вопросу, изложенными в записке Отдела пропаганды и Международного отдела ЦК КПСС (прилагается).

Поручить МИД СССР, Совету по делам религий при Совете Министров СССР, Академии наук СССР, Министерству культуры СССР в оперативном порядке решить поставленные в ней вопросы.

О результатах и возможных новых действиях доложить ЦК КПСС в сентябре 1986 года.

Секретарь ЦК Е. Лигачев

Послано: тт. Чебрикову, Шеварднадзе, Демичеву, Добрынину, Яковлеву, Александрову, Кравцову, Харчеву, Воронову, Григорьеву, Слезко, Смиртюкову.

Секретно

Приложение

ЦК КПСС

**О сохранении Пантелеимонова монастыря
на горе Афон (Греция)**

Пантелеимонов монастырь на Афоне с 1169 года находится во владении русских монахов. В течение столетий в нем накоплены большие ценности, имеющие значительный научный и общекультурный интерес. В библиотеке монастыря хранятся 25 тысяч томов старинных книг, сосредоточено большое собрание славянских и греческих рукописей (около 1500). Они привлекают внимание известных ученых СССР и многих других стран, в частности Греции, США, Нидерландов, ФРГ, Австрии.

В дореволюционное время в Пантелеимоновом монастыре насчитывалось около 2000 монахов. В последующие годы число служителей постоянно сокращалось и в настоящее

время в нем проживает 18 человек. Въезду новых монахов из СССР препятствуют греческие власти. Шесть кандидатов на поселение в монастыре ждут греческих виз с апреля 1984 года.

Монастырь стал объектом постоянного интереса церковных и околоцерковных кругов различных стран, в том числе так называемой карловацкой церкви (объединение враждебных СССР русских церквей за рубежом), которые пытаются овладеть им. Заселение монастыря православными монахами, не являющимися представителями Русской православной церкви, может превратить его в новый центр клерикальной антисоветской пропаганды.

Греческими властями предпринимались и предпринимаются попытки переселения монахов в старое помещение монастыря с целью создания в нынешних основных зданиях туристского центра. В Греции создан центр по изучению и восстановлению памятников Афона (здесь находится 20 православных монастырей различных стран), деятельность которого субсидируется Европейским экономическим сообществом. В готовящуюся новую конституцию Греции планируется включить параграф, предусматривающий переход исторических, культурных ценностей всех монастырей Афона в собственность греческого государства.

В определенной мере такое положение стало возможным в результате незаинтересованного отношения к его судьбе со стороны соответствующих органов в СССР.

Проблема сохранения Пантелеимонова монастыря, накопленных в нем многими поколениями русских людей исторических, духовных, художественных и материальных ценностей имеет важное государственное и политическое значение.

В этой связи полагали бы необходимым осуществить следующие мероприятия:

1. Поручить МИД СССР, Минюсту СССР совместно с Советом по делам религий при Совете Министров СССР разработать правовую защиту интернационального характера Афона и, в частности, права Русской православной церкви на оказание поддержки Пантелеимонову монастырю на Афоне, предпринять меры для того, чтобы не допустить перехода монастыря в собственность греческого государства, решить вопросы, связанные с оформлением въезда и проживания священнослужителей и ученых, направляемых на Афон из СССР.

2. Разрешить Совету по делам религий при Совете Министров СССР дать согласие руководству Русской православной церкви: обратиться к правительству и церковным иерархам Греции с просьбой о разрешении оказать помощь со стороны Русской православной церкви Пантелеимонову монастырю; на пополнение состава Пантелеимонова монастыря монахами из СССР первоначально на уровне примерно в 50 человек;

создать представительство (подворье) Пантелеимонова монастыря при Московской патриархии, которое, в частности, принимало бы непосредственно участие в подготовке монахов к несению послушания на Афоне;

оказывать постоянную помощь Пантелеимонову монастырю и в случае возможности открыть представительство Русской православной церкви на Афоне, а также при Константинопольском патриархате;

заключить соглашение о сотрудничестве в изучении и поддержании культурного наследия Афона Элладской, а также с Константинопольской, Болгарской и другими православными церквами.

3. Поручить Министерству культуры СССР, Академии наук СССР совместно с Советом по делам религий при Совете Министров СССР разработать программу по изучению накопленных в Пантелеимоновом монастыре и в других монастырях Афона ценностей, представляющих интерес с научной и культурной точек зрения. С этой целью заключить необходимые соглашения о сотрудничестве с соответствующими компетентными организациями в Греции, а также предпринимая шаги к установлению научных связей с центром по изучению и восстановлению памятников Афона (КЕДАК, Греция) в деле реставрации афонской архитектуры и живописи, с центрами по изучению источников по истории Балканского полу-

острова и Средиземноморья (СИБАЛ) при ЮНЕСКО и другими зарубежными учреждениями византиноведения и славистики.

С МИД СССР (т. Логиновым), Минюстом СССР (т. Кравцовым), Минкультуры СССР (т. Зайцевым), КГБ СССР (т. Бобковым), Академией наук СССР (т. Федосеевым), Советом по делам религий при Совете Министров СССР (т. Харчевым) согласовано.

Отдел пропаганды ЦК КПСС Международный отдел ЦК КПСС

Русский Пантелеимонов монастырь на Афоне

I. К истории вопроса

Находящаяся на территории Греции гора Афон была с давних пор местом паломничества православных христиан. Многие из них оседали здесь на долгие годы или оставались навсегда. Так здесь образовалась своеобразная «монашеская республика». К середине XII в., на Афоне осело большое количество русских монахов, и в 1169 году в их владение перешел Пантелеимонов монастырь. В последующие столетия этот монастырь знал подъемы и спады. Он достиг особого расцвета во второй половине XIX – начале XX века, когда в нем насчитывалось около 2000 монахов; общее число русских монахов, включая тех, кто проживал в скитах и кельях, расположенных на территории других монастырей на Афоне, достигало в этот период 4000. Пантелеимонов монастырь стал к этому времени одним из крупнейших на Афоне, и влияние русских здесь тоже было значительным.

После перехода Афона в 1912 году к Греции Пантелеимонов монастырь вследствие маневра греческой дипломатии был в значительной степени обескровлен. В последующие годы в связи с прекращением связей монастыря с Русской православной церковью и отсутствием естественного пополнения начался его упадок. К окончанию Великой Отечественной войны 1941–1945 годов в монастыре уже насчитывалось немногим более 200 человек. В последующие годы число насельников монастыря продолжало сокращаться, и был период, когда в нем оставалось всего 9 человек. Въезду новых насельников из СССР препятствовали греческие власти, проводившие политику, направленную на ликвидацию интернационального характера «монашеской республики». В определенной мере ослаблению монастыря способствовало и снижение интереса к его судьбе и со стороны соответствующих органов в СССР. В настоящее время общее число насельников в монастыре составляет 18 человек (среди которых 4 нетрудоспособных). 6 кандидатов на поселение в Пантелеимоновском монастыре ждут греческих виз с апреля 1984 г.

Монастыри на Афоне издавна пользовались автономией, и проходившие войны не оказывали заметного влияния на их положение и уклад жизни. В новое время автономия получила международное признание (Сан-Стефанский договор 1878 года, Берлинский трактат 1878 года). Конституция Греции также рассматривает Афонский полуостров как самоуправляющаяся часть греческого государства. Для поселения в монастыре и даже для простого туристского посещения Афона необходимо получить разрешение греческих властей, Константинопольского патриарха, в каноническом ведении которого находятся все монастыри Афона, и Священного Кинота – верховного органа Афона, в состав которого входят по одному представителю от всех 20 монастырей (16 греческих, болгарский, сербский, грузинский, в котором уже нет грузин, и русский), расположенных на этом полу острове.

Вся жизнь и деятельность на Афоне регламентируется Уставом, принятым Кинотом. Уставы монастырей, регламентирующие их внутренний уклад, не должны противоречить основному Уставу Афона. **Согласно установленному Уставом порядку каждый монастырь владеет своей собственностью, которая не может быть отторгнута.**

II. Ценность монастыря

В течении столетий существования монастырей на Афоне в них накоплены огромные ценности, представляющие большой научный и общекультурный интерес. **Одним из наиболее богатых в этом плане является Пантелеимонов монастырь.**

Изучению культурных ценностей Афона, в том числе Пантелеимонова монастыря, уделяют большое внимание ученые многих стран, в частности Греции, США, Нидерландов, ФРГ, Австрии. Ими подготовлен ряд значительных публикаций. В 1983 году на Афоне побывала группа исследователей из СССР – сотрудников Патриархата, Академии наук СССР и Министерства культуры СССР. В библиотеке монастыря хранятся примерно 25 тысяч томов старинных книг, сосредоточено большое собрание славянских и греческих рукописей (около 1500). В нем был хороший археологический музей с экспонатами от ранней античности до XVIII века. Группа провела большую работу по систематизации фондов библиотеки и их изучению, сняла фото и ксерокопию со многих редких изданий и рукописей, хранящихся в библиотеке монастыря. (Эти материалы хранятся в отделе рукописей библиотеки АН СССР в Ленинграде). Согласно оценкам этой группы, большая часть книг и рукописей, сохранившихся до настоящего времени в библиотеке (многое похищено, музей разрушен), имеет огромную научную ценность. При этом отмечают, что многие книги и рукописи подвергаются разрушению книжным червем и плесенью. Имеются экземпляры, работа с которыми невозможна до их реставрации.

Согласно сообщению одного из выезжавших для поселения на Афоне и вернувшихся в СССР монахов, большое количество принадлежащих Пантелеимонову монастырю ценностей спрятаны в тайниках на территории монастыря и за его пределами на территории Афона. У монастыря имеются также земельные участки вне Афона (на полуострове Кассандра, в г. Уронеполисе, около Крумицы, в г. Фессалоники и др.).

Огромная территория Пантелеимонова монастыря, расположенного в очень живописном месте, обладающего большими богатствами, делает его объектом постоянного интереса различных церковных и околоцерковных кругов. Православные монахи разных национальностей особенно греки и американцы, принадлежащие к карловацкому центру (объединение русских церквей за рубежом), предпринимают постоянные попытки вступить в него, чтобы со временем овладеть им полностью. **Часть насельников монастыря предпринимает чрезвычайные усилия, чтобы сохранить его русский характер.** Пока это удастся. Но бывший Ильинский скит сейчас уже занят монахами – представителями карловацкого раскола, другой русский скит – Андреевский – пустует. Заселение монастыря православными монахами, не являющимися представителями Русской православной церкви, помимо других потерь, грозит возможностью его превращения в новый центр клерикальной антисоветской пропаганды. Случаи распространения в монастыре антисоветской литературы уже имелись.

III. Политическая ситуация

Греческими властями предпринимались и предпринимаются попытки переселения монахов Пантелеимонова монастыря в старое здание русского монастыря (нагорный Руссик) с целью использования внешней основной территории (так называемый прибрежный Руссик) для создания здесь туристского центра.

Обращает также на себя внимание то, что в Греции создан и начал функционировать центр по изучению и восстановлению памятников Афона (КЕДАК), деятельность которого субсидируется Европейским экономическим сообществом. В готовящуюся новую конституцию Греции планируется включить параграф, предусматривающий переход исторических, культурных и других ценностей всех монастырей Афона в собственность государства.

Насельники монастыря в течении многих лет обращаются к руководству Русской православной церкви в Москве с просьбой о помощи. Такое обращение было сделано в конце 1985 года и в Совет по делам религий при Совете Министров СССР.

Посольство СССР в Греции также пыталось привлечь внимание соответствующих инстанций в Москве к проблеме сохранения русского характера Пантелеимонова монастыря.

В этой связи можно было бы выделить три задачи, решение которых имеет, как думается, важное государственное и политическое значение.

1. Сохранить Русский Пантелеимонов монастырь под попечительством Русской православной церкви как центр русского влияния на Афоне, стремясь в перспективе превратить его и в центр советского влияния.

2. Создать благоприятные условия для сохранения накопленных многими поколениями русских людей в течение столетий исторических, духовных, художественных и материальных ценностей, хранящихся в Пантелеимоновом монастыре, и изучить вопрос о возможности приобретения со временем наиболее ценных экземпляров книг, рукописей, художественных и других изделий, принадлежащих Русскому Пантелеимоновому монастырю. Эта задача прямо связана с комплексом тех проблем, о которых пишет в своем письме в ЦК академик Д. С. Лихачев.

3. Наладить систематическое изучение исторических источников и культурных ценностей Русского Пантелеимонова монастыря, а также других монастырей на Афоне, стремясь обеспечить приоритет советских ученых в этом деле.

IV. Что действительно необходимо сделать

а) По линии государственных ведомств: 1. Разрешить Совету по делам религий определять с учетом установленных квот количество монахов для прописки в действующих монастырях Русской православной церкви (Почаевской Успенской лавре, Тернопольской обл. УССР; Псково-Печерском, Псковской обл. РСФСР; Одесском Успенском, Одесской обл. УССР) с целью их подготовки для последующего направления на подворье Пантелеимонова монастыря, а оттуда по завершении подготовки в монастырь на Афон.

2. Поручить Академии наук СССР совместно с Министерством культуры СССР разработать специально программу по изучению накопленных в Пантелеимоновом монастыре, а также в других монастырях Афона ценностей, представляющих интерес с научной и культурной точки зрения. Для облегчения решения этой задачи заключить необходимые соглашения о сотрудничестве с соответствующими компетентными организациями в Греции.

3. Министерству культуры совместно с АН СССР изучить вопрос о целесообразности изготовления и передачи в библиотеку Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне фото и ксерокопий похищенных ранее отрывков рукописей похищенных ранее отрывков рукописей, находящихся в настоящее время в хранилищах Москвы, Ленинграда, Киева и Одессы.

4. Министерству культуры совместно с АН СССР изучить вопрос и в случае возможности принять меры к осуществлению сотрудничества с организацией КЕДАК в деле реставрации памятников афонской архитектуры и живописи.

5. Поручить МИД СССР разработать правовую защиту интернационального характера Афона и, в частности, права РПЦ на оказание всяческой поддержки Пантелеимонову монастырю на Афоне и в случае необходимости МИДу СССР выступить с такой защитой. Вообще надо привлечь внимание МИДа, нашего посольства в Афинах к этой проблеме. Пока они смотрят на нее зачастую как на сугубо церковную.

6. Поручить МИД СССР проявлять большую настойчивость при оформлении выездных документов для групп, направляемых на Афон.

7. Совету по делам религий совместно с Министерством культуры СССР, АН СССР и Московской Патриархией изучить вопрос о создании общества сохранения ценностей Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне с целью изучения культурного наследия Афона и в первую очередь хранящихся там памятников отечественной истории и культуры, имея в виду, что это общество могло бы координировать связи советских исследователей с зарубежными и международными организациями, такими, как Центр по изучению источников по истории Балканского полуострова и средиземноморья (СИБАЛ) при ЮНЕСКО, зарубежными центрами византиноведения и славистики, Патриаршим институтом патристических

исследований в Фессалониках и др. Указанное общество могло бы существовать на основе самокупаемости за счет взносов его членов и главным образом за счет доходов от публикации и распространения результатов исследований, в том числе за рубежом за валюту.

б) По линии Русской православной церкви:

1. Обеспечить пополнение состава Пантелеимонова монастыря насельниками из СССР, специально отобранными и прошедшими целевую подготовку для несения послушания в Пантелеимоновом монастыре с учетом его специфических условий, и поддерживать число насельников монастыря на уровне примерно в 50 человек.

2. Разрешить Московской патриархии создать подворье (представительство) Пантелеимонова монастыря в пределах РПЦ, которое, в частности, принимало бы непосредственно участие в подготовке монахов к несению послушания на Афоне. Разрешить въезд в СССР и проживание на указанном подворье до 5 представителей Пантелеимонова монастыря. Разрешить проживание на этом подворье в течении года всех групп монахов, готовящихся к отъезду на Афон.

3. Оказывать постоянную помощь Пантелеимонову монастырю, рассматривая его как своеобразное представительство Русской православной церкви на Афоне. Установить и развивать отношения сотрудничества с Кинотом Афона. Изучить вопрос о целесообразности и возможности открыть подворье Русской православной церкви при Пантелеимоновом монастыре или при Киноте на Афоне.

4. Изучить возможность открытия подворья Русской православной церкви в Константинополе при Константинопольском патриархате, используя для этой цели имеющееся там и пустующее подворье Пантелеимонова монастыря. Заключить соглашение о сотрудничестве в изучении культурного наследия Афона с Элладской а также с Константинопольской, Болгарской и другими православными церквями.

Надо полагать, что все эти меры помимо прочего укрепили бы и наши традиционные культурные исторические, духовные связи с Грецией.

К справке приложены следующие резолюции:

– «Т.т. ЯКОВЛЕВУ А. Н., ДОБРЫ НИ НУ А. Ф. Прошу Вас разобраться в этом вопросе. Здесь, видимо, действительно нужны эффективные меры в интересах нашего государства <...> Е. Лигачев. 23 апреля 1986 г.».

– «тов. СЛЕЗКО П. Я. Вопрос важный, имеет свою историю. Думаю, что надо готовить предложения в ЦК. На каком-то этапе целесообразно привлечь И. И. Удальцова, бывшего посла в Греции. Он знает вопрос. А. Яковлев. 25.04.86».

С е к р е т н о № 4 Ц К К П С С

О ходе выполнения Постановления Ст. – 9/4ГС от 28 мая 1986 года по сохранению Пантелеимонова

Монастыря на горе Афон (Греция)

26 сентября 1986 г.

В соответствии с поручением Ст. – 9/4ГС от 28 мая 1986, года докладываем, что Министерством иностранных дел СССР, Советом по делам религий при Совете Министров СССР, Министерством культуры СССР, Министерством юстиции СССР и Академией наук СССР была проделана следующая работа:

1. Создана смешанная межведомственная комиссия из представителей вышеуказанных организаций под председательством заместителя министра иностранных дел СССР тов. Чаплина Б. Н. Комиссия провела три рабочих заседания для рассмотрения проблем, связанных с укреплением связей Русской православной церкви с Пантелеимоновым монастырем на горе Афон (Греция).

На основании рекомендаций межведомственной комиссии в Совете по делам религий создана проблемная рабочая группа, возглавляемая заместителем председателя тов. Мило-

вановым Е. Е. Аналогичные группы и комиссии созданы в Министерстве иностранных дел (руководитель – заведующий I Европейским отделом тов. Афанасьевский Н. Н.), Министерстве культуры (руководитель – начальник управления изобразительных искусств и охраны памятников тов. Попов Г. П.), Академии наук СССР (руководитель – член-корреспондент тов. Новосельцев А. П.).

Министерство юстиции выделило своих сотрудников для оказания содействия в анализе юридических норм, определяющих международный статус Пантелеимонова монастыря.

Группы и комиссии министерств и ведомств приступили к конкретной работе.

2. МИД СССР, Совет по делам религий проводят анализ действующих международных договоров и трактатов, в которых в той или иной форме определяется юридический и международный статус монастыря.

3. Русская православная церковь при содействии Совета по делам религий подготовила к выезду в Пантелеймонов монастырь 18 монахов. Посол СССР в Греции в соответствии с поручением дважды ставил вопрос о выдаче монахам греческих виз перед министром иностранных дел Греции К. Папульясом, который обещал оказать личное содействие в его решении. Митрополит Белорусский и Минский Филарет во время аудиенций в августе с. г. у заместителя премьер-министра Греции И. Хараламбопулоса и министра иностранных дел К. Папульяса также обращался с просьбой о скорейшей выдаче виз. Заместителю премьер-министра было также вручено личное послание Патриарха Московского и Всея Руси по этому вопросу. Греческая сторона обещала оказать содействие в его положительном рассмотрении.

4. Русской православной церковью при содействии Совета по делам религий проводится работа по организации подворья Пантелеимонова монастыря при РПЦ. В частности, в этих целях рассматривается возможность использования церкви в селе Радонеж (Московская область), помещений, прилегающих к Невской лавре (г. Ленинград) и территории Одесского монастыря.

Осуществляется подбор монахов в монастырях Русской православной церкви на территории СССР для их направления в Пантелеимонов монастырь в последующие годы.

5. Русской православной церковью оказана единовременная материальная помощь монастырю в размере 5000 долларов США для покупки холодильников и подготовлены для отправки два микроавтобуса типа «РАФ».

Согласовано с Министерством культуры СССР, Министерством юстиции СССР и Академией наук СССР (тт. Попов Г. П., Кузьмин В. М. и Шмидт С. О. соответственно).

Председатель Совета Заместитель министра

по делам религий иностранных дел

при Совете Министров СССР

СССР Б. Н. Чаплин К. М. Харчев

Дела монастырские... // *Кентавр*. М., 1993, № 2 Содержание

Иллюстрации

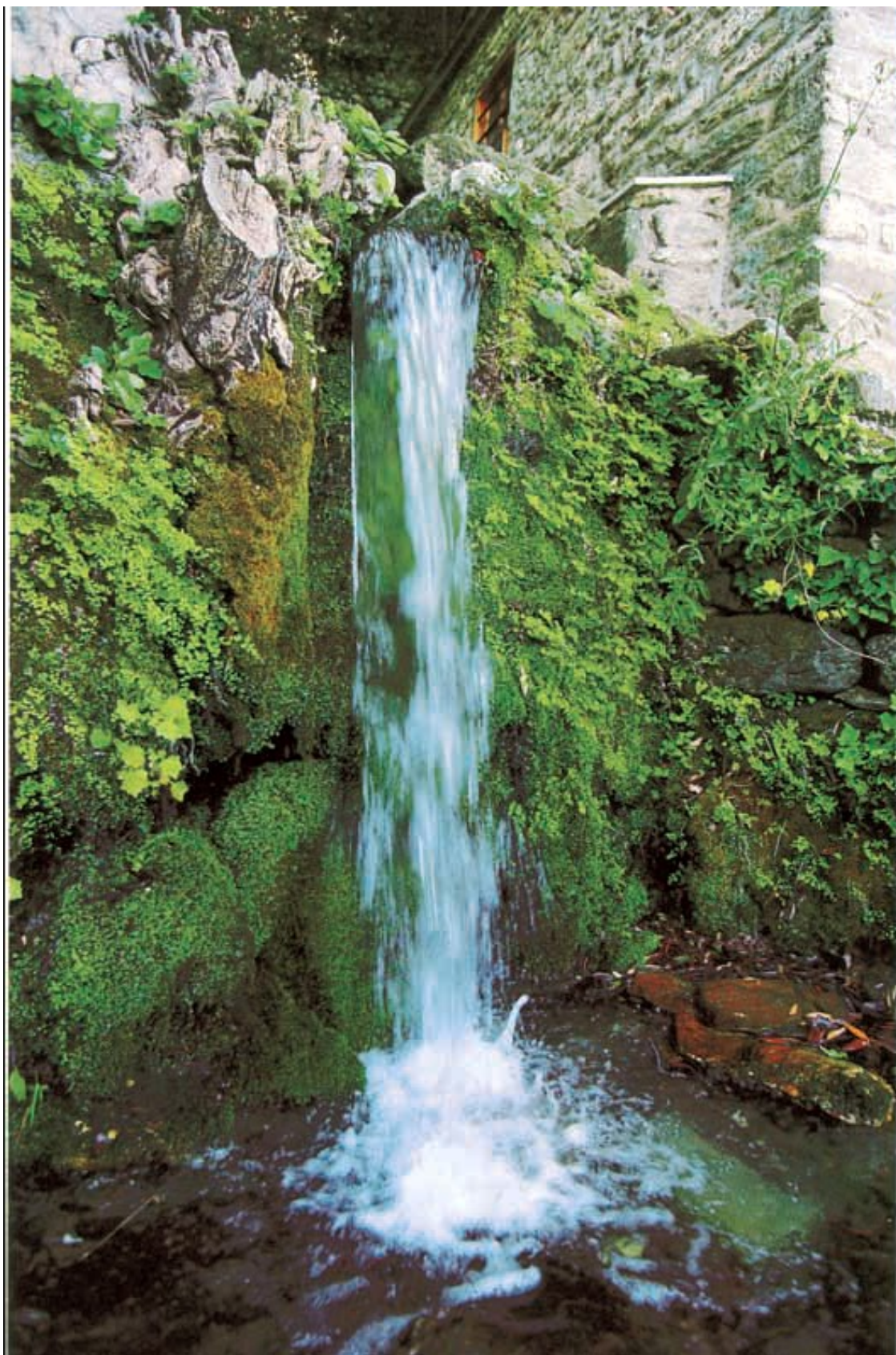
Вид с вершины горы Афон

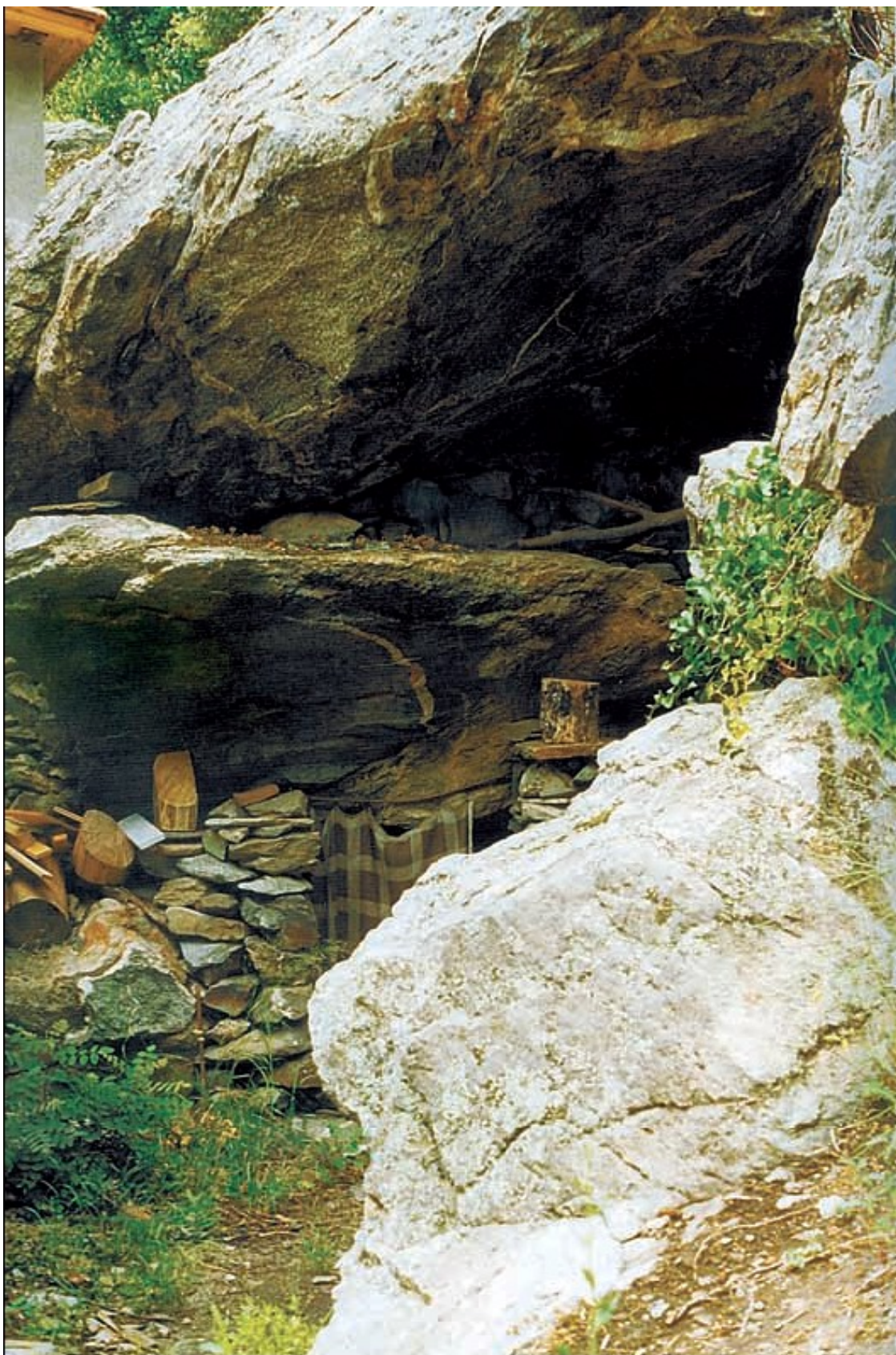

Вид с перевала скита Малой Анны на скит Святой

*Анны и южное побережье Афона
Целебный источник, забивший в месте встречи
преподобного Афанасия Афонского с Божией Матерью*

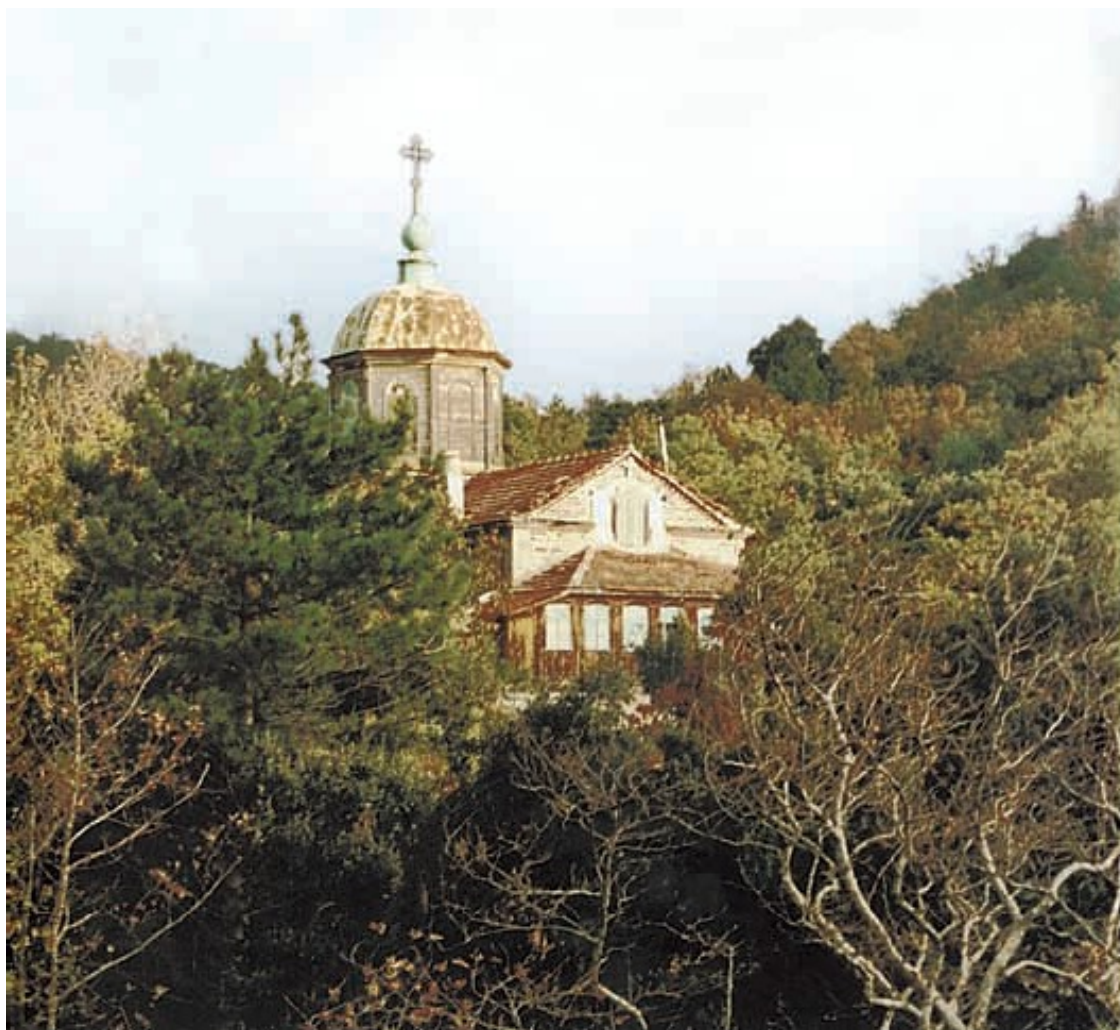

*Вход в пещеру,
в которой подвизался преподобный Григорий Палама
Старый Руссик.
Храм великомученика и целителя Пантелеимона*

*Старый Руссик.
Храм Почаевской иконы Божией Матери
Ксилургу – первая русская обитель на Афоне*

*Чудотворная икона святого великомученика
и целителя Пантелеимона
Русский Свято-Пантелеимонов монастырь.
Слева – мельница преподобного Силуана*

*Русский Свято-Пантелеимонов монастырь
Благословенный крест на вершине Афона,
установленный шестью русскими подвижниками
в конце XIX века*

*Вечернее Богослужение
в Соборе великомученика Пантелеимона*

*Собор во имя святого апостола Андрея Первозванного
(бывшего русского Андреевского скита)*

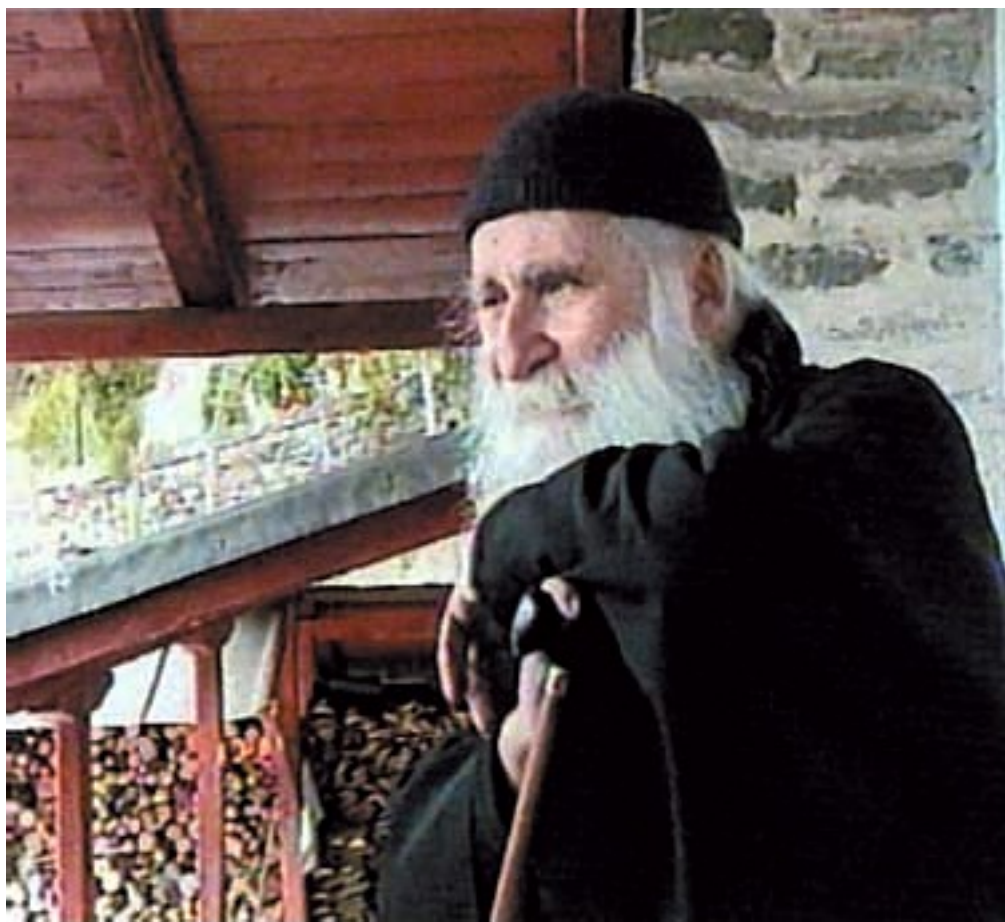
*Внутренний двор Свято-Пантелеимонова монастыря.
Слева – храм святителя Митрофана Воронежского*

Отец Серафим

*Монах Иосиф Ватопедский,
ученик старца Иосифа Исихаста*

Борис Константинович Зайцев

Константин Николаевич Леонтьев

